

ISSN 2500-2988
УДК 32:93:316

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2024. Т. 15. № 3

**Учредитель
и издатель:**
Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ:

Политические науки

- 5.4.5. Политическая социология
- 5.5.1. История и теория политики
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики
- 5.5.4. Международные отношения

Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2024. Vol. 15. No. 3

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia, Verh-
nyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Ольга Викторовна Ерохина – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Виленович Бруз – доктор исторических наук; профессор кафедры государственных закупок, менеджмента и государственного управления экономического факультета Государственного университета просвещения, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Москва

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Татьяна Владиславовна Каширина – доктор исторических наук, профессор; заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания
Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, г. Москва; доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Алек Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Olga V. Erokhina – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Chief Researcher at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir V. Bruz – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Public Procurement, Management and Public Administration of the Faculty of Economics, State University of Education, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Tatyana V. Kashirina – Dr. Hab. in History; Head at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; project manager, Expert Institute of Social Research, Moscow; Associate Professor at the Department of Comparative Political Science of the Faculty of Management and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History of the Institute of History and Philology, Federal State University of Education, Russian Federation

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

В.А. Чернышёв

Осмысление причин и феномена революции 1917 г.
русскими религиозными философами и публицистами
первой четверти XX в.
(по материалам сборника статей «Из глубины») 11

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

А.В. Тихонова

Швейцарские часовщики в Российской империи
первой половины XIX в. 23

И.М. Могилевич

Некоторые неизвестные сюжеты «разбора»
Санкт-Петербургского университета 1820-х гг. 36

П.А. Рыбаков

Политика коллективизации в Московской области
в 1931–1932 гг. 57

*Е.В. Бодрова, В.В. Калинов,
В.Н. Красивская*

О развитии советской вычислительной техники в 1960-е гг.
(на основе рассекреченных архивных документов). 68

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Ю.В. Куликова

Чувство юмора как отражение
особенностей идентичности древних римлян 82

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

С.В. Мельникова

Затяжной конфликт:
сущность и подходы к урегулированию 101

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*А.М. Новоторцева*

Визит Константинопольского Патриарха
Афинагора I (Спиру) в Дамаск
в отражении личных записей церковного дипломата
епископа Подольского Иоанна (Вендланда) за 1959 г. 119

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Л.Я. Прокопенко

Рецензия на книгу:
Филиппов В.Р. Африканская политика
президента Франции Э. Макрона:
хроника действий и эволюция идей
(2017–2022 гг.) 138

А.В. Островский

Рецензия на книгу:
Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток.
Восточноазиатский вектор России (2014–2024). 143

IN MEMORIAM

Памяти Георгия Владимировича Ляпишева
(1935–2024). 156

Памяти Александра Юрьевича Донского
(1949–2024). 159

Памяти профессора Александра Ивановича Юрьева
(1948–2024). 162

Contents

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY, METHODOLOGY OF HISTORY

V.A. Chernyshev

The interpretation of the causes
and the phenomenon of the Russian Revolution 1917
by Russian religious philosophers and publicists
of the first quarter of the 20th century
(based on the collection of articles “Iz glubiny”) 11

RUSSIAN HISTORY

A.V. Tikhonova

Swiss watchmakers in the Russian Empire
in the first half of the 19th century 23

I.M. Mogilevich

Some unknown subjects of St. Petersburg University
“inquisition” in 1821 36

P.A. Rybakov

The policy of collectivization in Moscow region
in 1931–1932 57

*E.V. Bodrova, V.V. Kalinov,
V.N. Krasivskaya*

On the development of Soviet computer technology
in the 1960s (based on declassified archival documents) 68

GENERAL HISTORY

Yu.V. Kulikova

Sense of humor as a reflection of the identity features
of the Ancient romans. 82

THEORY AND HISTORY OF POLITICS

S.V. Melnikova

Protracted conflicts:
Essence and approaches to settlement 101

INTERNATIONAL RELATIONS:
HISTORY AND PRESENT DAY*A.M. Novotortseva*

The visit of the Patriarch of Constantinople Athenagoras I (Spyrou)
to Damascus as reflected in the personal notes
of the church diplomat Bishop of Podolsk John (Wendland)
for 1959 119

CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

L.Ya. Prokopenko

Book Review:
V.R. Filippov. African policy of the President of France E. Macron:
Chronicle of actions and evolution of ideas (2017–2022) 138

A.V. Ostrovskii

Book Review:
K.V. Babaev, S.G. Luzyanin. Pivot to the East.
East Asian Vector of Russia (2014–2024) 143

IN MEMORIAM

In memory of Georgiy V. Lyapishev
(1935–2024). 156

In memory of Alexander Yu. Donskoy
(1949–2024). 159

In memory of Alexander I. Yurev
(1948–2024). 162

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-11-22

УДК 93/94:(172.1+241.13)

В.А. Чернышёв

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
115054 г. Москва, Российская Федерация

Осмысление причин и феномена революции 1917 г. русскими религиозными философами и публицистами первой четверти XX в. (по материалам сборника статей «Из глубины»)

В данной работе на основе материалов сборника статей «Из глубины» проведен анализ и интерпретация взглядов русских религиозных мыслителей на революционные процессы в России 1917 г. Актуальность данного исследования обусловлена недостаточным вниманием к сборнику «Из глубины» со стороны научного сообщества как к источнику, позволяющему определить оценку русской революции 1917 г., данную ей наиболее выдающимися представителями религиозно-философской мысли первой четверти XX в. Результаты исследования показывают, что философы трактовали революцию как катастрофу, всеобъемлющий кризис и бунт против Бога, повлекшие разрушение государства. Главными виновниками революции ими были названы оторвавшаяся от народа интеллигенция, отдельные исторические деятели (Г.Е. Распутин, Л.Н. Толстой, Николай II), старый режим и русский народ, поддавшийся на революционную пропаганду. Причинами революции мыслители называли духовно-нравственный кризис,

© Чернышёв В.А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ослабление религиозности, слабость монархической власти, влияние Первой мировой войны и подрывную деятельность революционеров.

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., сборник статей «Из глубины», религиозно-философская мысль, интеллигенция, духовно-нравственный кризис, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, «распутинщина», Первая мировая война, Николай II

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чернышёв В.А. Осмысление причин и феномена революции 1917 г. русскими религиозными философами и публицистами первой четверти XX в. (по материалам сборника статей «Из глубины») // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 11–22. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-11-22

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-11-22

V.A. Chernyshev

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, 115054, Russian Federation

The interpretation of the causes and the phenomenon of the Russian Revolution 1917 by Russian religious philosophers and publicists of the first quarter of the 20th century (based on the collection of articles “Iz glubiny”)

This work, based on the materials gathered from the collection of articles “Iz glubiny” represents the analysis and the interpretation of Russian religious thinkers’ views on the revolutionary processes taking place in Russia in 1917. The implementation of this research will not only contribute to better understanding the purport of those great upheavals but also to identify their underlying causes. The relevance of this study is due to the lack of attention paid by the scientific community to the publication “Iz glubiny” as a source that

allows to determine the assessment of the Russian Revolution of 1917 given by the most outstanding representatives of religious and philosophical thought of the first quarter of the 20th century. The results of the study show that philosophers interpreted the Revolution as a catastrophe, an all-encompassing crisis, and a rebellion against God, which led to the destruction of the state. According to them the main culprits of the Revolution were the intelligentsia, who had become detached from the people, individual historical figures (Grigori Rasputin, Leo Tolstoy, Nicholas II), the old regime, and the Russian common people who succumbed to revolutionary propaganda. The thinkers named the spiritual and moral crisis, the weakening of religiosity, the weakness of monarchical power, the influence of the First World War, and the subversive activities of revolutionaries as the causes of the revolution.

Key words: Russian Revolution of 1917, collection of articles “Iz glubiny”, religious and philosophical thought, intelligentsia, spiritual and moral crisis, Nikolai Berdyaev, Peter Struve, “rasputinshchina”, First World War, Nicholas II

FOR CITATION: Chernyshev V.A. The interpretation of the causes and the phenomenon of the Russian Revolution 1917 by Russian religious philosophers and publicists of the first quarter of the 20th century (based on the collection of articles “Iz glubiny”). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 11–22. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-11-22

Настоящая статья ставит своей целью анализ и интерпретацию взглядов выдающихся русских религиозных мыслителей на революционные процессы в России 1917 г.

Сборник статей «Из глубины» представляет собой уникальный источник, содержащий размышления и оценки крупнейших представителей русской религиозно-философской мысли первой четверти XX в., таких как С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и др., о причинах и последствиях революции 1917 г. Анализ этих материалов позволяет проследить, как религиозные мыслители интерпретировали причины и феномен революции 1917 г. с точки зрения своих философских и религиозных убеждений.

Исследование данной темы имеет важное значение для понимания исторического процесса в целом, а также для формирования более глубокого и комплексного взгляда на роль религии, культуры и идеологии в развитии общества.

Одной из первых попыток представить историю и подчеркнуть значение публикации «Из глубины» была предпринята другим религиозным философом XX в. Н.П. Полторацким в его предисловии к переизданию

сборника в Париже в 1967 г. [10]. Полторацкий отмечал, что информация о процессе составления и выхода в свет первого издания «Из глубины» крайне ограничена, и для реконструкции событий он опирался на воспоминания одного из авторов сборника, С.Л. Франка.

Согласно свидетельству С.Л. Франка, инициатором создания сборника «Из глубины» выступил П.Б. Струве, который после прихода к власти большевиков осенью 1917 г. находился в Ростове-на-Дону, принимая активное участие в Совете Добровольческой Армии. В феврале 1918 г., после ухода этой армии из Ростова в Ледяной поход, Струве вернулся в Москву, где, находясь на нелегальном положении, продолжил издавать журнал «Русская мысль». Именно тогда у него возникла идея издать сборник статей, в котором он и близкие ему по духу русские мыслители, ученые, политики и публицисты выразили бы свое принципиальное неприятие большевизма.

Струве предложил название «Из глубины», а Франк написал одноименную статью, используя для нее латинский перевод «De profundis». В сборнике приняли участие одиннадцать авторов, среди которых были П.Б. Струве, С.Л. Франк и такие видные фигуры, как С.А. Аскольдов, С.Н. Бердяев, С.Н. Булгаков, Вяч. Иванов, А.С. Изгоев, С.А. Котляревский, В.Н. Муравьев, И.И. Новгородцев и И.А. Покровский. Пятеро из них (Бердяев, Булгаков, Струве, Франк, Изгоев) ранее участвовали в создании знаменитого сборника «Вехи». Статьи в сборнике «Из глубины» были расположены в алфавитном порядке фамилий авторов, а ко всему сборнику было написано краткое предисловие издателя, т.е. самого Струве.

Формирование сборника происходило преимущественно в период с апреля по июль 1918 г. Изначально Струве планировал ограничиться написанием краткого предисловия, датированного июлем, ввиду отсутствия достаточного времени для подготовки собственной статьи. Однако в связи с задержкой публикации сборника Струве все же написал свою статью, датировав ее августом того же года.

К осени 1918 г. сборник был полностью подготовлен к изданию, однако, согласно свидетельству Франка, после покушения Ф.Е. Каплан на В.И. Ленина в стране началась первая волна красного террора, что сделало невозможным выход книги в свет в сложившихся условиях. В результате сборник был опубликован лишь в 1921 г. [Там же, с. 9–10].

При анализе «Из глубины» мы использовали именно парижское издание 1967 г., поскольку в нем текст сборника был напечатан «полностью без каких-либо изменений по фотокопии с одного из двух экземпляров, попавших за границу»¹.

¹ Из глубины. Сборник статей о русской революции. 2-е изд. Paris, 1967. С. 331.

На сегодняшний день главным исследователем, вложившим серьезные усилия в изучение наследия веховцев, является кандидат исторических наук М.А. Колеров. Он же, наряду с Н.С. Плотниковым, подготовил комментарии и вступительную статью к первому изданию «Из глубины», появившемуся легально в России в 1990 г.² В 2020 г. вышла в свет книга М.А. Колерова «Манифесты русского политического идеализма» [7], в которой он анализирует три знаковых идейных сборника традиции веховства: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918). Он прослеживает развитие и трансформацию веховской идеи на фоне исторических событий того времени – от апологии персонализма и гуманизма к принятию идей национальной диктатуры после Октября 1917 г. Несмотря на отдельные замечания, книгу М.А. Колерова с одобрением приняли в философских кругах [4].

Признавая выдающиеся заслуги М.А. Колерова в изучении веховства, отметим, что его труды были направлены, в основном, на уточнение истории создания сборника «Из глубины» [8] и текстологические исследования отдельных его статей [9].

Обзор статей «Из глубины» был осуществлен также доктором философских наук и богословом В.Н. Катасоновым. Он отметил, что авторы сборника видели в революции религиозный смысл, интерпретировали ее как восстание против Бога [5, с. 78–79, 81]. В то же время представляется странным и спорным осуждение Катасоновым веховцев за отсутствие у них сочувствия к царской «святой» [6, с. 22] семье, за их симпатии к Февральской революции и за неприятие идей сакральности самодержавия, которые якобы воплощены «в русской истории и в отечественных трудах по теории монархии» [Там же, с. 23] – подобная религиозная ангажированность едва ли допустима в научном дискурсе.

Помимо историков и философов, сборник «Из глубины» анализировали и филологи. Так, К.А. Баршт обратил внимание на особый интерес веховцев к концепции «почвенничества» Ф.М. Достоевского и «философии религии» В.С. Соловьёва как к проектам религиозной реформации, которые, если бы были услышаны современниками, позволили бы «сдвинуть общество на путь положительного развития» [2, с. 45].

Работа О.А. Богдановой посвящена анализу восприятия и осмысления идей и взглядов Достоевского авторами сборника, которые разделили с писателем мнение о религиозно-метафизическом смысле революции как «бесноватости» ее вождей и участников, но и христианский оптимизм о будущем духовном воскрешении русского народа [3, с. 53].

² Из глубины. Сборник статей о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др. М., 1990.

Сугубо лингвистический характер имел труд И.В. Анистратенко, в котором была предпринята попытка изучить особенности речи русских религиозных философов начала XX в. в условиях политической нестабильности [1].

Изучив историографию вопроса, мы пришли к выводу, что серьезных исследований, посвященных анализу осмысления причин и феномена революции 1917 г. авторами сборника «Из глубины», в настоящее время не проведено. Существующие работы, рассматривавшие данный источник ранее, ставили перед собой либо иные цели, либо имели определенные недостатки, о чем сказано выше.

Характеризуя русскую революцию 1917 г., авторы «Из глубины» использовали исключительно пейоративы, т.е. слова или словосочетания с отрицательной экспрессивно-оценочной коннотацией, как то: катастрофа³, ужас⁴, кошмар⁵, позор⁶ и т.п.

В своей сущности революция, по мнению большинства мыслителей, стала катастрофой, приведшей к разрушению традиционного уклада, национальной империи, государственности, экономики, культуры и многомиллионным человеческим жертвам в России. Грандиозность этой разрухи объяснялась, как правило, тупиковостью таких явлений, как социализм⁷, диктатура пролетариата⁸ и классовая борьба, о чем наиболее емко заявил Струве: «Идея социализма и идея классовой борьбы в русское развитие вошли не как организующие, созидательные силы строительства, а только как разлагающие, разрушительные силы ниспровержения»⁹.

Аскольдов полагал, что революция 1917 г. – это трагическое столкновение светлых и темных начал русской души¹⁰, крушение старого мира, но, вместе с тем, и мучительное рождение нового религиозного сознания, залог будущего преображения России¹¹.

Бердяев, ссылаясь на «пророчества» Достоевского, определял русскую революцию как феномен, имевший антихристианскую и нигилистическую природу: «Русская революция – феномен религиозного

³ Из глубины. Сборник статей о русской революции. 2-е изд. Paris, 1967. С. 25, 71, 103, 133, 166, 220, 223, 289, 290, 292, 315, 318, 327.

⁴ Там же. С. 65, 116, 124, 138, 186, 189, 240, 274, 284, 291, 311, 317, 327.

⁵ Там же. С. 122, 186, 277, 284, 313.

⁶ Там же. С. 64, 278, 289, 290, 305.

⁷ Там же. С. 189, 265, 266, 318.

⁸ Там же. С. 277.

⁹ Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Там же. С. 298.

¹⁰ Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Там же. С. 49.

¹¹ Там же. С. 66.

порядка, она решает вопрос о Боге... <...> Это – бунт против божественного миропорядка, непринятие человеческой судьбы, определенной Божьим промыслом. Это – распря человека с Богом, нежелание принять страдание и жертвы, постигнуть смысл нашей жизни как искупление»¹².

В размышлениях Муравьева революция учредила в России «царство Антихриста, Сына Погибели, подменившего светлое Царствие Логоса»¹³. Вместе с тем революция послужила катализатором высвобождения стихийной народной энергии, своеобразного «рёва племени», который, по мысли философа, должен был способствовать возрождению русского духовного мирозерцания¹⁴.

Ответственность за свершение русской революции большинство мыслителей возлагало на русскую интеллигенцию, деятельность которой рассматривалась как важнейший фактор, обусловивший революционные процессы 1917 г. Авторы сборника «Из глубины» были склонны усматривать непосредственную причину революции в идейном кризисе и заблуждениях русской интеллигенции: к революции привели ее увлечение социалистическими, нигилистическими, атеистическими идеями и оторванность от народа и традиций.

С.А. Аскольдов обвинял интеллигенцию в слабости и неспособности повести за собой народ и придать революции положительное, созидательное русло¹⁵. Ему вторил Изгоев, полагавший, что «основная причина нынешнего нашего беспримерного государственного разгрома в том, что интеллигенция совершенно не понимала ни природы человека и силы движущих им мотивов, ни природы общества и государства и условий, необходимых для их укрепления и развития»¹⁶. Интеллигенция была захвачена «гибельной» социалистической идеей¹⁷, которая в условиях Первой мировой войны просочилась в народные массы¹⁸.

Некоторые мыслители виновниками революции объявляли конкретных исторических деятелей. Чаще всего таковым назывался Г.Е. Распутин.

Персонажи диалогов С.Н. Булгакова придерживались мнения, что Распутин и «распутинщина» явились решающим фактором, приблизившим революцию в России. Влияние, которое Распутин оказывал

¹² Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. 2-е изд. Paris, 1967. С. 81, 84.

¹³ Муравьев В.Н. Рёв племени // Там же. С. 245.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. 2-е изд. Paris, 1967. С. 57.

¹⁶ Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Там же. С. 184.

¹⁷ Франк С.Л. De profundis // Там же. С. 317.

¹⁸ Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Там же. С. 291.

на царскую семью, способствовало дестабилизации власти в критический период Первой мировой войны¹⁹. Аскольдов называл Распутина первым и крупнейшим деятелем «русской революции, ибо именно он был главным фактором глубочайшего падения видимой русской Церкви...»²⁰, а ее духовное разложение и бездействие как сдерживающей моральной силы общества стало одной из ключевых причин, подготовивших русскую революцию²¹.

По мнению Н.А. Бердяева, причиной крушения России стало философское учение Л.Н. Толстого, который морально разложил и обессилил Россию своей проповедью непротивления, анархизма, отрицания государства, культуры, исторической миссии России²².

Ряд мыслителей возлагал ответственность за революцию на Николая II и, в целом, на старый политический режим, который продемонстрировал неспособность справиться с тяготами Первой мировой войны, поскольку оторвался от народа и опирался в своей деятельности на горстку дворян-землевладельцев²³. «Она [старая власть. – В.Ч.] перестала быть восприимчивой к прогрессу. Она перестала обновляться притоком свежих сил и идей. Она окостенела и сгнила»²⁴, – писал Муравьев.

Особая «заслуга» в свершении революции отведена в трудах авторов «Из глубины» русскому народу, который поддался на революционную пропаганду: «Обманчивая внешность революционной святости послана была русскому народу как соблазн и испытание его духовных сил. И вот испытания этого русские люди не выдержали»²⁵. Причину этой слабости можно найти у Франка: религия утратила свою роль в укреплении нравственности в повседневной жизни русского народа, из-за чего народ обратился к безверию и отрицанию традиционных ценностей, что разнуздало мысли и чувства людей²⁶.

Вообще, образ русского народа у религиозных философов представлен весьма неоднозначно, а в некоторых случаях и крайне уничижительно. Аскольдов характеризовал народ как носителя двойственных начал и крайностей, легко поддающегося как благотворному влиянию

¹⁹ Булгаков С.Н. На пиру богов // Из глубины. Сборник статей о русской революции. 2-е изд. Paris, 1967. С. 127.

²⁰ Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Там же. С. 51.

²¹ Там же. С. 50.

²² Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. 2-е изд. Paris, 1967. С. 98–100.

²³ Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Там же. С. 184.

²⁴ Муравьев В.Н. Рёв племени // Там же. С. 235.

²⁵ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Там же. С. 105.

²⁶ Франк С.Л. De profundis // Там же. С. 328.

религии, так и губительным искушениям в ситуации ее отсутствия, поскольку «этический уровень русской души не высок»²⁷ и «русский народ оставался по существу чужд гуманизму»²⁸. Бердяев полагал, что «русский человек склонен все переживать трансцендентно, а не имманентно. И это легко может быть рабским состоянием духа. Во всяком случае это – показатель недостаточной духовной возмужалости»²⁹. Изгоев и вовсе не сдерживался в своих характеристиках русского народа: «Люди, которых социализм освободил от религии, оказались даже не людьми, а кровожадными, хищными зверями, опасными для всякого человеческого общежития. Лишенные связи с Богом так, как они Его раньше понимали, эти люди отупели и морально, и умственно»³⁰.

Подобная оценка русского народа в революционных условиях обнаруживает определенное сходство разве что с позицией одного из ведущих представителей русского монархизма В.В. Шульгина, который, обращаясь к воспоминаниям о событиях 27 февраля 1917 г., отмечал: «Солдаты, рабочие, студенты, интеллигенты, просто люди... Живым, вязким человеческим повидлом они залили растерянный Таврический дворец... С первого же мгновения этого потопа отвращение залило мою душу, и с тех пор оно не оставляло меня во всю длительность “великой” русской революции... сколько их ни было – у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злое... Боже, как это было гадко!.. Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злобное бешенство... Пулеметов! Пулеметов – вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы – этот зверь был... его величество русский народ...»³¹.

Подводя итог проведенному исследованию, кратко обобщим его результаты. В ходе анализа материалов сборника статей «Из глубины» нами были выявлены и систематизированы взгляды ведущих представителей русской религиозно-философской мысли первой четверти XX в. на причины и сущность революции 1917 г. в России.

²⁷ Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. 2-е изд. Paris, 1967. С. 46.

²⁸ Там же. С. 56.

²⁹ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. 2-е изд. Paris, 1967. С. 102.

³⁰ Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Там же. С. 201.

³¹ Шульгин В.В. Дни: [записки] / Со вступ. ст. и поясн. примеч. С. Пионтовского. Л., 1925. С. 111.

Философы трактовали революцию как катастрофу и всеобъемлющий кризис, повлекшие за собой разрушение традиционного уклада, крушение многонациональной империи, государственности, культуры, экономики и гибель миллионов людей. В революционных событиях они усматривали религиозный смысл, интерпретируя их как бунт против Бога и установленного им миропорядка, отрицание фундаментальных христианских ценностей.

При описании революции философы использовали негативно окрашенную лексику, подчеркивая разрушительный и трагический характер событий. В то же время некоторые из них усматривали в революции зачатки будущего духовного возрождения России.

Главными виновниками революции мыслители считали оторвавшуюся от народа и традиций русскую интеллигенцию, которая увлеклась социалистическими и атеистическими идеями. Помимо интеллигенции, ответственность за революцию возлагалась на отдельных исторических деятелей (Распутина, Толстого, Николая II) и старый политический режим, оказавшийся неспособным выстоять перед испытаниями Первой мировой войны.

Важную роль в свершении революции философы отводили русскому народу, который, по их мнению, поддался на революционную пропаганду в силу собственной нравственной слабости и склонности к крайностям. Взгляды мыслителей на народ были достаточно противоречивыми и местами крайне критическими.

В качестве важнейших причин революции философы отмечали духовно-нравственный кризис в русском обществе, ослабление религиозности и традиционных ценностей, рост нигилизма; слабость монархической власти, ее неспособность провести необходимые реформы и адекватно ответить на вызовы времени; Первая мировая война, военные неудачи и связанные с ними потрясения, которые дестабилизировали ситуацию; подрывная деятельность революционных партий и групп, пропаганда разрушительных идей в народе.

Библиографический список / References

1. Анистратенко И.В. Русский религиозно-философский дискурс начала XX в.: лингвориторические параметры групповой языковой личности (на материале сборника статей «Из глубины», 1918 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2009. [Anistratenko I.V. Russkij religioznofilosofskij diskurs nachala XX v.: lingvoritoricheskie parametry gruppovoj yazykovoj lichnosti (na material sbornika statej «Iz glubiny», 1918) [Russian religious and philosophical discourse of the early 20th century: Linguor-

- rhetorical parameters of the group linguistic personality (based on the collection of articles “Iz glubiny”, 1918)]. PhD thesis. Nalchik, 2009.]
2. Баршт К.А. Почвенничество Ф.М. Достоевского как элемент русской религиозной реформации в сборнике «Из глубины» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2018. Т. 1. № 1. С. 41–57. [Barshst K.A. Dostoevsky’ pochvennichestvo as an element of Russian religious reformation in the collective monograph “Iz glubiny”. *Filosoficheskie pisma. Russko-evropeyskiy dialog*. 2018. Vol. 1. No. 1. Pp. 41–57. (In Rus.)]
 3. Богданова О.А. Ф.М. Достоевский и русская революция в осмыслении авторов сборника «Из глубины» (1918) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 1. С. 47–54. [Bogdanova O.A. Dostoevsky and the Russian Revolution as grasped by the authors of the book “Iz glubiny” (1918). *Filosoficheskie pisma. Russko-evropeyskiy dialog*. 2017. Vol. 76. No. 1. Pp. 47–54. (In Rus.)]
 4. Ермичёв А.А. Политический идеализм и идейный сборник. М.А. Колеров. Манифесты политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1901), «Из глубины» (1918) и их наследники. Мн.: Лимариус, 2020. 499 с. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. № 3. С. 289–295. [Ermichev A.A. Political idealism and ideological collection (M.A. Kolerov. Manifestos of political idealism: “Problems of idealism” (1902), “Vekhi” (1901), “Iz glubiny” (1918) and their heirs. Minsk: Limarius, 2020. 499 p.). *Vestnik Russkoj khristianskoj humanitarnoj akademii*. 2021. Vol. 22. No. 3. Pp. 289–295. (In Rus.)]
 5. Катасонов В.Н. Что есть и чего нет в сборнике «Из глубины» (1918): размышления над страницами книги, не вышедшей в свет 99 лет назад // Метафизика. 2017. № 2 (24). С. 77–90. [Katonov V.N. “Iz glubiny” (1918) collection – what it is about and what it is not (reflections on the book that was not published 99 years ago). *Metaphysics*. 2017. No. 2 (24). Pp. 77–90. (In Rus.)]
 6. Катасонов В.Н. Глубины и мели сборника «Из глубины (1918)»: размышления над страницами книги, не вышедшей в свет 99 лет назад // Культурное наследие России. 2018. № 4. С. 15–25. [Katonov V.N. Depth and shallow depth of the collection “Iz glubiny” (1918): Reflections on the pages of the book, not in light of 99 years ago. *Kulturnoe nasledie Rossii*. 2018. No. 4. Pp. 15–25. (In Rus.)]
 7. Колеров М.А. Манифесты русского политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) и их наследники. Мн., 2020. [Kolerov M.A. Manifesty russkogo politicheskogo idealizma: «Problemy idealizma» (1902), «Vekhi» (1909), «Iz glubiny» (1918) i ikh nasledniki [Manifestos of political idealism: “Problems of idealism” (1902), “Vekhi” (1901), “Iz glubiny” (1918) and their heirs]. Minsk, 2020.]
 8. Колеров М.А. Сборник «Из глубины» (1918): осознание диктатуры. Новые данные // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2018. Т. 1. № 1. С. 28–40. [Kolerov M.A. “De profundis” collection (1918): The comprehension of dictatorship. New facts. *Filosoficheskie pisma. Russko-evropeyskiy dialog*. 2018. Vol. 1. No. 1. Pp. 28–40. (In Rus.)]
 9. Колеров М.А. С.Н. Булгаков редактирует «Из глубины»: «На пиру богов» (1918–1920) // Тетради по консерватизму. 2017. № 4. С. 197–200.

- [Kolerov M.A. S.N. Bulgakov edits “Iz glubiny”: “At the Feast of the Gods” (1918–1920). *Tetradi po konservatizmu*. 2017. No. 4. Pp. 197–200. (In Rus.)]
10. Полторацкий Н.П. Сборник «Из глубины» и его значение // Из глубины: Сборник статей о русской революции. 2-е изд. Париж, 1967. С. 9–22. [Poltoratskij N.P. The collection “Iz glubiny” and its meaning. *Iz glubiny: Sbornik statej o russkoj revolyutsii*. 2nd ed. Paris, 1967. Pp. 9–22. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 14.05.2024, принята к публикации 16.08.2024
The article was received on 14.05.2024, accepted for publication 16.08.2024

Сведения об авторе / About the author

Чернышёв Валерий Андреевич – аспирант кафедры истории и философии, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва

Valeriy A. Chernyshev – postgraduate student at the Department for History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

E-mail: chernyshev_v@inbox.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-23-35

УДК 93/94:745

А.В. Тихонова

Смоленский государственный университет,
214000, г. Смоленск, Российская Федерация

Швейцарские часовщики в Российской империи первой половины XIX в.

В статье на основе документов III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, опубликованных источников и научной литературы представлены биографические сведения о швейцарских часовщиках, работавших в Российской империи через своих представителей или самостоятельно. Удалось выяснить, что эти часовщики являлись не только представителями кантона Женева, где традиционно развивалось часовое производство, но были также уроженцами Невшателя, Шаффхаузена, Берна. Иностранные часовщики открывали свои магазины в Санкт-Петербурге, выполняя заказы клиентов по всей империи. При этом детали и механизмы они получали со своих фабрик или мастерских в Швейцарии, а в России осуществлялась сборка изделий. Представленные в статье истории конкретных швейцарских мастеров часового дела позволяют сделать вывод о том, что освоить российский рынок им удалось благодаря высокому качеству и эстетически привлекательному внешнему виду продукции, а также удобству ее использования. Швейцарские часы фирм Бреге, Буре, Мозер, Патек Филип, Курвуазье и других признанных лидеров начали завоевание российского потребителя еще в первой половине XIX в.

© Тихонова А.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: швейцарские часовщики, Российская империя, иностранцы в России, Россия в первой половине XIX в., швейцарские часы, Бреге, Буре, Мозер, Курвуазье, Робер, Патек Филипп

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Тихонова А.В. Швейцарские часовщики в Российской империи первой половины XIX в. // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 23–35. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-23-35

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-23-35

A.V. Tikhonova

Smolensk State University,
Smolensk, 214000, Russian Federation

Swiss watchmakers in the Russian Empire in the first half of the 19th century

This article, based on published sources and documents from the Third Section of His Imperial Majesty's Chancellery, archived at the State Archive of the Russian Federation, along with scholarly literature, presents biographical information about Swiss watchmakers who worked in the Russian Empire through their representatives or independently. It was revealed that these Swiss individuals were not only from the canton of Geneva, where watchmaking traditionally thrived, but also hailed from Neuchâtel, Schaffhausen, Bern, and other places. Foreign watchmakers typically opened their shops in St. Petersburg, fulfilling orders from clients across the empire. They imported components and mechanisms from their factories or workshops in Switzerland, assembling the final products in Russia. The histories of specific Swiss watchmaking masters in the article suggest that they succeeded in penetrating the Russian market due to the high quality, aesthetically appealing appearance, and user-friendly nature of their products. Swiss watch brands like Breguet, Buhre, Moser, Patek Philippe, Courvoisiers, and others began their conquest of the Russian consumer in the first half of the 19th century.

Key words: Swiss watchmakers, Russian Empire, foreigners in Russia, Russia in the first half of the 19th century, Swiss watches, Breguet, Buhre, Moser, Courvoisiers, Rober, Patek Philippe

FOR CITATION: Tikhonova A.V. Swiss watchmakers in the Russian Empire in the first half of the 19th century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 23–35. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-23-35

В настоящее время Швейцария – признанный лидер мирового рынка производства часов, а «давно вошедшее в повседневный обиход выражение “с точностью швейцарских часов” является, вероятно, самой емкой характеристикой высочайшего уровня качества продукции часовых мастеров альпийской республики» [3, с. 51]. Уже в первой половине XIX в. часовщики входили в перечень наиболее востребованных в России профессий, как утверждал генеральный консул Швейцарской Конфедерации в Санкт-Петербурге Ф. Боненблуст [9, с. 81]. Профессия часовщика, по уверению консула, пользовалась и спросом, и успехом, но нужно было обладать в ней «выдающимся талантом» [Там же, с. 83]. При этом часовое дело стояло на первом месте в тех областях, в которых «Швейцария может надеяться на продолжение своих торгово-промышленных отношений с Россией» [Там же, с. 89], и это мнение подтверждалось практикой. Уже с середины XIX в. швейцарские часы становятся лидерами на мировом рынке¹, а Швейцария явилась родиной «часового чуда» [11, с. 47].

Нередко часы могли рассматриваться как произведения ювелирного искусства. Так, в коллекции Государственного исторического музея есть несколько уникальных швейцарских часов, среди них – часы-брошь конца XVIII – начала XIX в. с использованием золота, серебра, меди и украшением из жемчуга и эмали; карманные женевские часы начала XIX в. («золото, медь, алмазы, эмаль»); часы из Женевы первой четверти XIX в. с украшением из золота и меди, а также швейцарские часы-подвески первой половины XIX в., выполненные с использованием золота, меди и эмали [14]. Коллекция служит еще одним доказательством соединения ювелирного искусства и часов, а также популярности швейцарских часов среди российских аристократов.

Из числа известных часовых дел мастеров в российской столице можно назвать Франсуа (Даниила) Мюссара (ок. 1747–?), уроженца Женевы, выучившегося этому ремеслу у земляка, часовщика в Берлине.

¹ Часовых дел мастер Павел Карлович Буре (1810–1882 гг.) – российский часовой мастер, петербургский купец, основатель марки «Павел Буре». Создание трансграничного туристического маршрута «Следуя инженерно-техническим идеям» в Латвии и России. Ч. 2. С. 4. URL: https://rezeknesnovads.lv/wp-content/uploads/2021/02/Research_Part_2_BURE.pdf# (дата обращения: 07.01.2024).

Мюссар обосновался в Петербурге, где его родители были заняты в сфере образования: его отец профессор Николая Мюссар со всей семьей приехал в российскую столицу в 1760-е гг. и, «по семейному преданию, благодаря протекции самого Вольтера... занял должность инспектора в Академии художеств, а его жена стала инспекторшей в Смольном институте» [5, с. 230]. Франсуа (Даниил) Мюссар как часовщик сумел вести коммерческие дела в России «с большим успехом»². Как утверждал его зять Н.И. Греч, «он выписывал на несколько тысяч рублей в год хороших карманных часов из Женевы (проходивших в то блаженное время почти непонятной контрабандой) и сбывал их легко. Ходил заводить часы во многие знатные и богатые дома и снискал общую известность»³. Кроме того, по свидетельству Н.И. Греча, магазин Мюссара в Петербурге уже в конце XVIII в. был местом деловых встреч, куда высокопоставленные клиенты приходили «под предлогом проверки часов»⁴. Так, светлейший князь «[А.А.] Безбородко (известный российский дипломат. – А.Т.) и Кобенцель, Сегюр и Гаррис (лорд Мальмсбюри) (австрийский, французский и английский дипломаты. – А.Т.) посещали его и беседовали между собой в его присутствии, полагаясь на его скромность»⁵. В Третьяковской галерее хранится портрет жены Франсуа Мюссара Марии Ивановны, урожденной Гетц, кисти Д.Г. Левицкого, созданный в 1790-е гг. Искусствовед Л.А. Маркина считает вероятным, «что художник создал парные портреты супругов. С.П. Дягилев писал, что в собрании внучки Мюссар находились изображения обоих. Однако портрет Д.Ф. Мюссар до нас не дошел. Будем надеяться, что скрытое под анонимом полотно когда-нибудь будет найдено и обретет достойное место в коллекции Третьяковской галереи» [Там же, с. 232].

В начале XIX в. особое внимание к России проявил знаменитый швейцарский часовых дел изобретатель и предприниматель, уроженец Невшателя Абрахам Луи Бреге (Abraham-Louis Bréguet, 1747–1823). Русский посол в Париже способствовал знакомству российской элиты с часами этого швейцарца, владевшего часовой фирмой во французской столице [6, с. 166]. Представитель Бреге – Лазарь Моро – встречался в Пруссии с Александром I, и российский император первым приобрел часы этой фирмы. В 1807 г. Бреге отправил Моро (к этому времени А.Л. Бреге позволил Л. Моро взять в качестве второй фамилию Бреге) в Россию. В письме Моро-Бреге отмечал, что у российского императора

² Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 2002. С. 181.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

есть коллекция часов, в которой много часов Бреге, «в основном, это миниатюрные модели, наиболее популярные среди российской знати» [6, с. 166]. Среди клиентов фирмы были знаменитые российские вельможи: Юсуповы, Шуваловы, Гагарины, Голицыны, Воронцовы и др.⁶

Император, по свидетельству Моро-Бреге, «сказал..., что он очень доволен, что знаменитый Бреге остановил свой выбор на России. И обещал всячески помогать мне. Тогда же Император купил маленькие каретные часы (№ 2351) за 2000 франков и Tactwatch – часы с зеленым эмалевым циферблатом (№ 2384) за 1600 франков» [Там же]. Действительно, Моро-Бреге открыл в Петербурге «Русский дом», который «приносил фирме большую прибыль» [6, с. 167]. При второй встрече государя с Моро-Бреге в 1808 г. Александр I «купил большие часы “Simpathique” (№ 423 и 533) за 14 000 франков и хронометр (№ 2115) за 5100» [Там же]. Тогда же Бреге было присвоено официальное звание поставщика русского военного флота [1, с. 39]. Стоит отметить, что в 1808–1810 гг. половина всей продукции фирмы Бреге продавалась именно в России [6, с. 167]. Когда в конце 1810 г. в России был введен запрет на французские товары, под них попал и «Русский дом» Моро-Бреге, он был продан в 1811 г. [Там же, с. 168]. Но мода на швейцарские часы среди столичных щеголей только упрочилась (несмотря на высокую цену) [1, с. 40]. Известно, что Александр I в 1814 г. в Париже тайно встречался «...с мастером. Вскоре после этой встречи продажа продукции Бреге в России возобновляется» [6, с. 170].

О популярности карманных часов брегет (Breguet) свидетельствует «энциклопедия русской жизни» – пушкинский «Евгений Онегин». В ней эти часы упомянуты дважды: *пока недремлющий брегет не прозвонит ему обед* (в связи с прогулкой Онегина, гл. I, XV) и *но звон брегета им доносит, что новый начался балет* (по поводу отъезда из ресторана в театр, гл. I, XVI). Хранящиеся в Государственном историческом музее каретные часы были куплены княгиней Софьей Салтыковой в 1816 г. (№ 2873) и графом Гурьевым в 1840 г. (№ 384) [Там же]. Свою коллекцию часов фирмы Breguet Эрмитаж демонстрировал на выставке в 2004 г. Среди представленных раритетов были плоские карманные часы, купленные в 1823 г. князем Щербатовым за 2400 франков, и миниатюрные карманные часы, приобретенные в 1832 г. князем Демидовым за 4200 франков⁷.

⁶ Истомина Е. Брегетовый перезвон – о Breguet в России // Коммерсант Стиль. 2010. Февраль. С. 64.

⁷ Там же.

С 1815 г. в России обосновался представитель кантона Невшатель Карл Буре (?–1864), начавший свой часовой бизнес в Ревеле⁸. По другой версии, основателем фирмы был Пауль Леопольд Буре [1, с. 41]. Швейцарец приехал в Петербург с сыном Паулем и имел свой магазин по адресу: Невский проспект, д. 21⁹.

Павел Эдуард (Павел Карлович) Буре (1810–1882 гг.) продолжил дело отца в Петербурге в 1839 г.¹⁰ В 1865 г. в «Справочной книге о лицах Петербургского купечества» он указан как купец 2-й гильдии, «Ревельск[ий] цеховой, 55 лет, в куп[ечестве] сост[оит] с 1839 года. Жит[ельство] 2 ч[асть], 3 кв[артал], в д[оме] Строганова на Нев[ском] просп[екте]. Торг[овля] часами в том же д[оме]»¹¹. Павел Эдуард стал «поставщиком Двора Ее Высочества великой княгини Марии Николаевны» [4, с. 390]. Ассортимент его магазина был достаточно широким: «часы, заводящиеся без ключа и с репетицией, серебряные, золотые, глухие и открытые, городовые и башенные, столовые, кабинетные из бронзы»¹².

Расцвет фирмы Буре связан с сыном Павла-Эдуарда – Павлом-Леопольдом (Павлом Павловичем) Буре (1842–1892), который окончил Петропавловское коммерческое училище, налаживал связи с поставщиками в Швейцарии и сумел расширить дело в России, а затем передать бизнес в надежные руки. П.П. Буре служил техником при Императорском Эрмитаже, являлся поставщиком Высочайшего Двора с 1879 г. и оценщиком при Кабинете Его Императорского Величества, состоял консулом Венецианской республики. О его доходах свидетельствует тот факт, что с 1868 г. он был купцом 2-й гильдии, а с 1884 г. – 1-й гильдии. Им была создана торговая марка «Павел Буре» [8, с. 334]. Он имел часовое производство в Швейцарии в Ле-Локле с 1874 г. [6, с. 179].

⁸ Часовых дел мастер Павел Карлович Буре (1810–1882 гг.) – российский часовой мастер, петербургский купец, основатель марки «Павел Буре». Создание трансграничного туристического маршрута «Следуя инженерно-техническим идеям» в Латвии и России. Ч. 2. С. 5. URL: https://rezeknesnovads.lv/wp-content/uploads/2021/02/Research_Part_2_BURE.pdf# (дата обращения: 07.01.2024).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Справочная книга о лицах Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... словесные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия на 1865 год, СПб., 1865. С. 92.

¹² Часовых дел мастер Павел Карлович Буре (1810–1882 гг.) – российский часовой мастер, петербургский купец, основатель марки «Павел Буре». Создание трансграничного туристического маршрута «Следуя инженерно-техническим идеям» в Латвии и России. Ч. 2. С. 13. URL: https://rezeknesnovads.lv/wp-content/uploads/2021/02/Research_Part_2_BURE.pdf# (дата обращения: 07.01.2024).

У Павла-Леопольда Буре заказывал часы Петр Карл Фаберже для своих знаменитых работ, предназначенных для императорского двора и представителей русской аристократии¹³. Женат Павел-Леопольд (Павел Павлович) Буре был на дочери швейцарского часовщика Софии Ивановне Брудерер, ставшей в России переводчицей с немецкого и английского¹⁴. В 1888 г. П.П. Буре продал фирму руководителю своей фабрики в Ле-Локле французу Полю Жирару и компаньону, своему соотечественнику, Жану-Жоржу (Георгу) Пфунду (1856–1926)¹⁵. Новые владельцы основали знаменитый торговый дом «Павел Буре», годовой доход которого до 1917 г. достигал 7 млн золотых руб.¹⁶

Еще один выходец из кантона Невшатель – Георг Винтергальтер (Winterhalter, 1790–1856). Он имел в начале XIX в. в Петербурге успешный часовой магазин [4, с. 389]. С 1806 г. вел торговлю сам Георг Винтергальтер, а потом его сын Антон [12, с. 34]. Первым из членов этой фамилии был Иоганн-Баптист Винтергальтер, который торговал в российской столице «деревянными часами во времена Павла I» [Там же]. Часовщиками первой половины XIX в. были Йозеф и Магеус Винтергальтеры [Там же].

Не только часовщиком, но и мастером по изготовлению механических органов являлся Иван Фомич Винтельгальтер, работавший в России с 1849 г. [Там же]. Еще «на рубеже XVIII–XIX вв. в Петербурге и Москве имело место всеобщее увлечение музыкальными часами, органами и другими механическими редкостями» [12, с. 28]. Неслучайно на страницах «Северной пчелы» в 1845 г. можно было прочесть: «Того ли вправе мы ожидать от нашего века? – сказал нам один пожилой человек: ездим мы без лошадей, плаваем по морям без парусов, а наконец, будем иметь музыку без музыкантов...»¹⁷. Известно, что Иван Фомич Винтельгальтер имел свой магазин на Невском проспекте, д. 8 [Там же, с. 44] и выполнял заказы по изготовлению валиков для исполнения новых мелодий для гатчинского механического органа «Шерцингер» (по имени австрийского мастера), находившегося с середины XIX в. во владении царской семьи [Там же, с. 34]. В 1875 г. И.Ф. Винтергальтеру было даровано звание поставщика Высочайшего двора.

¹³ Часовых дел мастер Павел Карлович Буре (1810–1882 гг.) – российский часовой мастер, петербургский купец, основатель марки «Павел Буре». Создание трансграничного туристического маршрута «Следуя инженерно-техническим идеям» в Латвии и России. Ч. 2. С. 11–12. URL: https://rezeknesnovads.lv/wp-content/uploads/2021/02/Research_Part_2_BURE.pdf# (дата обращения: 07.01.2024).

¹⁴ Там же. С. 7.

¹⁵ Там же. С. 13.

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Северная пчела. 1845. 10 февраля. № 33. С. 131.

Его сын Антон Иванович тоже стал органичным мастером в Петербурге в 1860–1880-е гг. и с 1883 г. являлся поставщиком «органных валов» Императорского двора [12, с. 44].

С 1820-х гг. в Российской империи успешно вел дело часовщик Иоганн Генри Мозер (Henrich Moser, 1805–1874), уроженец швейцарского г. Шаффхаузен. Часовое производство располагалось в Лелокле [8, с. 334]. Мастерская Мозера начала работу в Петербурге в 1826 г., а затем были открыты торговые дома в Петербурге (в 1828 г.) и в Москве (в 1839 г.)¹⁸. В 1834 г. Генрих Мозер упоминался как «часового дела мастер и временной 2-й гильдии купец», живущий в Петербурге с женой Шарлоттой¹⁹. Есть сведения о том, что уже в 1829 г. его указывали купцом 1-й гильдии [1, с. 42]. Известно, что в дальнейшем Генрих Мозер на заработанные в России средства построил в швейцарском Нейхаузене замок Шарлоттенфельс (Scharlottenfels) по имени жены. Описывая облик этого сооружения, современный путешественник отметил: «Причудливую для Швейцарии архитектуру дворца Мозер позаимствовал в России – у своих богатых заказчиков»²⁰.

В России фирма Г. Мозера получила звучание на английский манер – Henry Moser, она славилась высоким качеством и имела собственный стиль исполнения. В 1848 г. один из представителей фирмы Мозера в Москве с гордостью писал на родину: «Конкурентов у нас больше нет, вся торговля часами отсюда до Перми и до китайской границы находится исключительно в наших руках» [8, с. 334].

Характерное замечание оставил в своих путевых заметках по Швейцарии Д.Б. Броневский: «В Локле устроена мастерская Мозера, снабжающая его огромное заведение в Петербурге, где собираются работы Локля и распространяются по всей России. Кто не знает в Петербурге знаменитого магазина Мозера на Невском проспекте?»²¹.

В деловых поездках Г. Мозеру помогал его единственный сын Анри (в России – Генрих Генрихович) Мозер (Henri Moser, 1844–1923), родившийся в Петербурге, но детство проведший в Швейцарии. Он получил достойное образование, служил в кавалерии, первоначально участвовал в семейном бизнесе и ездил по поручениям отца по городам России,

¹⁸ Часы Генри Мозер и Ко. URL: <https://german242.com/articles/hymoser.htm> (дата обращения: 25.03.2014).

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 227. Д. 2. Л. 111 об. – 112.

²⁰ Шишкин М. Русская Швейцария. Литературно-исторический путеводитель. Цюрих, 2001. С. 316.

²¹ Броневский Д.Б. Путевые заметки во время поездки по Центральной Швейцарии и в Оберланд с 12-го по 20-е июля 1863 года. СПб., 1865. С. 53–54.

но в 1868 г. отошел от дел и решил воплотить свою мечту – стать путешественником. Своим кумиром считал Н.М. Пржевальского, чьи «физические и моральные качества» его восхищали.

Генрих Генрихович Мозер в 1867 г. ездил в Сибирь к китайской границе²², с 1869 г. «на собственные средства организовал целый ряд экспедиций в Центральную Азию (Российский Туркестан)»²³. Он стал почетным гражданином Берна, подарив Историческому музею города свои восточные коллекции, являлся членом многих европейских географических обществ и кавалером Ордена Почетного легиона. «Г. Мозер испытывал особую симпатию к России и к ее ученым. Он передал в РГО (Русское географическое общество. – А.Т.) целый ряд ценных материалов из своей коллекции»²⁴, и в декабре 2009 г. в Петербурге состоялась международная выставка под названием «Швейцарский путешественник Генрих Мозер (1844–1923) в экспедициях Русского географического общества».

В 1840-е гг. швейцарские часовщики расширяли свое производство. В архивных документах встречается имя швейцарца Шарля Фассио, работавшего сначала в Париже, а в 1846–1849 гг. в России (Москва и Петербурге), при этом в столице империи совместно с другим соотечественником Крейцем²⁵ и самостоятельно²⁶.

Представители российской аристократии нередко становились первыми ценителями новых швейцарских часовых новинок: в 1840 г. при организации фирмы Patek Philippe ее часы приобрела княгиня Зубова-Щербатова [1, с. 40]. Точнее, часовая фирма, организованная в 1839 г. в Женеве, носила другое название – Patek, Czapek & Co по именам ее создателей, двух польских эмигрантов Антуана Норберта де Патека и Франсуа Чапека. Они использовали ходовые механизмы других компаний, которые одедали в корпуса и реализовали уже готовые часы. В 1844 г. состоялась встреча Антуана Норберта де Патека с женевским часовщиком Жаном-Адрианом Филиппом, получившим на Парижской

²² Автор благодарит за предоставления текста о Г.Г. Мозере куратора проекта Международной выставки «Швейцарский путешественник Генрих Мозер (1844–1923) в экспедициях Российского географического общества» Е.М. Тарханову.

²³ Швейцарский путешественник Генрих Мозер (1844–1923) в экспедициях Российского географического общества. К 165-летию со дня рождения Генриха Мозера: Проспект Международной юбилейной выставки из фондов Научного архива РГО и Международного центра Helenika. 3–6 декабря 2009 года. Малый конференц-зал РГО. Санкт-Петербург, пер. Гривцова, 10.

²⁴ Там же.

²⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 227. Д. 35. Л. 585.

²⁶ Там же. Д. 28. Л. 236 об.

выставке промышленных изделий золотую медаль за конструкцию карманных часов, которые заводились с помощью коронного колеса, а не ключа. В 1845 г. было заключено соглашение между Антуаном Патеком и Адрианом Филиппом, а фирма была преобразована, получив название Patek & Co. Теперь часы, которые она производила, были собственного производства с самого начала. С 1851 г. имя Андриана Филиппа появилось и в названии фирмы в результате ее очередной реорганизации – Patek Philippe & Co.²⁷

Женева далеко не случайно стало местом рождения новой часовой фирмы. Как утверждал в «Журнале моего путешествия» А.Д. Чертков, Женева славилась ювелирными изделиями из золота и серебра, «деланием небольших вещиц с музыкою», «живописью на эмали и фарфоре», но более всего (с конца XVIII в.) своими часами. В 1820-е гг., по словам А.Д. Черткова, «делание часов... есть одна из главнейших ветвей здешней коммерции, и большая часть часов, на коих стоит имя “Paris”, суть ничто другое, как Женевские, привезенные отсюда в Париж, и там на оные выставлено имя Парижа»²⁸.

Часовое ремесло, ведущееся в России не только женевцами, но и представителями других кантонов, в 1850-е гг. продолжало развиваться. В 1853 г. в алфавитных списках иностранцев, прибывших в Петербург, упоминаются: 5 марта – бернский купец-часовщик Юлий Курвуазье-Клеман (Jules Courvoisier), который приехал к своему коллеге, «часовщику Роберу для занятия часовым ремеслом»²⁹. Известно, что две швейцарские фирмы из местечка Шо-де-Фон, затем объединившиеся – «Робер» (Rober) и «Курвуазье» (Courvoisiers), ввозили свою продукцию в Российскую империю еще с 1815 г. [6, с. 177]. Самые известные часовые фабрики в первой половине XIX в. в кантоне Невшатель располагались в селениях Локль и Шо-де-Фон [10, с. 92].

Уроженец Берна часовой подмастерье Доминик Лукини (Domenico Laukini) с 18 лет трудился в России, а в 1853 г. он, уже имея десятилетний опыт работы в империи, согласно архивным документам, выехал из Смоленской губернии в Петербург, направляясь «обратно за границу»³⁰.

²⁷ Часы Генри Мозер и Ко. URL: <https://german242.com/articles/hymoser.htm> (дата обращения: 25.03.2014).

²⁸ Чертков А.Д. Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823–1825 годах. М., 2012. С. 415.

²⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 227. Д. 37. Л. 9 об.

³⁰ Там же. Л. 104 об.

Большинство часовых дел мастеров сохраняло швейцарское гражданство. Это не только свидетельствовало об их верности родине, но нередко служило своего рода дополнительной гарантией качества производимой ими продукции. Тем не менее, успешное развитие бизнеса в России к середине XIX в. приводило некоторых швейцарских часовщиков к решению принять российское подданство. Так поступил в 1847 г. часовых дел мастер швейцарец Луи Жюве, он принял присягу в Московской губернии³¹. В 1848 г. его коллега и соотечественник Виктор Самуель – в Санкт-Петербургской губернии³², в 1849 г. швейцарец-часовщик Виктор Флансион – в той же столичной губернии³³.

Часовое производство к середине XIX в. уже ориентировалось на разные категории потенциальных покупателей, а российский рынок открывал широкие перспективы для сбыта продукции часовщиков. К тому же «таможенная политика России, которая вводила высокие пошлины на готовые часовые изделия, а ввоз деталей был практически бесплатным, провоцировала создание сборочных цехов и организацию торговли этой продукцией в российских городах» [13, с. 64]. Следует отметить, что даже в начале XX в. часы, их детали и инструменты в Российскую империю поставляли 2 английские, 14 немецких, 5 французских и 38 швейцарских фирм [7, с. 105]. Современники на рубеже XIX–XX вв. с сожалением признавали: «У нас в России нет часовых фабрик. Два раза делались попытки основать таковые, но предприятие это не увенчалось успехом, во-первых, за неимением нужного контингента опытных мастеров, во-вторых, за отсутствием доверия к предметам отечественного производства» [цит. по: 6, с. 156]. Высокое качество продукции швейцарских часовщиков в первой половине XIX в. позволило им и в дальнейшем успешно развивать свой бизнес в Российской империи.

Библиографический список / References

1. Барышникова Т.Е. Швейцарские часовщики в Петербурге в XIX – начале XX века // История предпринимательства в России: XIX – начало XX века. Вып. 1 / ред. А.Л. Дмитриев, А.А. Семенов. СПб., 2006. С. 39–46. [Baryshnikova T.E. Swiss watchmakers in St. Petersburg in the 19th – early 20th centuries. *Istoriya predprinimatelstva v Rossii: XIX – nachalo XX veka*. Vol. 1. A.L. Dmitriev, A.A. Semenov (eds.). St. Petersburg, 2006. Pp. 39–46. (In Rus.)]

³¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 227. Д. 16. Л. 83.

³² Там же. Л. 206.

³³ Там же. Л. 231 об.

2. Бере в Эрмитаже: каталог выставки / авт. ст. и сост. Э. Бере и Ж.-К. Сабриер. СПб., 2004. [Berge v Ermitazhe: katalog vystavki [Breguet in the Hermitage: Exhibition catalog]. E. Breguet, J.-C. Sabrière (authors of articles and compilers). St. Petersburg, 2004. (In Rus.)]
3. Дробница И.К. Часовая промышленность Швейцарии: взгляд изнутри // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 10. С. 50–66. [Drobnitsa I.K. Swiss watch industry: An inside look. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2016. No. 10. Pp. 50–66. (In Rus.)]
4. Керзум А.П. Фирма «Павел Буре» в Санкт-Петербурге // Швейцарцы в Петербурге / сост. М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб., 2002. С. 389–392. [Kerzum A.P. Firm “Paul Buhre” in St. Petersburg. *Shvejcarcy v Peterburge*. M.I. Luthi, E. Meder, E. Tarkhanova (eds.). St. Petersburg, 2002. Pp. 389–392. (In Rus.)]
5. Маркина Л.А. Портреты с Таврической выставки 1905 года на современных западноевропейских аукционах // Таврические чтения 2009. Три века под сенью Таврического дворца: политика, дипломатия, литература, искусство. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. / под ред. А.Б. Николаева, А.Л. Реймана. СПб., 2011. С. 227–234. [Markina L.A. Portraits from the Tauride Exhibition of 1905 at modern Western European auctions. *Tavrisheskie chteniya 2009*. A.B. Nikolaev, A.L. Reiman (eds.). St. Petersburg, 2011. Pp. 227–234. (In Rus.)]
6. Мельникова О.Н. Из истории часов в России: XVII – начало XX века. М., 2016. [Melnikova O.N. Iz istorii chasov v Rossii: XVII – nachalo XX veka [From the history of watches in Russia in the 17th – early 20th centuries]. Moscow, 2016.]
7. Пипуныров В.Н., Черныгин Б.М. Развитие хронометрии в России. М., 1977. [Pipunurov V.N., Chernyagin B.M. Razvitie hronometrii v Rossii [Development of chronometry in Russia]. Moscow, 1977.]
8. Раубер У. Швейцарские промышленники в Санкт-Петербурге // Швейцарцы в Петербурге / Сост. М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб., 2002. С. 331–342. [Rauber U. Swiss industrialists in St. Petersburg. *Shvejcarcy v Peterburge*. M.I. Luthi, E. Meder, E. Tarkhanova (eds.). St. Petersburg, 2002. Pp. 331–342. (In Rus.)]
9. Россия – Швейцария – Russie – Suisse – Russland – Schweiz. 1813–1955: Документы и материалы. М., 1995. [Rossiya – Shveysariya – Russie – Suisse – Russland – Schweiz. 1813–1955: Dokumenty i materialy [Russia – Switzerland – Russie – Suisse – Russland – Schweiz. 1813–1955: Documents and Materials]. Moscow, 1995.]
10. Стори А.Т. Швейцария / Пер. с англ А. Куперник; под ред. П.П. Ордынского. 3-е изд. СПб., 1914. [Story A.T. Shvejcaria. [Switzerland]. P.P. Ordynskogo (ed.). St. Petersburg, 1914.]
11. Степанов А.И. Русские и швейцарцы: записки дипломата. М., 2006. [Stepanov A.I. Russkie i shvejcarcy: zapiski diplomata [Russians and Swiss: Notes of a diplomat]. Moscow, 2016.]
12. Сычев И.О. Мастера «механической музыки в России» конца XVIII – XIX веков // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XL. СПб., 2008. С. 28–44. [Sychev I.O. Masters of “mechanical music in Russia” of the late 18th – 19th centuries. *Proceedings of the State Hermitage*. Vol. XL. St. Petersburg, 2008. Pp. 28–44. (In Rus.)]

13. Фокина Т.А. Часы мастеров и предприятий России XVIII – начала XX веков из собрания Политехнического музея. Каталог. М., 2007. [Fokina T.A. Chasy masterov i predpriyatij Rossii XVIII – nachala XX vekov iz sobraniya Politekhničeskogo muzeja [Watches of craftsmen and enterprises of Russia in the 18th – early 20th centuries from the collection of the Polytechnic Museum]. Catalog. Moscow, 2007.]
14. Часы в собрании Государственного Исторического музея / авт. Н.Г. Троепольская. М., 2013. [Chasy v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeja [Clocks in the collection of the State Historical Museum]. N.G. Troepolskaya (author). Moscow, 2013.]

Статья поступила в редакцию 12.02.2024, принята к публикации 12.04.2024
The article was received on 12.02.2024, accepted for publication 12.04.2024

Сведения об авторе / About the author

Тихонова Анастасия Владимировна – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России факультета истории и права, Смоленский государственный университет

Anastasia V. Tikhonova – Dr. Hab. (History); Professor at the Department of History of Russia of the Faculty of History and Law, Smolensk State University

E-mail: a.v.tikhonova@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-36-56

УДК 93:(378.4+342.727)

И.М. Могилевич

Вторая Санкт-Петербургская гимназия,
190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Некоторые неизвестные сюжеты «разбора» Санкт-Петербургского университета 1820-х гг.

Обсуждены неизвестные сюжеты «разбора» Санкт-Петербургского Императорского университета, произведенного чиновниками Министерства духовных дел и народного просвещения в 1821–1822 гг.: несогласие профессора Э.Б. Раупаха с предъявленными ему обвинениями; юридическое возражение профессора П.Д. Лодия на планы прекратить преподавание философских наук; протест журналиста П.И. Кеппена против предъявленных ему обвинений; участие А.С. Шишкова и А.Ф.К. Вюртембергского в возвращении прав исключенным студентам. Выявленные документы являют примеры противостояния известным контрреформам в области образования, начавшимся в 1820-е гг. После «разбора» и увольнений в учебном заведении установилась атмосфера подавленности и неуверенности и последовали крупные хищения университетского бюджета чиновниками министерства. Выявлены некоторые общие приемы проведения репрессий чиновниками министерства просвещения XIX в. и массовых репрессий, проведенных век спустя.

Ключевые слова: А.Ф.К. Вюртембергский, П.И. Кеппен, П.Д. Лодий, М.Л. Магницкий, М.Г. Плисов, Э.Б. Раупах, Д.П. Рунич, А.С. Шишков, петербургская гимназия, благородный пансион при Санкт-Петербургском университете, Санкт-Петербургский Императорский университет, Санкт-Петербургский университет

© Могилевич И.М., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Могилевич И.М. Некоторые неизвестные сюжеты «разбора» Санкт-Петербургского университета 1820-хгг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 36–56. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-36-56

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-36-56

I.M. Mogilevich

Second St. Petersburg Gymnasium,
St. Petersburg, 190000, Russian Federation

Some unknown subjects of St. Petersburg University “inquisition” in 1821

The article discusses three unknown subjects of St. Petersburg University “inquisition”, carried out by the officials of the Public Education Ministry in 1821–1822. The first is Professor E.B. Raupach’s disagreement with the accusations; the second are Professor Peter D. Lodij’s legal objections to stop teaching philosophy and journalist P.I. Keppen’s protest against obscurant accusations of his publications; the third is the participation of Alexander S. Shishkov and A.F.K. von Württemberg in returning the rights of the expelled students. The displayed documents are the examples of opposition to well-known counter-reforms in education that began in the 1820s. After the ‘inquisition’ (with the discharges for ideological reasons), the ministry’s officials provided large-scale thefts of the university budget. Some common methods of carrying out repressions by officials of the Public Education Ministry in the 19th century and mass repressions carried out a century later have been identified.

Key words: Alexander Friedrich Karl von Württemberg, P.I. Keppen, Peter D. Lodij, Mikhail Magnitski, Moisey G. Plisov, Ernst Benjamin Salomo Raupach, Dmitry P. Runich, Alexander S. Shishkov, St. Petersburg Gymnasium, Noble Boarding School at St. Petersburg University, Saint Petersburg University, Saint Petersburg Imperial University

FOR CITATION: Mogilevich I.M. Some unknown subjects of St. Petersburg University "inquisition" in 1821. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 36–56. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-36-56

«Разбор» Санкт-Петербургского университета в 1821 г. обсуждают уже более двух веков, а впервые публично о нем упомянули только четверть века спустя после события: «странное открылось зрелище по случаю столь известного недоразумения между начальством университета и его профессорами» [11, с. 13]. В 1866 г. опубликовали важные документы, включая письменные объяснения обвиненных профессоров¹; их публикация была повторена и расширена в 1889 г.² Тогда же предположили, что причиной «разбора» стал перелом во взглядах императора Александра I (1777–1825): его разочарование в европейском просвещении, убеждение в своем избранничестве, экуменические планы императора и мечты о возвращении раннего христианства. Убийство в марте 1819 г. немецким студентом писателя и русского агента А. Коцебу (1761–1819) якобы подкрепило недоверие императора к просвещению и его институтам и стало триггером для сотрудников центрального аппарата Министерства народного просвещения для «разбора» Казанского университета в 1819 г. и последовавших гонений на учебные заведения и программы [12, с. 166–168, 185–186]. Словом, это было решением императора.

Эта точка зрения вызывает возражения. Уже некоторые пострадавшие от «разбора» иначе осознавали его причины. Профессор Университета П.Д. Лодий (1764–1829) заметил, что «колеблющаяся нравственность Г. Магницкого» скрывает его намерение «заступить за старых чиновников, которым не под силу сдать экзамен³, ...под видом защитника Церкви»⁴.

Многолетний исследователь этой темы Т.Н. Жуковская большое значение придала скрытой борьбе в Министерстве народного просвещения (назначенного в 1817 г. на пост министра А.Н. Голицына (1773–1844) и амбициозного зятя прежнего министра, с 1811 г. по май

¹ Дело о С.-Петербургском университете в 1821 году. М., 1866. С. 100–101.

² Приложения // Сухомлинов М.И. Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 271–394.

³ Имеется в виду экзамен по указу от 6 августа 1809 г. для чиновников без дипломов, претендующих на чины 8 и 5 классов Табели о рангах.

⁴ Письмо П. Лодия министру Шишкову от 10 ноября 1825 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 731 (Сперанский М.М.). № 2310. Л. 9.

1821 г. занимавшего пост попечителя Петербургского учебного округа С.С. Уварова (1786–1855)) [5]. Уваров даже представлен противником «разбора», но этому нет документальных доказательств: два его письма императору от 18 и 20 ноября 1821 г. больше похожи на самооправдание⁵ и желание указать на ответственность самого министра⁶.

Позднее Т.Н. Жуковская определила «разбор» как элемент контрреформ [3]. Действительно, неизбежное после любого социального сдвига последующее «отступление» сильнее всего проявилось именно в сфере, где преобразования произошли наиболее широко и глубоко; для Александровских министерских реформ этой областью было просвещение.

К коллизиям «разбора» неоднократно возвращались и советские историки, используя возможность легко показать реакционность царского режима. Во времена отказа от многих исторических постулатов советского периода к «разбору» Санкт-Петербургского университета обратились вновь. Были высказаны альтернативные взгляды на «разбор» и на действия его участников [1]. В нескольких работах указано на образцовую службу примерного чиновника Д.П. Рунича (1778–1860), без раздумий точно исполнявшего приказание начальства [2]. В другой работе [4] подоплеку «разбора» объяснили столкновением преподавателей-иностранцев и россиян. (Привкус квасного патриотизма, действительно, присутствовал в «разборе». Адъютант географии и статистики К.И. Арсеньев (1789–1865) был обвинен и уволен после того, как отказался от предложения директора университета Д.А. Кавелина (1778–1851) обличить профессора К.Ф. Германа (1767–1838). А профессора А.И. Галича (1783–1848) поносили особенно ожесточенно за то, что он, русский, оказался в компании иностранцев и «каких ругательств не говорил он (Д.П. Рунич. – *И.М.*) при сем случае на счет всех иностранцев, в России пребывающих...»⁷.)

Между тем некоторые важные сюжеты «разбора» оставлены без внимания и среди них – сопротивление атакам из Министерства народного просвещения. Полезно остановиться на трех примерах: на попытке профессора университета указать на незаконность «разбора» и выигранном споре чиновника Министерства народного просвещения со своим

⁵ Приложения // Сухомлинов М.И. Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 378–386.

⁶ По делу профессоров Санкт-Петербургского университета: Германа, Арсеньева, Раупах и Галича, а также по поводу столкновения профессора Плисова с попечителем Санкт-Петербургского учебного округа Руничем на частном испытании по естественному праву в Санкт-Петербургской губернской гимназии на почве способа преподавания // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4872. Л. 4.

⁷ Дело о С.-Петербургском университете в 1821 году. М., 1866. С. 30–31.

руководством; на аргументированном отклонении предъявленных обвинений одним из уволенных профессоров; на восстановлении прав незаконно исключенных студентов.

Восстановление прав исключенных студентов: 1822–1827 гг.

«Разобравшись» в конце 1821 г. с профессорами, летом 1822 г. Рунич принял за «разбор» казеннокоштных студентов Университета, включая выпускников [1, с. 87–91]. Он, руководствуясь мнением директора Санкт-Петербургского университета Д.А. Кавелина, составил таблицу «качеств» каждого учащегося: «академическая успеваемость», «нравственность» (имелась в виду политическая) и «поведение». Исключены были 42% из 121 казеннокоштного студента университета⁸. Связанный с университетом Благородный пансион, в котором жили и учились дворянские подростки, стал таять на глазах: в 1817 г. в нем было 140 учащихся, через месяц после «разбора» остались 104, а в 1825 г. – только 51⁹.

Еще более красноречиво о последовавшем после «разбора» кризисе Санкт-Петербургского университета говорит не абсолютное число его студентов, а их «удельный вес» в его численном составе (отношение числа студентов к числу студентов, преподавателей и администрации) (табл. 1). После «разбора» студенты составили 45% в Санкт-Петербургском университете; в других университетах, как видно из таблицы 1, этот показатель был значительно выше (от 86 до 93%). Переживший «разбор» в 1819 г. Казанский университет по этому показателю (63%) ближе к Петербургскому. Казанский университет пострадал сильнее Петербургского. Его покинули не только часть студентов, но и преподавателей: соотношение педагогов/чиновники в 1824 г. в Петербурге составляло 1,6, а в Казани – 1,0! Сближало два последних из упомянутых университетов не только министерский «разбор», но и колоссальные хищения, произведенные попечителями их учебных округов (Руничем и Магницким соответственно). Как показало последовавшее расследование, Рунич четыре года после «разбора» буквально обирал

⁸ О произведенном попечителем Пб. уч. Округа Д.П. Руничем «разборе» студентов Пб. университета, лишении части их права преподавания, по обвинению в академической неуспеваемости и политической неблагонадежности и о рассмотрении ходатайств уволенных, о восстановлении их в правах // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 20. Д. 276. Л. 5 об.

⁹ Записка о состоянии петербургского Высшего училища и Благородного университетского пансиона // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунич Д.П.). Оп. 3. № 71. Л. 3, 3 об.

Санкт-Петербургский университет¹⁰. Не являлся ли организованный им психологический террор завесой для последующего воровства? Существовавший тогда контроль Советов университета за некоторыми действиями попечителей округов был сдерживающим фактором и сильно раздражал и невороватых чиновников от просвещения, полагавших, что «система народного просвещения необходимо должна быть применена к системе правительства»¹¹, т.е. автократии.

Таблица 1

**Сопоставление состояния
некоторых русских университетов в 1824 г.**

	Петербург	Москва	Казань	Вильна	Дерпт	Харьков
Число студентов университета, чел.	51*	820	118	976	365	409
Доля студентов от общего числа студентов, преподавателей и администрации университета, %	45	90	63	92	86	93
Год «разбора» университета	1821	–	1819	–	–	–
Население города, в котором находился университет, тыс. чел.	430	240	40	43	8,5	20

* В Петербургском университете отсутствовал медицинский факультет из-за нахождения в городе Военно-хирургической академии, в которой в это время было около 200 слушателей [8, с. 61].

Сведения приведены по: Ведомость о состоянии учебных заведений по ведомству Департамента народного просвещения // Записки, издаваемые от департамента народного просвещения. 1825. Кн. 1. С. 331–386.

Нам представляется, что именно процесс восстановления прав незаконно исключенных студентов ярче всего отразил неготовность тогдашнего столичного общества поддержать гонения на образование,

¹⁰ Дело о самовольных и противозаконных распоряжениях исполняющего должность попечителя Петербургского учебного округа Д.П. Рунича по расходованию денежных средств и ведению хозяйственных операций, на общую сумму 185 133 рублей, и о привлечении его к судебной ответственности // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 21. Д. 13. Л. 1–85.

¹¹ Всеподданейшая записка попечителя Харьковского университета Перовского о народном просвещении в России // Там же. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4698. Л. 1 об.

и 1825 г. стал переломным в этом противостоянии. В мае 1824 г. последовали увольнение министра А.Н. Голицына и назначение на этот пост А.С. Шишкова (1754–1841)¹². Точно неизвестно когда (кроме года, 1824) начальник Главного управления путей сообщения герцог А.Ф.К. Вюртембергский (1771–1833), будучи неизменно доволен дежурствами одного из своих чиновников (Павла Теряева, исключенного студента физико-математического факультета, планировавшего после выпуска готовиться к профессорскому званию), вник в детали его жизненных обстоятельств (вместо уставного 9-го классного чина универсанта Теряев получил только 12-й). Герцог усмотрел в этом нарушение и, будучи дядей императора, сумел Высочайшим распоряжением вернуть Теряеву положенный чин.

Когда по следам Теряева его товарищ тоже решил восстановить справедливость, его прошение, следовавшее нормальным бюрократическим производством, не было поддержано Комитетом министров. Тут, в июне 1825 г., в дело вступил уже новый министр Шишков и указал на юридическую невозможность аналогичные дела рассудить противоположным образом. Осенью 1825 г. с просьбой восстановить чин 9-го класса и указанием на прецедент Теряева на Высочайшее имя обратился еще один уволенный студент-юрист. В конце 1825 – начале 1826 гг. властям было не до студентов и университетов. Но, судя по тематике дел Собственной Е.И.В. канцелярии, новый император стал вникать в вопросы образования весной 1826 г. В конце этого года министр Шишков стал запрашивать характеристики исключенных Руничем студентов и поддерживать их прошения на Высочайшее имя.

Весь 1827 г., одно за другим, шли и удовлетворялись прошения незаконно лишенных прав на чин¹³. Выяснилось, что даже уволенные не за «неблагонадежность», а за «академическую неуспеваемость» были оболганы, т.к. их оценки в «судной» ведомости были занижены по сравнению с экзаменационными¹⁴. В своих прошениях все несправедливо уволенные излагали обстоятельства очень сдержанно и почтительно-просительно; только у одного, которому пришлось особенно тяжело (трудился канцеляристом со 100-рублевым годовым жалованьем),

¹² Высочайший указ от 15 мая 1824 г. // Записки, издаваемые от департамента народного просвещения. 1825. Кн. 1. С. 18.

¹³ О произведенном попечителем Пб. уч. Округа Д.П. Руничем «разборе» студентов Пб. университета, лишения части их права преподавания, по обвинению в академической неуспеваемости и политической неблагонадежности и о рассмотрении ходатайств уволенных, о восстановлении их в правах // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 20. Д. 276. Л. 44–102.

¹⁴ Там же. Л. 108–110.

вырвался упрек: «...по клевете и видам <...> Видя себя совершенно обиженным и сожалея о потере столь значительного времени»¹⁵.

В конце 1827 г. Шишков обобщил в письме к императору: «сделанный в 1822 году разбор студентов... произведен был, по всему кажется, слишком поспешно, и не довольно основательно, что еще более подтверждается ...явными противуречиями...»¹⁶. Надо заметить, что Шишков был консервативен, полагал возможным поручать иностранцам преподавание только специальных предметов, ратовал за ужесточение цензуры и в феврале 1822 г., когда итоги «разбора» профессоров рассматривал Комитет министров, поддержал обвинения: «Учителя, поучаясь сами думать и писать обо всем свободно, или, лучше сказать, рассуждать и умствовать дерзко, не соображаясь ни с какими общими правилами, ниже с нравочужениями веры, тому же научат и учеников своих»¹⁷. Не следует ли из этого, что заботу Шишкова о восстановлении прав исключенных студентов питала его человечность?

Лодий и Кеппен против Магницкого: 1825 г.

Попытку противостояния кампании М.Л. Магницкого (1778–1844) и Рунича сделал профессор философии П.Д. Лодий. В разгар «разбора» Санкт-Петербургского университета министр Голицын внес на рассмотрение императора предложение «о прекращении преподавания философских наук». Император пожелал выяснить, как с этим предметом обходятся в Европе, особенно во Франции.

В мае 1825 г. уже новый министр (Шишков), получив это дело как «длежащее», через полгода попытался коллегиально завершить его. Всевозможные справки были собраны. В их число входили: две записки Магницкого (от 18 февраля 1823 г.¹⁸ о прекращении преподавания философских наук по всей Европе; от 9 мая 1823 г.¹⁹ с критикой учебника логики, составленной профессором Московского университета

¹⁵ О произведенном попечителем Пб. уч. Округа Д.П. Руничем «разборе» студентов Пб. университета, лишении части их права преподавания, по обвинению в академической неуспеваемости и политической неблагонадежности и о рассмотрении ходатайств уволенных, о восстановлении их в правах // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 20. Д. 276. Л. 107.

¹⁶ Там же. Л. 164.

¹⁷ Приложения // Сухомлинов М.И. Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 386–390.

¹⁸ Выписка из журнала Главного правления училищ 9 января 1825 г. по поводу «Записки касательно вредного преподавания философских наук Магницкого» и Замечания и разбор «Записки Магницкого» // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 3. № 6. Л. 3 об. – 4 об.

¹⁹ Там же. Л. 4 об. – 6 об.

И.И. Давыдовым (1792–1863)²⁰, его же учебника истории философии²¹, книги профессора Санкт-Петербургского университета Галича по тому же предмету²²). Из содержания этих записок следовало, что философию в европейских университетах не преподают, и доказывалось, что «философия есть иллюминатизм под другим именем»²³, а в упомянутых русских учебниках изложено учение Шеллинга, «которое привязывает священные догматы о Троице ко Вселенной, Природе и духу»²⁴.

Третьим документом «философского» дела Главного правления училищ были ноты его члена А.И. Лавалея (1761–1846) от 9 июня, 16 ноября 1823 г. и 16 января 1825 г. о текущем порядке преподавании философии в средних и высших учебных заведениях Франции²⁵. Еще одна записка Магницкого (без даты)²⁶ отрицала факты, изложенные Лавалем, и настаивала на запрещении преподавания не только новейшей философии, но и философских систем XVII–XVIII вв. Завершала дело справка о содержании уставов всех российских университетов, касающихся программ философских дисциплин и сведения об источниках преподавания этих дисциплин в России. Согласно ей, наблюдались сильные различия в преподавании философии²⁷.

Рассматриваемые в заседании Главного правления училищ материалы были отпечатаны, и один экземпляр стал известен профессору Лодию и вызвал его протест. Почти невероятно, что это произошло случайно; убедительнее выглядит предположение, что к 61-летнему профессору с 38-летним стажем преподавания предмета обратился кто-то из «новых» чиновников министра Шишкова. «Долг совести и присяга» заставили Лодия указать на действия, которые «могут иметь вредные

²⁰ Давыдов И.И. Начальныя основания логики: Для благородных воспитанников Университетскаго пансиона. М., 1821.

²¹ Давыдов И.И. Опыт руководства к истории философии. Для благородных воспитанников Университетскаго пансиона. М., 1820.

²² Галич А.И. История философских систем. По иностранным руководствам, составленная и изданная Главнаго педагогическаго института экстраординарным профессором Александром Галичем. В двух книгах. СПб., 1818–1819.

²³ Выписка из журнала Главного правления училищ 9 января 1825 г. по поводу «Записки касательно вредного преподавания философских наук Магницкого» и Замечания и разбор «Записки Магницкого» // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 3. № 6. Л. 4 об.

²⁴ Там же.

²⁵ Выписка из журнала Главного правления училищ 9 января 1825 г. по поводу «Записки касательно вредного преподавания философских наук Магницкого» и Замечания и разбор «Записки Магницкого» // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 3. № 6. Л. 16 об. – 22 об., 24 об. – 26 об.

²⁶ Там же. Л. 23 об. – 24.

²⁷ Там же. Л. 26 об. – 33.

последствия для всего народного просвещения в России, в противность Высочайше утвержденным постановлениям»²⁸. Далее на 18 страницах Лодий противопоставил доводам Магницкого существующие в России акты об образовании и указы императоров. (То есть, избегая философской критики обскурантизма, Лодий полемизировал как юрист.)

Так, Сенатский указ 24 января 1808 г. с перечислением наук, входящих в необходимый для получения чина 8 класса экзамен для лиц без дипломов, он сопоставил с перечнем, названным гонителем наук «иллюминатизмом, франк-масонством, шеллингианицизмом»²⁹. Магницкий аргументировал вред университетов и народного образования тем, что страны, где поддерживали эти институции, лишились тронов (государства Италии, Испания, Португалия). Лодий указал на пример Петра I и Екатерины II, введших учение о гражданском праве даже в учебники для народных школ. Видимо, Лодию было тесно в рамках синкретизма, и он порой прибегал к инструментам логики. Ведь «злое действие с вещью не делает ее злою»; по логике оппонента, надо запретить и Св. Писание, потому что некоторые люди, читавшие его, отступили от церковных догматов и сделали раскол³⁰.

Разбирая градацию наук по Магницкому: более вредные (практическая философия, естественные и политические науки, экономия, изящные науки, свободные художества и языки) и менее вредные (избранные места из Библии, Сенеки, Марка Аврелия, Конфуция) – Лодий сделал печальный вывод: остается чтение и письмо, заучивание часослова и псалтыри³¹. Такой взгляд на содержание преподаваемых наук не был диким мнением нескольких чинов Министерства народного просвещения: попечитель Харьковского учебного округа (в будущем писатель Антоний Погорельский) также полагал приглашать европейских профессоров «только положительных и точных наук, а появление ...Кантов и Фихте совершенно излишне»³². Так что профессор Лодий вовсе не сгустил краски: даже 30 лет спустя Рунич настаивал: «К просвещению должно было вести Евангелие и Вера! А не университеты!»³³.

²⁸ Письмо П. Лодия министру Шишкову от 10 ноября 1825 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 731 (Сперанский М.М.). № 2310. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 2–2 об.

³⁰ Там же. Л. 6.

³¹ Там же. Л. 9.

³² Всеподданейшая записка попечителя Харьковского университета Перовского о народном просвещении в России // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4698. Л. 2.

³³ Статья Д.П. Рунича «Министерства в России» // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 656 (Рунич Д.П.). № 7. Л. 14.

Трудно судить о вере другого человека; еще труднее о вере того, кто более 10 лет был членом Библейского общества, на словах почитал Писание, но при этом регулярно расхищал данные ему в управление суммы³⁴, включая выделенные для оборудования гимназической церкви³⁵, и не питал уважения к сословию священников: «В казенно-коштные студенты университета поступали до сего ученики духовных семинарий совершеннолетние и редко доброе нравственное образование получившие. Часто многие из них приносили с собою развратные склонности и грубые нравы и навыки, от чего в Университете и происходили многие безобразные явления»³⁶.

Многолетнего руководителя столичным образованием не смутило, что именно бывшие семинаристы составляли основной контингент и педагогических, и медицинских учебных заведений России уже несколько десятилетий! Впрочем, Рунич дешево ценил и саму жизнь человека. Четверть века спустя он негодовал из-за прекращения Крымской войны и предлагал продолжать ее еще десять лет; как он судил по потерям 1855 г., это потребует миллиона человек, которые у России имеются³⁷.

Все свои возражения Магницкому (по журналу Главного правления училищ) Лодий изложил в собственноручно написанном обращении к министру Шишкову 10 ноября 1825 г.³⁸ Сейчас этот документ находится в фонде М.М. Сперанского (1772–1839) Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Но не только. Две писарские копии, без обращения и подписи, находятся в рукописном отделе Пушкинского дома³⁹.

³⁴ Письма Николая Жулковского к Д.П. Руничу. 1814–1817 гг. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 656 (Рунич Д.П.). № 44. Л. 9–10; Обвинение по рассмотрению отчета Строительного комитета СПб. ун-та правлением Императорского Санктпетербургского университета, Главного правления училищ // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунич Д.П.). Оп. 4. № 26.

³⁵ Дело по представлению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа об отпущенных Руничу 10 тысяч рублей на заготовление церковной утвари для гимназии и об отзыве Рунича по этому предмету... // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 21. Д. 109.

³⁶ Записка министру народного просвещения о состоянии университета, университетского благородного пансиона и училищ Петербургской губернии // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунич Д.П.). Оп. 3. № 72. Л. 18.

³⁷ Статья Д.П. Рунича «Министерства в России» // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 656 (Рунич Д.П.). № 7. Л. 14 об.

³⁸ Письмо П. Лодия министру Шишкову от 10 ноября 1825 г. // Там же. Ф. 731 (Сперанский М.М.). № 2310.

³⁹ Выписка из журнала Главного правления училищ 9 января 1825 г. по поводу «Записки касательно вредного преподавания философских наук Магницкого» и Замечания и разбор «Записки Магницкого» // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунич Д.П.). Оп. 3. № 6. 35–42 об.; Там же. (Архив А.В. Никитенко). № 18957.

Можно предположить, что полемику с Лодием чиновники Министерства народного просвещения собирались продолжить, для этого и скопировали его аргументы. Первый биограф Лодия В.М. Зверев [6; 7] располагал только этими неподписанными копиями и верно атрибутировал их в 1956 г.

Можно предположить, что министр Шишков, желая минимизировать вред «разбора» для незрелой системы государственного образования, обратился к Сперанскому. Тем более, что в ведомстве Сперанского (во II Отделении Собственной Е. И. В. канцелярии) были трудоустроены (в Школе профессоров Российского права) уволенные из Санкт-Петербургского университета профессора А.П. Куницын (1783–1840), Арсеньев и Плисов. Сперанский был не только введен в ложу «Полярная звезда» профессорами М.А. Балугьянским (1769–1847) и Лодием [9, с. 6–18], но, как видно из посмертного поручения Лодия⁴⁰, был ему по-человечески близок. Сперанский мог рекомендовать Шишкову обратиться к Лодию для отыскания аргументов. Доводом, подтверждающим это предположение, может служить не только переполох, охвативший Рунича при появлении письма Лодия, но и та лютая ненависть, которую сохранял Рунич к Сперанскому и десятилетия спустя, в 1855 г.: «Сперанский хотел быть Кромвелем, Вашингтоном, Мирабо, Лафетом (Ж. Лафайетом. – И.М.), Мазаниелло (Т. Мазаньелло. – И.М.) и, наконец, нашим Донским Пугачевым»⁴¹.

Обремененный службой в двух учебных заведениях и болезнью, Лодий медленно составлял опровержение Магницкому. Параллельно Лодий готовил не формальные (как в письме Шишкову), а экзистенциальные возражения в статье «Рассуждение о происхождении четырех факультетов...»: «По мере развития наук все, что не могли отнести в медицине, богословию или правоведению, присоединяли к философии: история древностей, красноречие, языки, математика, физические науки»⁴²; «Науки богословские занимаются споспешествованием достижения благополучия душевного; врачебные – телесного, а правоведение – внешнего состояния нашего»⁴³; «Одна философия занимается тем, чем человек овладевает только разумом и без чего нет благополучия

⁴⁰ О смерти профессора Лодия и об определении вдове и детям его пенсионера // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 21. Д. 150. Л. 11–12 об.

⁴¹ Статья Д.П. Рунича «Министерства в России» // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 656 (Рунич Д.П.). № 7. Л. 3 об.

⁴² П.Д. Лодий. «Рассуждение о происхождении четырех факультетов, составляющих университеты, о науках, в них преподаваемых и цели оных» // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. (Архив А.В. Никитенко). № 19034. Л. 2.

⁴³ Там же. Л. 3.

душевного, телесного и внешнего согласия»⁴⁴; «Науки, составляющие философию, или 1) образуют ум человека, или 2) направляют его волю на полезное или полезные деяния. Ум образуют: логика и метафизика; чистая и прикладная математика; теоретическая и опытная физика; химия; всеобщая теория изящных наук и искусств; теория пиитики и риторики; естественная всеобщая история. <...> К воленправляющим наукам относят: всеобщую практическую философию; историю и географию...»⁴⁵.

К сожалению, эта работа Лодия окончена не была. По-видимому, у него случился инсульт: все его письма после ноября 1825 г. написаны писарской рукой, и только подпись в них – Лодия, и сделана она чрезвычайно коряво.

Пример противостояния пожилого и нездорового профессора своим начальникам был не единственным примером такого рода. П.И. Кеппен (1793–1864), будущий академик, в 1825 г. совмещал службу во Временном комитете по составлению уставов учебных заведений Министерства народного просвещения⁴⁶ с редактированием еженедельного журнала «Библиографические листы», в котором публиковал списки изданных в России книг и аннотации европейских научных и литературных новостей. В мае 1825 г. на три номера этого издания подал жалобу попечитель Казанского учебного округа Магницкий. Он обвинил Кеппена в искажении Святцев, жизнеописаний Св. Кирилла и Св. Мефодия и клевете на Святополка. Донос пошел сразу по двум направлениям: в Министерство народного просвещения и в управление Духовной цензуры. Кеппен сумел оправдаться, приводя аргументы как чисто формальные (указал на прохождение публикации через положенную цензуру), так и по сути нападок, написав подробный разбор всех обвинений, сводящихся к подтасовкам и искажениям. Кеппен был оправдан (Духовной цензурой, Правлением духовных училищ, митрополитами Киевским Евгением Болховитиновым и Петербургским Серафимом Глаголевским)⁴⁷.

Свое возмущение ложными обвинениями он выразил в резком письме своему министерскому начальству: «Как русский дворянин и как

⁴⁴ П.Д. Лодий. «Рассуждение о происхождении четырех факультетов, составляющих университеты, о науках, в них преподаваемых и цели оных» // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. (Архив А.В. Никитенко). № 19034. Л. 3 об.

⁴⁵ Там же. Л. 4 об. – 5.

⁴⁶ Формулярные списки членов АН, чиновников и служащих // Петербургский филиал архива РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 39/932. Л. 6 об.

⁴⁷ Переписка П.И. Кеппена и др. материалы по доносу на него Магницкого в 1825 г. // Там же. Ф. 30 (Кеппен П.И.). Оп. 1. Д. 503. Л. 1.

чиновник с 1806 года беспорочно продолжавший службу, не могу не огорчаться тем, что есть люди, старающиеся находить мнимое зло и в моих посильных трудах, подкрепленным одним только желанием быть полезным моему отечеству; желанием, которому я пожертвовал лучшими летами и всеми выгодами сей жизни, и которое побудило меня избрать службу, не доставляющую мне даже необходимого жалованья. Вместо всякого удовлетворенья, которого я почитал бы себя вправе требовать за нанесенную обиду, я прошу одной только милости (подчеркнуто в документе. – И.М.), состоящей в том, чтобы мне дозволено было напечатать здесь, или в чужих краях, как поданное на меня донесение, так и мои по оному объяснения...»⁴⁸. Если же министр этого не разрешит, ту же просьбу Кеппен собирался подать императору. Если и тот не позволит, то «...мне, почитая сие лишением моего последнего имущества – чести (подчеркнуто в документе. – И.М.), остается только всепокорнейше просить об исходатайствовании мне... дозволения на бессрочный выезд за границу...»⁴⁹. Документы по этому делу были напечатаны только в 1864 г.⁵⁰ и, как и документы по «разбору» Санкт-Петербургского университета, опубликовало их Общество истории и древностей российских при Московском университете.

Наверное, «юридическое» возражение профессора Лодия не показалось достаточно сильным для борьбы с гонителями просвещения; возможно, оно запоздало. В качестве оружия было выбрано сильнейшее средство чиновника против чиновника: финансовая проверка. Ее результат потряс столицу: на строительстве зданий Университета почти не велось никакой документации; Рунич был уволен со всех должностей и в конце июня 1826 г. отдан под следствие⁵¹, которое через 8 лет окончилось предъявлением обвинения в растрате суммы, превышающей весь бюджет университета на 1826 г.⁵²

⁴⁸ Переписка П.И. Кеппена и др. материалы по доносу на него Магницкого в 1825 г. // Петербургский филиал архива РАН. Ф. 30 (Кеппен П.И.). Оп. 1. Д. 503. Л. 4.

⁴⁹ Там же. Л. 5.

⁵⁰ Магницкий М.Л. Доношение попечителя Казанского округа на издателя «Библиографических листов» г. министру народного просвещения. [1825 г.]. М., 1864.

⁵¹ Высочайший указ от 25 июля 1826 г. // Записки, издаваемые от департамента народного просвещения. 1827. Кн. 2. С. 10.

⁵² Дело о самовольных и противозаконных распоряжениях исполняющего должность попечителя Петербургского учебного округа Д.П. Рунича по расходованию денежных средств и ведению хозяйственных операций, на общую сумму 185 133 рублей, и о привлечении его к судебной ответственности // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 21. Д. 13. Л. 39 А – 39 А об.

Несогласие профессора Э.Б. Раупаха с предъявленными ему обвинениями: 1821 г.

Из бумаг архива Рунича видно, что подготовка к «разбору» велась под руководством министра Голицына по крайней мере с ноября 1820 г.⁵³; с министром согласовали даже очередность предъявления обвинений⁵⁴. На «разборе» преподаватели Университета вели себя по-разному: часть молодых (полагая занять освободившиеся после увольнений места) и очень старых (надеясь продолжить службу), поддержала Рунича [10, с. 160]. Балугьянский, Лодий, Д.И. Чижов (1784–1852), А.В. Ржевский (?–1835) и М.Г. Плисов (1783–1853) (трое последних – бывшие студенты двух первых) пытались остановить нападки, ссылаясь на статьи устава университета, но были нейтрализованы хамскими угрозами Рунича. Двое очень молодых профессоров-ориенталистов (Ж.Ф. Деманж (1789 – после 1839) и Ф.Б. Шармуа (1793–1868)), в 1817 г. приглашенные из Франции⁵⁵, не обремененные семьями и воспитанные в европейском понимании законности, покинули университет в конце ноября 1821 г.⁵⁶, возмущенные самой процедурой ведения разбирательства⁵⁷.

Профессор немецкой словесности и всеобщей истории Э.Б. Раупах (1784–1852) на «разборе» несколько раз отказывался отвечать, пока ему не предоставят послужившие основой обвинения отрывки студенческих конспектов и его собственные лекции. От него все-таки добились кратких письменных ответов на поставленные 11⁵⁸ (или 6⁵⁹?) вопросов. Виновным он себя не признал, и ответы его были короче вопросов: «Я учил светской истории, а не системе философской»; «Я не учил тому, что языческие учения являются справедливыми»; «Я не напал на Св. Писание»; «Я не искажал смысл Писания»; «Я не проповедовал материализм»; «Я не учил, что власть Верховная основана на притеснении»⁶⁰. Отстраненному от преподавания Раупаху удалось

⁵³ Письма (34) А.Н. Голицына Д.П. Руничу. Деловые бумаги кн. Голицына // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 2. № 95. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Л. 9.

⁵⁵ Об определении в институт проф. Деманжи и Шармуа для преподавания восточных языков // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1756. Л. 1–2.

⁵⁶ Об увольнении профессоров И.Ф. Деманжа и Ф.Ф. Шармуа в связи с их отрицательным отношением к «делу» профессоров А.И. Галича, К.Ф. Германа, Э.В. Раупаха, К.И. Арсеньева // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 20. Д. 254. Л. 1–2.

⁵⁷ Там же. Л. 2.

⁵⁸ Дело о С.-Петербургском университете в 1821 году. М., 1866. С. 97–104.

⁵⁹ Приложения // Сухомлинов М.И. Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 350–352.

⁶⁰ Там же. С. 100–101.

еще до окончания «разбора» (в июне 1822 г.) получить разрешение вернуться на родину. Хотя его поведение на «разборе» и оценивали как наиболее достойное и независимое, но отъезд трактовали как уклонение от борьбы [3].

Между тем в бумагах Рунича находятся подробные разъяснения Раупаха⁶¹, написанные по-французски на 26 страницах почтового формата. Раупах представил свои объяснения строго по подчиненности, декану историко-словесного факультета университета А.А. Дегурову (1765–1849). Последний доставил их Руничу 22 января 1822 г.⁶² Рукопись Раупаха несет многочисленные следы работы с ней Рунича и была изъята им из бумаг университета.

Почерк и слог текста Раупаха четок и ясен; тон полон достоинства и убежденности в правоте: «Поскольку до сих пор не видно, чтобы мое начальство предоставило мне то, в чем обычно не отказывают ни одному обвиняемому, а именно праве свободно защищать себя и не обеспечило всеми средствами, необходимыми для этой защиты⁶³, я попытаюсь оправдать себя (даже без этих средств) в глазах тех людей, мнению которых я придаю значение, хотя и поплачусь за это. <...> Насколько я знаю, меня обвиняют в двух вещах: 1) умышленном и преднамеренном формировании системы атеизма на моих уроках истории; 2) проповеди принципов, противоречащих благу государства»⁶⁴. Раупах сразу определил свою позицию как преподавателя истории, а не Священной истории, и науку отделял от веры: «Наука есть сумма всех знаний, которые человеческий разум может приобрести посредством использования своих способностей, т.е. не сам по себе. Откровение, напротив, включает в себя все знания, которые человек никогда бы не приобрел своими природными силами, если бы сам Бог не сообщил ему их, и человек их немедленно воспринял. При этом Откровение и науки относятся к совершенно разным сферам...»⁶⁵.

Далее Раупах подробно, от эпизода к эпизоду, пояснил исторические сюжеты, в которых его изложение истории Востока, Израиля и язычников

⁶¹ Письма А.А. Дегурова (De-Giouroff) к Д.П. Руничу // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 2. № 114. Л. 5–18 об.

⁶² Там же. Л. 4.

⁶³ Любопытно, но лишение возможности самозащиты считал недостатком «разбора» и член Комитета министров А.Б. Куракин (1759–1829), но недостатком не коренным, а невыгодным по последствиям: детали «разбора» разглашены «...не только в здешней публике, но и во всей России, и, вероятно, корреспонденция передана в другие государства» (Приложения // Сухомятинов М.И. Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 391–394).

⁶⁴ Письма А.А. Дегурова (De-Giouroff) к Д.П. Руничу // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 2. № 114. Л. 5, перев. с франц.

⁶⁵ Там же. Л. 6.

отличалось от библейских. Оправдывая включение им в свой курс истории языческих народов, Раупах писал, что «невозможно полностью понять историю народа, не зная его религиозных представлений, потому что религия, истинная или ложная, всегда является основой жизни. <...> В самом деле, не странно ли скрывать правду о том, что у других народов были и другие религиозные представления, из опасения, что эта истина нанесет вред христианской религии?»⁶⁶. На обвинения в противогосударственных высказываниях Раупах ответил так: «Признаюсь, я никогда не мог понять, как истинная наука может атаковать государство. Все науки или абстрактны, или основаны на фактах. Если они умозрительны, а их предмет практический, как в случае с моралью, эстетикой, политикой, то они лишь развивают основы, согласно которым разум хочет, чтобы человек таким образом регулировал свою деятельность, достигая идеальной реализации. Так мораль показывает нам идеал нравственной жизни, эстетика – идеал произведения поэзии, пластического искусства и т.д.; а политика – идеал государства»⁶⁷.

В конце своего изложения Раупах подчеркивает, что только свободное развитие науки позволяет достичь ценного результата: «Я не имел дурных намерений, а принципы, которым я следовал, хотя они и являются результатом двадцатилетних исследований и, хотя кажутся мне неоспоримыми, могут показаться начальству невозможными; но они, конечно, не являются принципами атеиста (если есть истинные атеисты) или якобинца. Я следовал им, потому что не знал, что начальство их не одобряет; одного слова, которое кто-нибудь соизволил бы сказать по этому поводу, было бы достаточно, чтобы заставить меня уйти в отставку. Худший из семьи – хозяин своего дома⁶⁸; <...> науки, если только им не предоставлена свобода, о которой я прошу, не могут привести к какому-либо удовлетворительному результату»⁶⁹.

Журнал Главного правления училищ, на содержание материалов которого так горячо реагировал профессор Лодий, и результаты его рассмотрения в Комитете министров в 1826 г. попали в руки нового императора. Получив некоторое практическое представление об организации народного образования при посещении нескольких учебных

⁶⁶ Письма А.А. Дегурова (De-Giouroff) к Д.П. Руничу // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 2. № 114. Л. 13–14, перев. с франц.

⁶⁷ Там же. Л. 17–17 об.

⁶⁸ Затруднительно подобрать русский эквивалент этой французской поговорке. Возможно: «Всяк хозяин в своем доме большой»?

⁶⁹ Письма А.А. Дегурова (De-Giouroff) к Д.П. Руничу // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 2. № 114. Л. 18 об., перев. с франц.

заведений столицы, Николай I (1796–1855) констатировал: «с сожалением вижу, что не существует в них должного и необходимого единообразия, на котором должно быть основано как воспитание, так и учение»⁷⁰. Далее император последовал предложению А.А. Перовского (1787–1836) «уравнять все уставы <...> воспретить всякие произвольные преподавания учений по произвольным книгам и тетрадям»⁷¹. Тогда же в учебные заведения Министерства народного просвещения были возвращены телесные наказания, отмененные в 1811 г.⁷²

Рунич до конца жизни, начиная с 1827 г., находился под следствием за крупные хищения; его семья получала казенные прожиточные субсидии. В марте 1840 г. у Рунича в сумасшедшем доме умер сын, он просил дополнительные средства на похороны и получил (через своего бывшего патрона Голицына) Высочайшую отповедь: «...его Величество изволил отозваться, что там состоят у начальства суммы на сей предмет, на счет которых и предаются земле тела умирающих; почему и сын ваш погребен будет на сем же основании. С моей стороны сожалею о потере вашей <...> Уверен, что пышные обряды похорон, конечно, сами вы признаете ничтожными, а, напротив, станете молиться о душе страдальца»⁷³.

* * *

Безусловно, контрреформы в системе народного просвещения 1819–1825 гг. оказали негативное влияние как на состояние образования в стране, так и на судьбы попавших в «разбор» студентов, преподавателей и чиновников. Описанные в статье примеры противостояния «разбору» людей разного социального состояния указывают не только на существование в столице общественного мнения, отличного от такового у власть предержащих, но и способов его оглашения. Наиболее известное проявление этого – события 14/26 декабря 1825 г. Перипетии «разбора», обсужденные в статье, также представляются выразительными.

⁷⁰ Высочайший рескрипт, последовавший в 14 день мая 1826 г, на имя министра народного просвещения // Записки, издаваемые от департамента народного просвещения. 1825. Кн. 2. С. 7–9.

⁷¹ Всеподданейшая записка попечителя Харьковского университета Перовского о народном просвещении в России // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4698. Л. 6.

⁷² О введении вновь телесных наказаний в учебных заведениях министерства Народного просвещения, отмененных бывшим министром гр. Разумовским // Там же. Д. 4617.

⁷³ Письма (34) А.Н. Голицына Д.П. Руничу. Деловые бумаги кн. Голицына // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 2. № 95. Л. 37–37 об.

Обращение к истории «разбора» Санкт-Петербургского университета позволяет также выявить один из первых примеров использования государственным аппаратом специальных инструментов кампаний осуждения. Тайное изъятие бумаг, клевета и фальсификации для доказательств вины, инструктирование «поддерживающих обвинение», запугивание обвиняемых (вплоть до угроз объявить сумасшедшим, которые были применены в 1821 г.⁷⁴).

Именно в 1821 г. явилась на свет классическая форма массового отключения сознания: «хотя я и не был свидетелем возмутительных поступков..., но согласен с мнением тех, кои почитают оные таковыми»⁷⁵.

И, наконец, в 1821 г. явился и способ общественного противодействия подобным подтасованным обвинениям. Самым ярким и известным примером использования этого способа является запись журналистом Ф.А. Вигдоровой (1915–1965) суда над И.А. Бродским (1940–1996). В 1821 г. запись сделал профессор Плисов, а опубликовал ее много лет спустя его сын⁷⁶ А.М. Плисов (1818–1874).

Библиографический список/References

1. Азизова Е.Н. Общественно-политическая деятельность Д.П. Рунича. Воронеж, 2014. [Azizova E.N. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' D.P. Runicha [Social and political activities of D.P. Runich]. Voronezh, 2014.]
2. Возчиков В.А. «Дело профессоров» или оправдание Рунича // Историко-педагогический журнал. 2013. № 1. С. 75–88. [Vozchikov V.A. "The Case of the Professors" or the justification of Runich. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*. 2013. No. 1. Pp. 75–88. (In Rus.)]
3. Жуковская Т.Н. «Дело профессоров» 1821 г. в Санкт-Петербургском университете: новые интерпретации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. Кн. 2–3. С. 96–111. [Zhukovskaya T.N. "The Case of the Professors" 1821 at St. Petersburg University: New interpretations. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 2019. Vol. 161. No. 2–3. Pp. 96–111. (In Rus.)]
4. Жуковская Т.Н. Национальные группы в составе профессоров Санкт-Петербургского университета начала XIX века // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. No. 2. С. 13–18. [Zhukovskaya T.N. National groups of professors at St. Petersburg University at the beginning of the 19th century. *Science Journal of VolSU*.

⁷⁴ Дело о С.-Петербургском университете в 1821 году. М., 1866. С. 35.

⁷⁵ Там же. С. 13.

⁷⁶ Там же. С. 7–51.

- History. Area Studies. International Relations*. 2011. No. 2. Pp. 13–18. (In Rus.)
5. Жуковская Т.Н. С.С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. 1998. Вып. 7. С. 56–74. [Zhukovskaya T.N. Sergey S. Uvarov and the re-establishment of St. Petersburg University. *Ocherki po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 1998. Vol. 7. Pp. 56–74. (In Rus.)]
 6. Зверев В.М. Петр Дмитриевич Лодий // Бюллетень Студенческого научного общества. 1959. Вып. II. С. 28–41. [Zverev V.M. Petr Dmitrievich Lodiy. *Byulleten Studencheskogo nauchnogo obshchestva*. 1959. Vol. II. Pp. 28–41. (In Rus.)]
 7. Зверев В.М. Петр Лодий в истории русской логико-философской мысли: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1964. [Zverev V.M. Petr Lodiy v istorii russkoy logiko-filosofskoy mysli [Petr Lodiy in the history of Russian logical-philosophical thought]. PhD theses. Leningrad, 1964. (In Rus.)]
 8. История императорской Военно-медицинской (бывшей Военно-хирургической) академии за 100 лет: 1798–1898 / под ред. Ивановского. СПб., 1898. [Istoriya imperatorskoy Voenno-meditsinskoy (byvshey Voenno-khirurgicheskoy) akademii za 100 let: 1798–1898 [History of the Imperial Military Medical (former Military Surgical) Academy for 100 years: 1798–1898]. Ivanovsky (ed.). St. Petersburg, 1898.]
 9. Кучурин В.В. Из истории политической борьбы начала XIX в.: Нереализованный проект масонской реформы М.М. Сперанского // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 6–18. [Kuchurin V.V. From the history of the political struggle of the early 19th century: The unrealized project of the Masonic reform of M.M. Speransky. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2016. No. 3. Pp. 6–18. (In Rus.)]
 10. Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Единым вдохновением. Очерки университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в. СПб., 2000. [Margolis Yu.D., Tishkin G.A. Edinym vdokhnoveniem. Ocherki universitetskogo obrazovaniya v Peterburge v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. [One inspiration. Essays on university education in St. Petersburg at the end of the 18th – first half of the 19th centuries]. St. Petersburg, 2000.]
 11. [Плетнев П.А.] Первое двадцатипятилетие Санктпетербургского университета: Ист. зап., по определению Унив. совета, чит. ректором Ун-та Петром Плетневым на публ. торжеств. акте 8 февр. 1844 г. СПб., 1844. [Pletnev P.A. Edinym vdokhnoveniem. Ocherki universitetskogo obrazovaniya v Peterburge v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. [The first twenty-fifth anniversary of St. Petersburg University: Historical notes, according to the definition of University council, readed by Rector of the University Petr Pletnev on public celebrations act 8 Feb. 1844]. St. Petersburg, 1844.]
 12. Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Исследование и статьи по русской

литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 1–270. [Sukhomlinov M.I. Materials for the history of education in Russia during the reign of Emperor Alexander I. *Issledovaniye i stati po russkoy literature i prosveshcheniyu*. St. Petersburg, 1889. Vol. 1. Pp. 1–270. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 06.02.2024, принята к публикации 20.03.2024

The article was received on 06.02.2024, accepted for publication 20.03.2024

Сведения об авторе / About the author

Ирина Михайловна Могилевич – кандидат химических наук; волонтер музея, Вторая Санкт-Петербургская гимназия

Irina M. Mogilevich – PhD in Chemistry; volunteer of the Museum, Second St. Petersburg Gymnasium

E-mail: mmmogilevich@mail.ru

П.А. Рыбаков

Московский финансово-юридический университет МФЮА,
115191 г. Москва, Российская Федерация

Политика коллективизации в Московской области в 1931–1932 гг.

Статья посвящена особенностям осуществления политики коллективизации в Московской области в 1931–1932 гг. После массовых перегибов и развала колхозов в 1930 г. партийное руководство Московской области более осторожно и реалистично подходило к намеченным планам по осуществлению коллективизации в 1931 г., постоянно предостерегая районные и областные организации от повторения прошлогодних ошибок. Однако, как свидетельствуют документы, сообщения сельских корреспондентов, письма крестьян, при осуществлении коллективизации в 1931–1932 гг. вновь широко практиковались погоня за высокими цифрами, методы принуждения и насилия. Также существенно возросло налоговое обложение крестьянских хозяйств, которые еще не вошли в колхоз. Важным средством «ускорения» коллективизации было и раскулачивание. В статье также показываются основные мероприятия областного комитета партии по налаживанию организации труда и производства в колхозах, по укреплению их технической базы, проблемы и трудности при их реализации. В заключении подводятся основные итоги коллективизации в Московской области к концу 1932 г.

Ключевые слова: Московская область, коллективизация, колхозы, крестьянство в СССР, административно-репрессивные меры при коллективизации, организационно-хозяйственные проблемы при коллективизации

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Рыбаков П.А. Политика коллективизации в Московской области в 1931–1932 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 57–67. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-57-67

© Рыбаков П.А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-57-67

P.A. RybakovMoscow University of Finance and Law MFUA,
Moscow, 115191, Russian Federation

The policy of collectivization in Moscow region in 1931–1932

The article is devoted to the features of the implementation of the policy of collectivization in the Moscow region in 1931–1932. After the massive excesses and collapse of the collective farms in 1930, the party leadership of Moscow region more carefully and realistically approached the plans for collectivization in 1931, constantly warning district and regional organizations against repeating last year's mistakes. However, as evidenced by documents, messages of rural correspondents, letters of peasants during the implementation of collectivization in 1931–1932 the pursuit of high numbers, methods of coercion and violence were again widely practiced. The taxation of peasant farms that had not yet entered the collective farms also increased significantly. An important means of “accelerating” collectivization was dispossession. The article also shows the main activities of the regional party committee to organize labor and production on collective farms, to strengthen their technical base, problems and difficulties in their implementation. In conclusion, the main results of collectivization in Moscow region by the end of 1932 are summarized.

Key words: Moscow region, collectivization, collective farms, peasantry in the USSR, administrative and repressive measures during collectivization, organizational and economic problems during collectivization

FOR CITATION: Rybakov P.A. The policy of collectivization in Moscow region in 1931–1932. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 57–67. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-57-67

Одним из важнейших событий советской истории была коллективизация сельского хозяйства. Коллективизация коренным образом изменила хозяйственный уклад, образ жизни деревни, менталитет ее жителей. Интерес к теме коллективизации не ослабевает и сегодня, о чем свидетельствует рассекречивание архивных документов, выход за последние

три десятилетия многотомных изданий документов [12; 13; 15], в которых вводится огромный массив совершенно новых материалов, показывающих насильственный характер коллективизации. С учетом этого появляется возможность более детально и глубоко осветить политику коллективизации, в том числе и на региональном уровне.

Проблеме коллективизации посвящено немало научных работ и исследований. Однако успехи в изучении деревни Московского региона в период коллективизации остаются довольно скромными. Первые научные исследования, посвященные коллективизации Московской области, стали появляться в конце 1940-х – 1950-е гг. [1; 7; 8]. Однако для многих работ этого периода была характерна откровенная лакировка действительности, описательность, иллюстративность изложения материала, ограниченное использование архивных документов. В 1970-е – первой половине 1980-х гг. стали выходить работы, посвященные коллективизации как в Центральном промышленном районе [3; 11], так и в Московской области [5]. Их авторы, опираясь на более широкую источниковую базу, отмечали трудности и проблемы в осуществлении коллективизации, рассмотрели ряд новых проблем [10; 17; 18]. Но их выводы не выходили за рамки традиционных представлений советской историографии по данной проблеме.

С конца 1980-х гг. характер исследований по коллективизации поднялся на качественно новый уровень, во многом благодаря рассекречиванию архивных документов, которые позволили восполнить существующие пробелы, осветить новые проблемы, объективно взглянуть на процесс коллективизации и ее итоги. Однако количество исследований по коллективизации Московской области по-прежнему невелико. Из современных работ следует выделить монографию Е.А. Кирияновой [4]. В ней автор на основе широкого привлечения как опубликованных, так и архивных материалов рассмотрела динамику коллективизации и раскулачивания в Центральной России, сопротивление крестьян политике коллективизации, трудности и особенности колхозного строительства в данном регионе. Также в последние годы вышел ряд статей, посвященных протестному движению в Московской области [14], становлению технической базы [9], взаимоотношениям власти и церкви в годы коллективизации [2].

На 1 января 1931 г. в колхозы Московской области было объединено 119418 хозяйств, а уровень коллективизации составлял 8,31%¹. Такое положение дел совершенно не устраивало высшее партийное

¹ Конъюнктура народного хозяйства Московской области на май месяц 1931 г. // Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2157 (Мособлисполком). Оп. 1. Д. 806. Л. 72.

руководство области. Еще в конце ноября 1930 г. первый секретарь МК ВКП(б) Л.М. Каганович озабоченно говорил по этому поводу: «В деле колхозного строительства мы безобразно отстаем: в настоящее время мы имеем всего около 8% коллективизированных хозяйств. В деревне мы и сейчас еще имеем такое положение, при котором после исправления перегибов в весенней период коллективизации существует какая-то боязнь вплотную и решительно браться за работу по развертыванию коллективизации и по развертыванию наступления на кулачество»².

У пленум МК ВКП(б), состоявшийся в феврале 1931 г., наметил новый план по коллективизации в Московской области. Согласно плану, предусматривалось в течение года объединить в колхозы области 25% единоличных хозяйств, а в районах деятельности машинно-тракторных станций (МТС) – 40–50% [6, с. 476, 479]. При этом пленум предостерег против попыток повторения прошлогодних перегибов и подмены массовой организаторской работы командованием [Там же, с. 484].

Однако как свидетельствуют письма крестьян, сообщения селькоров, в том числе и из Московской области, поступавшие в редакции газет весной 1931 г., по-прежнему продолжалась «погоня» за высокими цифрами коллективизации, в отношении нежелающих вступать в колхозы крестьян широко применялись угрозы и насилие [16, с. 106–115]. Это отмечал и Московский комитет партии в конце августа 1931 г.: «Целый ряд районов и партячеек, несмотря на предупреждение МК, а также решения пленума МК о всемерном укреплении организованных колхозов, вместо настоящей борьбы за качество колхозного строительства продолжают погоню за процентами коллективизации» [6, с. 529].

Существенно возросли и обязательные денежные платежи с единоличных хозяйств. Так, по сравнению с 1930 г., общая сумма сельхозналога на единоличников в 1931 г. выросла на 57,9 млн рублей, самообложение – на 62,4 млн рублей, страховые платежи – на 44,1 млн рублей [16, с. 616]. Повышенные платежи нередко вынуждали единоличников вступать в колхозы.

Еще одним мощным методом «ускорения» колхозного движения являлось раскулачивание и выселение крестьян, возобновившееся с новой силой весной 1931 г. Так, в апрельской сводке Секретно-политического отдела ОГПУ отмечалось, что «проведенное изъятие контрреволюционного кулацкого и антисоветского элемента, а также глав кулацких семей, намеченных к выселению» в Московской области вызвало «значительный прилив в колхозы» [Там же, с. 104].

² Каганович Л.М. Перевыборы и перестройка работы Советов. Речь на объединенном пленуме Моссовета и Мособлсполкома 28 ноября 1930 года. М.; Л., 1931. С. 22.

Использование административно-репрессивных мер и экономических методов воздействия существенно «подстегнуло» темпы коллективизации в Московской области. На 1 июня 1931 г. уровень коллективизации в Московской области вырос до 35,70%³. Высокие темпы коллективизации наблюдались и в других областях Центрального промышленного района. Так, в Ивановской области уровень коллективизации с начала года к лету поднялся с 8,4 до 36,6%, в Нижегородском крае – с 12,7 до 32% [11, с. 484–485].

Однако наряду с ростом коллективизации фиксировались и массовые случаи выхода крестьян из колхозов. Так, весной 1931 г. только в 8 районах Московской области (Можайском, Калужском, Пушкинском, Волоколамском, Лихославльском, Чернском, Кашинском, Шаховском) из колхозов вышло 609 хозяйств⁴. Причины выходов из колхозов были самые разные: агитация кулаков (Калужский район), нежелание работать сдельно (Можайский и Чернский районы), повышенные требования к колхозникам в части сдачи семян, внесения денежных взносов (Лихославльский район), отказ обобществлять семена и инвентарь (Пушкинский и Волоколамский районы), невнимательное отношение к нуждам колхозников, недостаточное организационно-хозяйственное закрепление колхозов (Шаховской район)⁵.

Партийное руководство области понимало, что одними принудительными и репрессивными мерами вовлечь крестьян в колхозы не удастся. Для стимулирования колхозного движения партийное руководство обещало осуществить широкую программу строительства новых машинно-тракторных станций, упорядочить организацию и оплату труда в колхозах, предоставить им льготные кредиты, премировать лучшие колхозы и колхозников.

Некоторые обещанные стимулирующие меры были озвучены уже на V пленуме МК ВКП(б) в феврале 1931 г. Так, пленум принял решение отпустить в текущем году для колхозов и МТС области 38,5 млн рублей, организовать в течение года в разных зонах еще 38 новых МТС [6, с. 476, 478].

4 июля 1931 г. состоялся VII пленум МК ВКП(б). Отмечая успехи в колхозном строительстве, пленум пересмотрел темпы колхозного

³ Конъюнктура народного хозяйства Московской области на май месяц 1931 г. // Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2157 (Мособлисполком). Оп. 1. Д. 806. Л. 72.

⁴ Информационная оперативная справка № 28 по вопросам выходов из колхозов (составлена по материалам на 13 мая 1931 г.) // Российский государственный архив экономики. Ф. 7446 (Всероссийский союз сельскохозяйственных коллективов (Колхозцентр СССР и РСФСР)). Оп. 2. Д. 491. Л. 23–25.

⁵ Там же.

строительства в области, поставив перед районными организациями задачу вовлечь в колхозы к концу года половину всех крестьянских хозяйств области [6, с. 525]. Пленум также обязал партийные ячейки наладить организацию труда и производства в колхозах. В частности, предлагалось осуществить следующие мероприятия: выдать каждому колхознику на руки не позднее 15 июля трудовую книжку; подсчет и запись количества выработанных трудодней вести точно и регулярно не позднее чем на пятые сутки после проделанной работы; не позднее 15 августа во всех колхозах Московской области перевести на сдельную оплату труда не только бригады, но и каждого колхозника; к этому же сроку подготовить по области до 15 тыс. работников (из них не менее 10 тыс. из самих колхозников), способных оказать колхозам помощь в организации учета труда, проведения сдельщины [Там же, с. 526–527].

Правда, внедрение сдельной оплаты труда протекало довольно медленно. По сведениям первого секретаря МК ВКП(б) Л.М. Кагановича, которые он озвучил в конце января 1932 г., на сдельщину было переведено 15 тыс. колхозов, что составляло 81% от всех колхозов области⁶.

Кроме налаживания организации труда и производства, в колхозах большое значение придавалось укреплению технической базы. Тракторный парк в Московской области увеличился с 1242 тракторов на 1 января 1931 г. до 1555 тракторов на 1 сентября 1932 г. Количество машинно-тракторных станций возросло с 35 до 58⁷. Выступая 23 января 1932 г. на III Московской областной и II городской конференциях ВКП(б), руководитель области Л.М. Каганович с гордостью отмечал: «В деле механизации сельского хозяйства была проделана огромная работа. Тракторный парк за последние два года увеличился больше чем в 10 раз»⁸. В то же время Л.М. Каганович подчеркивал и серьезные недостатки в работе тракторного парка: «В отношении тракторов нужно сказать, что мы еще не добились максимального использования их. Производительно используем трактор только на 60–70%. Много у нас еще “холостых” пробегов, непроизводительной траты энергии и топлива»⁹.

Несмотря на рост количества МТС, качество их работы оставалось невысоким. Так, в начале октября 1932 г. газета «За коллективизацию» писала: «Нужно решительно отметить, что МТС Московской области

⁶ Каганович Л.М. Московские большевики в борьбе за победу пятилетки. Доклад о работе Московского комитета и Московского городского комитета на III Московской областной и II городской конференциях ВКП(б) 23 января 1932 г. М., 1932. С. 27.

⁷ Улучшить использование тракторного парка машинно-тракторных станций // За коллективизацию. 1932. № 160 (1232). 8 октября.

⁸ Каганович Л.М. Московские большевики в борьбе за победу пятилетки. Доклад о работе Московского комитета и Московского городского комитета на III Московской областной и II городской конференциях ВКП(б) 23 января 1932 г. М., 1932. С. 30.

⁹ Там же.

еще далеко не полностью использовали свои возможности для внедрения в колхозы агротехники. Урожайность колхозов, обслуживаемых МТС, находится еще на низком уровне, хотя она и выше, чем в других колхозах. Преимущество механизации МТС Московской области полностью еще не использовали»¹⁰. Газета сообщала, что использование тракторного парка в ряде МТС было крайне неудовлетворительным. Так, в Щекинской МТС из 18 тракторов работало только 6. Тульская МТС накопила 14094 «тракторочасов» простоя, что составляло потерю 704 «трактородня». В Можайской МТС бездействовало 50% тракторного парка и т.д. Причины простоя заключались не только в отсутствии запасных частей, но и в плохом ремонте их в мастерских, неналаженности полевого предупредительного ремонта, вопиющей бесхозяйственности в ряде машинно-тракторных мастерских (МТМ), самотеке в работе, неумении мобилизовать внутренние ресурсы и особенно текучки кадров среди трактористов¹¹.

Таким образом, видно, что роль машинно-тракторных станций в колхозном производстве Московской области была еще невелика. На 1 июня 1932 г. МТС обслуживали только 21,7% колхозов региона¹². Подобная ситуация была характерна для всего Центрального промышленного района, к которому относилась Московская область. Как отмечает А.К. Шустов, «в Центральном промышленном районе строительство МТС развивалось медленнее, чем во многих других районах, их роль в сельскохозяйственном производстве, вплоть до завершения в основном коллективизации сельского хозяйства в этом районе... была небольшой» [17, с. 23].

К 1 января 1932 г. в Московской области насчитывалось 18,7 тыс. колхозов, которые объединяли 716 тыс. хозяйств (50,1%) [4, с. 230]. В январе 1932 г. областной руководитель Л.М. Каганович гордо заявлял: «Мы имеем действительный поворот основных крестьянских масс к коллективизации... Некоторые районы уже завершили сплошную коллективизацию. 18 районов имеют 60–70% коллективизации и 24 района – 70–80% коллективизации. В 40 районах коллективизировано 50–60% и в 41 районе охвачено колхозами от 40 до 50% крестьянских хозяйств»¹³. Однако Л.М. Каганович не упомянул, какими методами были достигнуты данные показатели.

¹⁰ Улучшить использование тракторного парка машинно-тракторных станций // За коллективизацию. 1932. № 160 (1232). 8 октября.

¹¹ Там же.

¹² Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936. С. 658.

¹³ Каганович Л.М. Московские большевики в борьбе за победу пятилетки. Доклад о работе Московского комитета и Московского городского комитета на III Московской областной и II городской конференциях ВКП(б) 23 января 1932 г. М., 1932. С. 24.

В 1932 г. темпы коллективизации в Московской области существенно замедлились. Прирост коллективизации за год составил всего 2,2% [4, с. 230]. Такие низкие темпы во многом объяснялись тем, что на протяжении всего года отмечались случаи массового выхода крестьян из колхозов. Так, только в июне–июле 1932 г. из колхозов Московской области вышло более 6 тыс. хозяйств [16, с. 439]. Московская контрольная комиссия рабоче-крестьянской инспекции (МКК-РКИ) при изучении в 1932 г. случаев выходов из колхозов в Сараевском, Горловском, Сапожковском, Касимовском, Плавском и других районах Московской области установила, что основными причинами выходов являлись погоня за дутыми процентами коллективизации, сплошной прием в колхозы целых сел и деревень¹⁴. Другой важной причиной выходов была слабая работа по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Выступая на II пленуме Московского областного комитета ВКП(б) в июле 1932 г., первый секретарь МК ВКП(б) Л.М. Каганович отмечал: «В отдельных районах, там, где к делу организационно-хозяйственного укрепления колхозов подходили формально, по-бюрократически, где не считали нужным заниматься такими, как кажется бюрократам, “мелочами”, как правильная организация труда, правильная расстановка сил в колхозе, лучший уход за скотом и инвентарем, распределение доходов и т.д., – там мы имели отдельные случаи выходов из колхозов»¹⁵.

О хозяйственных неурядицах, безобразиях в колхозах сообщали и газеты. Так, в конце 1932 г. газета «За коллективизацию» опубликовала письмо, поступившее от колхозника Пронского района Московской области, которое ярко свидетельствовало о вопиющей бесхозяйственности, творившейся в его колхозе. Вот что писал колхозник: «Ни руководства, ни порядка в нашем колхозе “Серп и молот” Соларевского сельсовета Пронского района, нет. Да и может ли быть какой-нибудь порядок, если за год сменилось четыре председателя колхоза и ни один из них не занимался укреплением колхоза. Нынешний председатель Скуднов также не интересуется делами колхоза. Колхоз разваливается. В нем царит бесхозяйственность. Весь инвентарь поломан. Лошади в плохом состоянии. Овес гниет. Но все это не беспокоит ни Скуднова, ни других членов правления колхоза. Ни одна хозполиткампания не проводится как следует в нашем колхозе... Райисполком делами нашего колхоза

¹⁴ Материалы к отчету МКК-РКИ – Московской областной контрольной комиссии и рабоче-крестьянской инспекции на IV Московской областной и III городской конференциях ВКП(б). Январь 1932 – январь 1934. М., 1933. С. 104.

¹⁵ Каганович Л.М. Боевые задачи Московской партийной организации по подъему сельского хозяйства и укреплению колхозов. Из речи на II пленуме Московского областного комитета ВКП(б) совместно с секретарями райкомов области. М., 1932. С. 10.

не интересуется. Мы же, колхозники, возмущены таким безобразным руководством и болеем душой за расхищение колхозного имущества»¹⁶.

Таким образом, методы и средства проведения коллективизации в Московской области в 1931–1932 гг. существенно не отличались от тех, которые использовались в 1930 г. Вновь широко применялось насилие, принуждение, репрессии. В то же время в эти годы заметно усилилось налоговое давление на единоличников, которое вынуждало их вступать в колхозы. Сочетание репрессивных и налоговых методов с некоторыми стимулирующими мерами позволило к концу 1932 г. вовлечь в колхозы чуть более половины крестьянских хозяйств области (53,4%) [4, с. 210]. При этом уровень коллективизации в целом по СССР был выше, чем в Московской области (61,8%) [Там же]. Многие колхозы Московской области были еще технически слабыми, нуждались в дальнейшем организационно-хозяйственном укреплении.

Библиографический список / References

1. Волченков Г.И. Политотделы МТС Московской области и их роль в организационно-хозяйственном укреплении колхозов в 1933–1934 гг. // Исторические записки. Т. 58. М., 1956. С. 306–326. [Volchenkov G.I. Political departments of the machine tractor station of the Moscow region and their role in the organizational and economic strengthening of collective farms in 1933–1934. *Istoricheskie zapiski*. Vol. 58. Moscow, 1956. Pp. 306–326. (In Rus.)]
2. Джейранов С.Н. Власть и церковь в период коллективизации (на материалах Московской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. Вып. 1. С. 29–33. [Jayranov S.N. Power and the Church during the period of collectivization in the Moscow region. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2021. Vol. 21. Iss. 1. Pp. 29–33. (In Rus.)]
3. Зеленин И.Е., Шустов А.К. Колхозы и сельское хозяйство Центрального промышленного района РСФСР в годы социалистического строительства (1927–1937) // История СССР. 1979. № 4. С. 37–53. [Zelenin I.E., Shustov A.K. Collective farms and agriculture of the Central Industrial Region of the RSFSR during the years of Socialist construction (1927–1937). *Istoriya SSSR*. 1979. No. 4. Pp. 37–53. (In Rus.)]
4. Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни Центра России (1929–1932 годы). Рязань, 2006. [Kiryanova E.A. *Kollektivizatsiya derevni Centra Rossii (1929–1932 gody)* [Collectivization of the village of the Center of Russia (1929–1932)]. Ryazan, 2006.]
5. Козлова Л.А. К победе колхозного строя. Борьба Московской партийной организации за подготовку и проведение коллективизации. М., 1971. [Kozlova L.A. *K pobede kolkhoznogo stroya. Borba Moskovskoj*

¹⁶ Четыре председателя колхоза за год (Письмо в редакцию) // За коллективизацию. 1932. № 214 (1286). 16 декабря.

- partijnoj organizatsii za podgotovku i provedenie kollektivizatsii [To the victory of the collective farm system. The struggle of the Moscow Party organization for the preparation and conduct of collectivization]. Moscow, 1971.]
6. Коллективизация сельского хозяйства Центрального Промышленного района (1927–1937 гг.): Документы и материалы. Рязань, 1971. [Kollektivizatsiya selskogo khozyajstva Centralnogo Promyshlennogo rajona (1927–1937 gg.): Dokumenty i materialy [Collectivization of agriculture in the Central Industrial Region (1927–1937): Documents and materials]. Ryazan, 1971.]
 7. Михайлов П.Д. Московская областная партийная организация КПСС в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства Московской области (вторая половина 1929 – декабрь 1934 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. [Mikhajlov P.D. Moskovskaya oblastnaya partiynaya organizatsiya KPSS v borbe za kollektivizatsiyu selskogo khozyajstva Moskovskoj oblasti (vtoraya polovina 1929 – dekabr 1934 gg.) [Moscow Regional Party Organization of the CPSU in the struggle for the collectivization of agriculture in the Moscow region (second half of 1929 – December 1934)]. PhD dis. Moscow, 1954.]
 8. Овсянников Г.М. Московские большевики в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства. М., 1949. [Ovsyannikov G.M. Moskovskie bolsheviki v borbe za kollektivizatsiyu selskogo khozyajstva [Moscow Bolsheviks in the struggle for the collectivization of agriculture]. Moscow, 1949.]
 9. Пичужкин Н.А. Организация и начало работы первых машинно-тракторных станций в Московской области в период коллективизации // Наука без границ. 2019. № 3 (31). С. 32–36. [Pichuzhkin N.A. Organization and start of work of the first machine and tractor stations in the Moscow region during collectivization. *Nauka bez granic*. 2019. No. 3 (31). Pp. 32–36. (In Rus.)]
 10. Сергеев Г.С. К вопросу о единоличнике, его месте в социальной структуре и системе производства деревни середины 30-х годов (по материалам областей нечерноземного Центра РСФСР) // Проблемы истории советского крестьянства: сб. ст. / отв. ред. М.П. Ким. М., 1981. С. 132–138. [Sergeev G.S. On the question of the sole proprietor, his place in the social structure and production system of the village of the mid-30s (based on the materials of the regions of the non-Chernozem Center of the RSFSR). *Problemy istorii sovetskogo krestyanstva*. M.P. Kim (ed.). Moscow, 1981. Pp. 132–138. (In Rus.)]
 11. Сергеев Г.С. Социально-экономическое развитие деревни нечерноземного Центра РСФСР в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1937 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Калинин, 1982. [Sergeev G.S. Socialno-ekonomicheskoe razvitiye derevni nechernozemnogo Centra RSFSR v gody socialisticheskoy rekonstrukcii narodnogo khozyajstva (1926–1937 gg.) [Socio-economic development of the village of the Non-black Earth Center of the RSFSR during the years of socialist reconstruction of the national economy (1926–1937)]. Dr. Hab. dis. Kalinin, 1982.]
 12. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сборник документов. В 10 т. М., 2001–2017. [«Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). Sbornik dokumentov [“Top Secret”: Lubyanka – to Stalin about the situation in the country (1922–1934). Collection of documents]. In 10 vols. Moscow, 2001–2017.]
 13. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. М., 1998–2012. [Sovetskaya derevnya glazami VChK–

- ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Dokumenty i materialy [The Soviet village through the eyes of the Cheka–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Documents and materials]. In 4 vols. Moscow, 1998–2012.]
14. Строганов А.В. Феномен женского протеста на селе в Московской области в период коллективизации // Власть. 2021. № 1. С. 144–149. [Stroganov A.V. The phenomenon of women’s protest in rural areas in the Moscow region during collectivization. *Vlast*. 2021. No. 1. Pp. 144–149. (In Rus.)]
 15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. В 5 т. М., 1999–2006. [Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927–1939: dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: Documents and materials]. In 5 vols. Moscow, 1999–2006.]
 16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930 – 1933 гг. М., 2001. [Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927–1939: dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: documents and materials]. In 5 vols. Vol. 3. The end of 1930 – 1933. Moscow, 2001.]
 17. Шустов А.К. Деятельность парторганизаций Центрального промышленного района по созданию и развитию материально-технической базы колхозов (1930–1937 гг.) // Аграрная политика коммунистической партии на этапе строительства МТС (1929–1939): сб. научных статей / отв. ред. Н.В. Корольков. Владимир, 1985. С. 19–33. [Shustov A.K. The activities of party organizations of the Central Industrial Region on the creation and development of the material and technical base of collective farms (1930–1937). *Agrarnaya politika kommunisticheskoy partii na etape stroitelstva MTS (1929–1939)*. N.V. Korolkov (ed.). Vladimir, 1985. Pp. 19–33. (In Rus.)]
 18. Шустов А.К. Классовая борьба и социальные изменения крестьянства Центрального промышленного района (конец 1927 – 1933 г.) // Проблемы аграрной истории. Доклады симпозиума. В 2 ч. Ч. II (XIX – 30-е годы XX в.). Мн., 1978. С. 154–158. [Shustov A.K. Class struggle and social changes of the peasantry of the Central Industrial District (late 1927–1933). *Problemy agrarnoy istorii*. In 2 parts. Part 2 (XIX – 30s of the XX century). Minsk, 1978. Pp. 154–158. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 30.06.2024, принята к публикации 30.07.2024
The article was received on 30.06.2024, accepted for publication 30.07.2024

Об авторе / About the author

Рыбаков Павел Александрович – кандидат исторических наук; преподаватель колледжа, Московский финансово-юридический университет МФЮА

Pavel A. Rybakov – PhD in History; history lecturer at the College, Moscow University of Finance and Law MFUA, Russian Federation

E-mail: rybakov_ok@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-68-81

УДК 93:(338.266+621.382)

Е.В. Бодрова¹, В.В. Калинов², В.Н. Красивская¹

¹ МИРЭА – Российский технологический университет,
119454 г. Москва, Российская Федерация

² Российский государственный университет нефти и газа
(национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина,
119991 г. Москва, Российская Федерация

О развитии советской вычислительной техники в 1960-е гг. (на основе рассекреченных архивных документов)

На основе рассекреченных в настоящее время документов исследуется проблема эволюции государственной политики в сфере разработки и производства вычислительной техники в СССР в 1960-е гг. На основе данных, направленных ведущими специалистами в ЦК КПСС, констатируется как наличие действительно важных отечественных разработок в этой сфере, так и значительное отставание по сравнению с ведущими странами. Доказано, что из предложенных специалистами вариантов правительством был выбран тот, который, казалось, обеспечит быстрый успех, однако он явился наименее перспективным. Для создания программно-совместимых вычислительных машин «третьего поколения», построенных на единой технологической базе, предлагалось использовать зарубежный опыт. Министерству радиопромышленности поручалась разработка и серийное производство комплекса программно-совместимых информационно-вычислительных машин «Ряд» на основе клонирования архитектуры американской IBM-360. В результате производство отечественной вычислительной техники переставало быть конкурентоспособным, а ЭВМ серии ЕС, оказавшись очень дорогими, громоздкими и энергозатратными, быстро заполняли вычислительные центры страны. Сложившееся положение, предопределившее

© Бодрова Е.В., Калинов В.В., Красивская В.Н., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

дальнейшее технологическое отставание СССР, определялось не только просчетами в планировании и управлении, но и отсутствием взаимодействия оборонного и гражданского секторов, незаинтересованностью предприятий в модернизации, превалированием интересов ведомств, слабой интеграцией науки и производства.

Ключевые слова: СССР, вычислительная техника в СССР, советские достижения в области электронно-вычислительной техники, технологическое отставание СССР, система «Ряд»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бодрова Е.В., Калинов В.В., Красивская В.Н. О развитии советской вычислительной техники в 1960-е гг. (на основе рассекреченных архивных документов) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 68–81. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-68-81

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-68-81

E.V. Bodrova¹, V.V. Kalinov², V.N. Krasivskaya¹

¹ MIREA – Russian Technological University,
Moscow, 119454, Russian Federation

² National University of Oil and Gas “Gubkin University”,
Moscow, 119991, Russian Federation

On the development of Soviet computer technology in the 1960s (based on declassified archival documents)

On the basis of currently declassified documents, the problem of the evolution of state policy in the field of computer technology development and production in the USSR in the 1960s is investigated. Based on the data sent by leading experts to the Central Committee of the CPSU, it is stated that there were really important domestic developments in this area, as well as a significant lag in comparison with the leading countries. It is proved that of the options proposed by experts, the government chose the one that seemed to ensure rapid success, but it turned out to be the least promising. It was proposed to use foreign experience to create software-compatible “third generation” computers built on a single technological base.

The Ministry of Radio Industry was entrusted with the development and serial production of a set of software-compatible information computing machines “Row” based on cloning the architecture of the American IBM-360. As a result, the production of domestic computing equipment ceased to be competitive, and the EU series computers, being very expensive, cumbersome and energy-intensive, quickly filled the country’s computing centers. The current situation, which predetermined the further technological lag of the USSR, was determined not only by miscalculations in planning and management, but also by the lack of interaction between the defense and civilian sectors, the disinterest of enterprises in modernization, the predominance of interests of departments, weak integration of science and production.

Key words: computer engineering, USSR, Soviet achievements in the field of electronic computing, semiconductors, lag factors, the “Row” system

FOR CITATION: Bodrova E.V., Kalinov V.V., Krasivskaya V.N. On the development of Soviet computer technology in the 1960s (based on declassified archival documents). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 68–81. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-68-81

Современная геополитическая ситуация определяет в качестве важнейшего приоритета достижение нашей страной технологического суверенитета. Это требует разработки научно обоснованной стратегии, неповторения прежних просчетов и аккумуляции всего позитивного из изученного исторического опыта. В ряде публикаций нами исследовались отдельные сюжеты заявленной проблемы [1, с. 48–53; 2, с. 81–89], однако вопросы, связанные с выявлением факторов, определивших как отставание в сфере развития вычислительной техники в СССР, так и принятые правительственные решения, нуждаются в дальнейшем изучении.

Многими авторами первая половина 1960-х гг. характеризуется в качестве «звездного часа» в истории производства и внедрения вычислительной техники в СССР [3; 4], что явилось результатом предпринятых мер по преодолению отставания в этой сфере от ведущих стран, прежде всего, США. Действительно впечатляющими стали достижения Института точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР (АН СССР), Института электронных управляющих машин АН СССР и Института кибернетики АН УССР. В 1962 г. была разработана первая в мире гибридная интегральная схема «Квант» в Ленинградском научно-исследовательском институте радиоэлектроники. В 1963–1964 гг. там же появился компьютер, впервые в мире изготовленный на основе интегральных схем. Первой в мире стала машина, разработанная

в московском Научно-исследовательском институте № 37 (НИИ-37) в 1960–1963 гг., производительность которой превысила 1 млн операций в секунду. Третьей в мире стала полупроводниковая интегральная схема «Р12-2», выпущенная Рижским заводом полупроводниковых приборов. Она производилась с 1962 г. до середины 1990-х гг. Этот впечатляющий перечень может быть продолжен. Однако исследователи справедливо вынуждены констатировать и последующее отставание, обусловленное специфической, мобилизационной моделью советской экономики [3, с. 252–297; 6, с. 267, 376, 377].

Изученные нами ранее засекреченные документы из фондов Российского государственного архива новейшей истории и Российского государственного архива экономики позволяют с большей степенью достоверности оценить создавшееся положение в этой сфере. Они свидетельствуют о существовании серьезных проблем и продолжавшемся значительном отставании, а также медленном его преодолении. Согласно данным Государственного научно-технического комитета Совета Министров СССР (ГКНТ СССР), сроки внедрения вычислительной техники в автоматизацию производственных процессов были слишком большими, не применялись электронные быстродействующие машины в области экономического анализа, учета и статистики¹. Этот вывод подтверждают и статистические данные. В СССР за весь период 1950-х гг. было произведено около 300 машин, включая 40 больших. В США в 1961 г. эксплуатировалось уже около 4000 ЭВМ, из них более 1000 – больших. Одновременно осуществлялось их непрерывное усовершенствование.

Президент АН СССР М.В. Келдыш 16 октября 1961 г. в докладной записке, направленной в ЦК КПСС, охарактеризовал этот период в истории вычислительной техники США как «подготовленный качественный скачок», чему способствовало форсирование достижений в разработке и производстве полупроводниковых и магнитных элементов². Одновременно организации, которые вели разработки в СССР в этой сфере, академик назвал научно-исследовательскими лишь по форме, не имевшими собственных научных заделов. По большей части, согласно его оценке, конструктивные, схемные и логические решения, применяемые в советских ЭВМ, повторяли зарубежные идеи и с большим опозданием³. М.В. Келдыш также стремился привлечь внимание руководства страны к проблеме нехватки производственных площадей, слабости

¹ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС. 1954–1966 гг.). Д. 93. Л. 11.

² Там же. Д. 161. Л. 92.

³ Там же. Л. 94.

экспериментальной базы, дефициту квалифицированных кадров. Констатируя все возрастающий отрыв СССР от ведущих капиталистических стран, он предлагал отнести производство вычислительной техники к важнейшим отраслям народного хозяйства и форсировать всеми возможными средствами ее развитие⁴.

Экспертами ГКНТ, понимающими всю значимость ускоренного развития этой ключевой для развития экономики отрасли, также были подготовлены для ЦК КПСС специальные материалы. Так, 12 января 1961 г. главными специалистами Отдела приборостроения и вычислительной техники ГКНТ Л.И. Логиновым и А.А. Бедняковым в докладе «Приборостроение и вычислительная техника», помимо предложений к проекту основных направлений по подготовке необходимых корректировок контрольных цифр семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на оставшийся период семилетки (1962–1965 гг.), предлагалось определить в качестве основных технических направлений развитие производства приборов и средств вычислительной техники. В связи с этим рекомендовалось увеличение выпуска счетных и математических машин и доведение его в 1965 г. до 320 млн руб., что было бы в 7 раз больше по сравнению с их выпуском в 1958 г., в 1,5 раза больше против утвержденных контрольных цифр на 1959–1965 гг.⁵ Авторы полагали необходимым уделить «преимущественное внимание» производству высокопроизводительных электронных цифровых вычислительных машин для научных, инженерных исследований и расчетов, планирования и экономического анализа, учета и статистики, а также для автоматического управления технологическими процессами и объектами.

В докладе предлагалось организовать серийный выпуск управляющих вычислительных машин и систем для комплексной автоматизации производственных процессов и транспортных объектов, что позволило бы существенно увеличить объемы производства вычислительной техники, а также интенсифицировать производственные процессы в народном хозяйстве, проводить их на оптимальных режимах и, тем самым, обеспечить значительный рост производительности труда в промышленности. Авторы доклада считали целесообразным организовать серийное производство с 1962 г. больших электронно-вычислительных машин для централизованных систем управления типа «Урал-4», «Эра» и др. По их мнению, это позволило бы на существовавших производственных площадях поднять объемы производства, механизировать

⁴ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС. 1954–1966 гг.). Д. 161. Л. 105–106.

⁵ Российский государственный архив экономики. Ф. 9480. Оп. 3 (Центральный аппарат ГНТК СССР (канцелярия, отделы)). Д. 951. Л. 38.

и автоматизировать инженерно-технические и административно-управленческие работы в централизованных системах управления и на крупных промышленных предприятиях, а также механизировать работы по управлению производством.

В докладе акцентировалась необходимость внедрения в производство с 1962 г. новых типов приборов и электронных вычислительных машин, построенных на полупроводниковых электромагнитных элементах с применением печатного монтажа, сократив одновременно производство машин, созданных на вакуумных элементах. Это позволило бы на существовавших производственных площадях увеличить выпуск машин в 1,5–2 раза, повысить их надежность и быстродействие, увеличить сроки эксплуатации, повысить производительность труда, снизить себестоимость производства, эксплуатационные расходы, существенно уменьшить габариты и энергопотребление⁶.

Требовалось наладить серийное производство типовых входных, выходных и запоминающих устройств и блоков, микромодульных элементов в печатном исполнении, источников питания к ЭВМ, датчиков и исполнительных механизмов для комплексной автоматизации производственных процессов. Опыт ведущих зарубежных стран демонстрировал, что при проектировании приборов вычислительной техники и средств автоматизации следовало максимально увеличить масштабы внедрения стандартных, унифицированных типовых схем, элементов, блоков и устройств, печатных схем в сочетании с радиотехническими микроэлементами. С целью обеспечения повышения объемов и качества изготавливаемой продукции важно было начать широкое внедрение автоматических и полуавтоматических линий на приборостроительных предприятиях по изготовлению массовых деталей и радиотехнических изделий, а также узлов, устройств, приборов и др.

Однако все намеченное требовало за кратчайшие сроки, в течение 1962–1965 гг., закончить реконструкцию 5 действовавших заводов, уже начатого строительства 12 предприятий и строительство новых 7 заводов⁷, а также увеличить объемы научно-исследовательских, опытно-конструкторских и проектных работ, создать сеть специализированных научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро.

Документы подтверждают, что удалось добиться многого: уже к середине 1960-х гг. промышленность страны выпускала и готовила к выпуску электронные цифровые вычислительные машины, на которых

⁶ Российский государственный архив экономики. Ф. 9480. Оп. 3 (Центральный аппарат ГНТК СССР (канцелярия, отдельный)). Д. 951. Л. 39.

⁷ Там же. Л. 42.

с успехом могли решаться планово-экономические задачи различных классов. К числу таких машин относились «Минск-22», «Урал-11», «Урал-14», «Урал-16», «Весна», «М-220» и др. Однако в 1964 г. в США эксплуатировалось 17 тыс. ЭВМ различных типов, что составляло примерно 90% имевшихся в мире такого рода машин. На научные разработки в этой сфере там выделялись колоссальные деньги. По сообщению советского посла в США А.Ф. Добрынина, один из бывших советников президента США по науке и технике Дж. Визнер охарактеризовал период с 1961 по 1963 гг. как «тихую промышленную революцию». Именно администрацией президента Дж. Ф. Кеннеди был выбран курс на масштабное внедрение ЭВМ⁸.

Таким образом, несмотря на очевидные достижения СССР этого периода, отставание от США и ряда других стран преодолеть не удавалось. Такое положение не могло не тревожить специалистов отрасли. Так, в письме в ЦК КПСС, направленном в ноябре 1967 г. молодыми учеными, работающими в сфере разработок ЭВМ, констатировалось «крайне неблагоприятное положение дел» с производством и применением электронных вычислительных машин, акцентировалось особое внимание на дефиците специалистов, на недостаточных объемах и низкой производительности ЭВМ⁹. В США в 1967 г. эксплуатировалось более 40 тыс. ЭВМ, в СССР – лишь 1470¹⁰. В это же время академики Н.Н. Боголюбов, А.П. Александров, И.И. Артоболевский, А.И. Берг и др., настаивая на необходимости срочного принятия организационных мер, также писали в адрес центральных партийно-государственных органов о долгом процессе разработок и их внедрения, неотработанных конструкций. Отмечалась авторами и высокая стоимость производства¹¹.

В 1968 г. Президенту АН СССР М.В. Келдышу пришлось признать, что объемы производства ЭВМ в нашей стране были в 22 раза меньше, чем в США, а их вычислительная мощность оказалась ниже в 65 раз. В перечне основных причин им называлась недостаточность ассигнований на эти цели¹². Подобным образом академик указывал, на наш взгляд, на просчеты Госплана СССР, нежелание руководителей ведомства учитывать основные тенденции, обозначившиеся в научно-технической сфере.

⁸ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС. 1954–1966 гг.). Д. 221. Л. 70–71.

⁹ Там же. Оп. 59. Д. 111. Л. 161–162.

¹⁰ Там же. Л. 167.

¹¹ Там же. Л. 180.

¹² Российский государственный архив экономики. Ф. 9480. Оп. 9 (Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике). Д. 877. Л. 23–25.

Выводы ведущих ученых подтверждали и данные из докладной записки министра приборостроения, автоматизированного оборудования и систем управления К.Н. Руднева, направленной им в Совет Министров СССР в связи с тем, что в проекте «Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 и 1968 гг.» в части, касающейся создания и внедрения автоматизированных систем управления и вычислительных центров, в разделах «Капитальное строительство» отсутствовал показатель, определявший объемы капитальных затрат на создание и внедрение автоматизированных систем управления и вычислительных центров. Задания по внедрению автоматизированных систем управления с применением вычислительной техники и созданию вычислительных центров были предусмотрены лишь в разделе «Научно-исследовательские работы и внедрение достижений науки и техники в народное хозяйство СССР на 1967–1970 и 1968 годы». Между тем, согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1966 г. № 187, именно на Госплан СССР было возложено сводное планирование этих работ с учетом выделения для этих целей необходимых капитальных вложений и ассигнований. Министр сообщал, что реализация принятых решений уже началась: было подключено большое количество научно-исследовательских институтов, проектно-конструкторских организаций и специально созданное для этих целей Всесоюзное проектно-монтажное объединение. На предприятиях развивались необходимые мощности по производству периферийного оборудования и других средств вычислительной техники¹³. Работы производились в течение ряда лет, однако из-за недостаточного выделения капитальных вложений сроки внедрения их неоправданно затягивались, в результате на тот момент в стране практически не было законченных действовавших систем. Руководитель министерства, ссылаясь на значимость для народного хозяйства внедрения вычислительной техники, просил руководство страны обязать Госплан СССР включить в государственный план соответствующие показатели, предусмотреть выделение средств¹⁴.

Архивные документы дают возможность не только определить блокирующие факторы в развитии вычислительной техники в СССР, но и полнее и объективнее представить, какие предпринимались попытки преодолеть отставание в этой сфере, выявить причины принятия тех или иных решений. Так, одним из направлений стала весьма активная закупка лучших образцов зарубежной вычислительной техники.

¹³ Российский государственный архив экономики. Ф. 4372 (Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР. 1921–1991). Оп. 66 (Центральный аппарат). Д. 1716. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 4.

Об этом свидетельствует, например, докладная записка, направленная заместителю председателя Совета Министров СССР В.Н. Новикову 10 мая 1967 г. руководством Госплана СССР, Государственного комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению и Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике. В ней сообщалось, в частности, что планом импорта на 1967 г. предусматривалась закупка в Англии для Государственного комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению полупроводниковой электронной вычислительной машины LEO-360 с комплектуемыми внешними устройствами. Однако, согласно заключению группы специалистов, выезжавших в Англию, наиболее целесообразной для решения задач материально-технического снабжения представлялась закупка более совершенной электронной вычислительной машины System 4-50 той же фирмы на микроинтегральных схемах, с большой оперативной памятью на ферритовых сердечниках и магнитных дисках, производство которой было организовано в начале 1967 г. Эта машина «третьего поколения» по своим технико-экономическим показателям опережала LEO-360: комплектовалась более развитым составом внешних устройств, что значительно повышало производительность машины и снижало стоимость вычислительных операций. Однако указанная фирма могла бы поставить машины System 4-50 в требуемой для СССР комплектации и с русским алфавитом только в первой половине 1968 г. В связи с этим авторы полагали правильным внести соответствующие поправки в план импорта, закупив именно эту ЭВМ и изменить размер ассигнований на ее приобретение с 950 тыс. руб. на 1250 тыс. руб.¹⁵ В марте 1967 г. английское правительство дало разрешение на продажу в СССР машин подобной мощности¹⁶.

Однако далеко не всем ведомствам и не всегда удавалось осуществить подобные закупки. Так, в марте 1967 г. было отказано в приобретении во Франции электронной вычислительной машины GE серии 400 стоимостью около 700 тыс. руб. для Латвийского государственного университета им. П. Стучки из-за «состояния валютных средств». Более того, Госплан не видел возможности осуществить эту закупку и в 1968 г., и в «последующие годы пятилетки», т.к. платежный баланс с капиталистическими странами складывался «с большим дефицитом

¹⁵ Российский государственный архив экономики. Ф. 4372 (Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР. 1921–1991). Оп. 66 (Центральный аппарат). Д. 1716. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 2.

и многие принятые решения Правительства об импорте оборудования на эти годы не обеспечивались источниками оплаты»¹⁷.

Председатель Совета Министров Латвийской ССР В.П. Рубен вынужден был 17 августа 1967 г. обратиться специально к Председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину, поясняя, что Вычислительный центр Латвийского государственного университета остро нуждался именно в этой машине, т.к. его сотрудники имели возможность ознакомиться с ее применением в Швеции, Франции и Италии. Автор просил о выделении для этой цели и инвалютных средств в размере 630 тыс. руб.¹⁸

Просьба о закупке этой машины содержалась и в докладной записке М.Г. Первухина – начальника отдела территориального планирования и размещения производства, члена коллегии Госплана СССР¹⁹, адресованной 15 сентября 1967 г. первому заместителю Председателя Госплана СССР А.А. Горегляду. Автор писал о том, что ЭВМ позволила бы отработать ряд вопросов в области создания автоматизированных систем управления производством и торговлей. С ее помощью было возможно решать задачи как планирования народного хозяйства, так и экономического и научно-технического характера, имевших общесоюзное значение. Математическое обеспечение электронно-вычислительной машины дало бы возможность пополнить фонд программ и алгоритмов, изучить зарубежные системы организации вычислительных процессов. Представляют интерес данные, содержащиеся в этом письме: указанный выше вычислительный центр на тот момент был оснащен четырьмя электронно-вычислительными машинами («БЭСМ-2М» – 2 шт., «БЭСМ-4» – 1 шт., «Днепр» – 1 шт.), среднее полезное время работы ЭВМ составляло 16–17 часов в сутки.

Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике просьбу республики поддержал, имея при этом ввиду, что на сотрудников этого вычислительного центра бы возложены задачи по пополнению государственного фонда алгоритмов и программ, а также разработка методических материалов по совершенствованию организации вычислительных процессов на ЭВМ на основе изучения машины GE 415 и опыта ее эксплуатации²⁰. Наконец, после долгой

¹⁷ Российский государственный архив экономики. Ф. 4372 (Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР. 1921–1991). Оп. 66 (Центральный аппарат). Д. 1716. Л. 12.

¹⁸ Там же. Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 13.

²⁰ Там же. Л. 14.

переписки между ведомствами было решено закупить во Франции ЭВМ GE-400 в 1969 г.²¹

Таким образом, массовая закупка новых современных систем не могла решить проблему отставания. Но дефицитом были и отечественные ЭВМ. Так, 11 октября 1967 г. Министр газовой промышленности СССР А.К. Картунов и секретарь ЦК КП Узбекистана Ш.Р. Рашидов должны были направить в Госплан СССР докладную записку, в которой сообщали о том, что Министерство газовой промышленности совместно с Академией наук Узбекской ССР и другими научно-исследовательскими организациями приступили к разработке новых эффективных методов комплексной разведки и эксплуатации группы газовых месторождений в Средней Азии. Быстрое решение этой задачи требовало и современных инструментов – быстродействующих электронно-вычислительных машин большой мощности типа «БЭСМ-6» с миллионом операций в секунду. Именно они могли обеспечить выполнение проектов, касающихся, в частности, проблемы баланса надземных и подземных вод для орошения, планирования хлопководства, эффективной добычи золота, цветных металлов и др. Сообщалось в письме и о том, что в республике на тот момент уже имелся большой опыт использования ЭВМ и были подготовлены квалифицированные кадры²².

Однако 30 октября 1967 г. заместителем председателя Госплана СССР М.Е. Раковским был направлен ответ Ш.Р. Рашидову и А.К. Картунову, свидетельствующий о том, что все ЭВМ типа «БЭСМ-6», подлежащие изготовлению в 1968 г., были уже распределены, вопрос о поставке этой машины для Академии наук Узбекской ССР планировалось рассмотреть Госпланом СССР при подготовке плана распределения ЭВМ на 1969 г.²³

Следует признать, на основе изучения широкого круга архивных документов, что в 1967 г. в ЦК КПСС направлялось значительно число заключений и предложений относительно дальнейшего развития вычислительной техники, подписанных руководителями различных ведомств и предприятий. Специалистами предлагалось или сконцентрировать усилия разработчиков и предприятий для создания отечественных самых современных вычислительных систем, или приобретать

²¹ Российский государственный архив экономики. Ф. 4372 (Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР. 1921–1991). Оп. 66 (Центральный аппарат). Д. 1716. Л. 16.

²² Там же. Л. 22.

²³ Там же. Л. 23.

за рубежом лучшие образцы и их копировать, или же покупать лицензию с передачей технической документации и оборудования, математического обеспечения для организации производства²⁴.

Наконец, 11 ноября 1967 г. секретарем ЦК КПСС Д.Ф. Устиновым, курировавшим вопросы военно-промышленного комплекса, было поручено Министерству радиоэлектронной промышленности СССР представить собственное заключение. В нем предлагалось для создания программно-совместимых вычислительных машин «третьего поколения», построенных на единой технологической базе, использовать зарубежный опыт²⁵. 30 декабря 1967 г. было утверждено Постановление Совета Министров²⁶, согласно которому Министерству радиопромышленности поручалась разработка и серийное производство комплекса программно-совместимых информационно-вычислительных машин «Ряд» на основе клонирования архитектуры американской IBM-36.

Таким образом, сравнительный анализ данных о развитии вычислительной техники в СССР в 1960-е гг. позволяет говорить как о достижениях в этой сфере, так и о сохраняющемся отставании. Предпринятые меры не обеспечили реализации намеченных планов. В ряду блокирующих факторов назовем очевидные просчеты Госплана, непонимание руководством страны необходимости ускоренного развития отрасли, несмотря на рекомендации ученых и представителей производства. В итоге из предложенных специалистами вариантов был выбран тот, который, казалось, обеспечит быстрый успех, однако он явился наименее перспективным. В результате ЭВМ серии ЕС, оказавшись очень дорогими, громоздкими и энергозатратными, быстро заполняли вычислительные центры страны, производство отечественной вычислительной техники переставало быть конкурентоспособным. Сложившееся положение, предопределившее дальнейшее технологическое отставание СССР, определялось не только просчетами в планировании и управлении, но и отсутствием взаимодействия оборонного и гражданского секторов, незаинтересованностью предприятий в модернизации, превалированием интересов ведомств, слабой интеграцией науки и производства.

²⁴ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 59 (Отделы ЦК КПСС. 1967 г.). Д. 131. Л. 68.

²⁵ Там же. Л. 131.

²⁶ Там же. Л. 183.

Библиографический список / References

1. Бодрова Е.В., Калинов В.В., Ефременко В.В. Государственная политика в сфере развития вычислительной техники в 1950-е гг.: достижения и блокирующие факторы // История и современное мировоззрение. 2023. Т. 5. № 2. С. 48–56. DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-2-48-56. [Bodrova E.V., Kalinov V.V., Efremenko V.V. State policy in the field of computer technology development in the 1950s: Achievements and blocking factors. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie*. 2023. Vol. 5. No. 2. Pp. 48–67. DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-2-48-56. (In Rus.)]
2. Бодрова Е.В., Калинов В.В. Развитие вычислительной техники в первой половине 1960-х гг.: попытки преодолеть отставание // История и современное мировоззрение. 2023. Т. 5. № 3. С. 81–89. DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-3-81-89. [Bodrova E.V., Kalinov V.V. The development of computer technology in the first half of the 1960s: Attempts to overcome the backlog. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie*. 2023. Vol. 5. No. 3. Pp. 81–89. DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-3-81-89. (In Rus.)]
3. Бокарев Ю.П. Технологическая война и ее роль в геополитической конфронтации между США и СССР // Труды Института российской истории. Вып. 8. М., 2009. С. 252–297. [Bokarev Yu.P. Technological war and its role in the geopolitical confrontation between the USA and the USSR. *Proceedings of the Institute of Russian History*. Issue 8. Moscow, 2009. Pp. 252–297. (In Rus.)]
4. Малиновский Б.Н. История вычислительной техники в лицах. Киев, 1995. [Malinovsky BN. *Istoriya vychislitelnoy tekhniki v litsakh* [The history of computer technology in persons]. Kiev, 1995.]
5. Пивоваров Н.Ю. ЦК КПСС и развитие электронной вычислительной техники в СССР в 1958–1962 гг. // Развитие вычислительной техники в России, странах бывшего СССР и СЭВ: история и перспективы: Труды Пятой международной конференции SoRuCom-20 (6–7 октября 2020 г., Москва) / под ред. А.Н. Томилина. М., 2020. С. 248–253. [Pivovarov N.Yu. Central Committee of the CPSU and the development of electronic computing in the USSR in 1958–1962. *History of Computers and Informatics in the Soviet Union, Russian Federation and in the Countries of Mutual Economic Assistance Council: Proceedings of the Fifth International Conference SoRuCom-20 (October, 6–7, 2020, Moscow)*. A.N. Tomilin (ed.). Pp. 248–253. (In Rus.)]
6. Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е – середине 1960-х годов: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. [Shestakov V.A. *Sotsialno-ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 1950-e – seredine 1960-kh godov* [Socio-economic policy of the Soviet state in the 1950s – middle 1960s]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2006.]

Статья поступила в редакцию 23.03.2024, принята к публикации 08.05.2024
The article was received on 23.03.2024, accepted for publication 08.05.2024

Сведения об авторах / About the authors

Бодрова Елена Владимировна – доктор исторических наук, профессор; заведующая кафедрой гуманитарных и социальных наук, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва

Elena V. Bodrova – Dr. Hab. (History); Head at the Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University, Moscow

E-mail: evbodrova@mail.ru

Калинов Вячеслав Викторович – доктор исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, г. Москва

Vyacheslav V. Kalinov – Dr. Hab. (History); Head at the Department of History, National University of Oil and Gas «Gubkin University», Moscow

E-mail: kafedra-i@yandex.ru

Красивская Валерия Николаевна – кандидат исторических наук; преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва

Valeria N. Krasivskaya – PhD in History; Lecturer at the Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University, Moscow

E-mail: krasivskaya93@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-82-100

УДК 94(3)

Ю.В. КуликоваМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Чувство юмора как отражение особенностей идентичности древних римлян

Актуальность исследования заключается в развитии тенденций новой исторической науки, основой которой является междисциплинарность. Изучение этнического юмора с применением историко-генетического метода и методов психологии позволяет выявить характерные черты идентичности определенного народа, их мировосприятия, сформировавшихся под влиянием различных внешних и внутренних факторов. Целью данной работы является выявление характерных черт чувства юмора древних римлян для понимания особенностей их идентичности. Можно четко выделить виды и категории «смешного» и «несмешного» у древних римлян, проявляющиеся в политической сатире, в бытовом юморе, в солдатском юморе и даже в высказываниях римских императоров. Юмор римлян подчас весьма грубый, за гранью моральных норм, что отражает основные черты их характера: прагматизм, консерватизм и агрессивность. Изменения, происходившие в римском государстве в поздний период, весьма существенно влияли на юмор, указав границы дозволенного. И уже сатира сменяется панегириками, а христианское мировоззрение воспринимает смех проводником всех грехов.

© Куликова Ю.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: идентичность древних римлян, Древний Рим, повод для смеха, представление о смешном, бытовой юмор, римские традиции, политическая сатира, чувство юмора

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Куликова Ю.В. Чувство юмора как отражение особенностей идентичности древних римлян // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 82–100. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-82-100

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-82-100

Yu.V. Kulikova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Sense of humor as a reflection of the identity features of the Ancient romans

The relevance of the research lies in the development of trends in the new historical science, the basis of which is interdisciplinarity. Ethnic humour forms the stereotype of a particular people, so its study with the use of the historical and genetic method, methods of psychology, such as analysis and modelling, allows us to identify the characteristic features of the identity of the Romans, their perception of the world, formed under the influence of various external and internal factors. The purpose of this work is to identify the characteristic features of the sense of humour of the ancient Romans to understand the features of their national identity. Based on the results of the study, it becomes clear that it is possible to clearly distinguish the types and categories of “funny” and “unfunny” in the ancient Romans, manifested in political satire, at the everyday level, in soldiers’ humour, and even in the Roman emperors. The humour of the Romans is sometimes very coarse, on the verge of “good” and “evil”, which reflects the main features of their character: pragmatism, conservatism, and aggressiveness. The changes that took place in the state had a very significant impact on the sense of humour and drew the boundaries of what was allowed. And already satire is replaced by panegyrics, and the Christian worldview perceives laughter as a conductor of all sins.

Key words: identity of the ancient Romans, Ancient Rome, reason for laughter, idea of funny, everyday humour, Roman traditions, political satire, sense of humour

FOR CITATION: Kulikova Yu.V. Sense of humor as a reflection of the identity features of the Ancient romans. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 82–100. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-82-100

Смех является для человека особым проявлением эмоциональности, отражением чувства юмора, граней его восприятия [3; 6], подобно тому, как само чувство юмора позволяет увидеть пороки общества и окружающего мира. Исследователи считают, что через смех человек переживает сложные события, это способ справиться с очень сильными эмоциями, со своими страхами, поэтому порой проявление чувства юмора является ответом на вызов окружающей повседневности [3; 5–7]. Однако каждый человек и народ склонны видеть смешное в том, где другие этого смешного совсем не обнаруживают, более того, это может вызывать совсем иные чувства: непонимание, стыд, обиду, злость, неприятие, крайнее отвращение. Более того, смех тоже имеет разные грани: злой смех, добрая насмешка, вынужденный смех, нервный смех, смех сквозь слезы и даже истерический смех. Тем не менее, в эпоху античности понимание этого явления выражено словами Аристотеля: *Смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное...* (Arist. Poet. 5, 1449a34)¹.

¹ Источники представлены по следующим изданиям: Amm. Marc. – Ammianus Marcellinus. *Res Gestae*. J.C. Rolfe (ed.). London, 1963; Arist. Poet. – Аристотель. *Поэтика* / пер. В.И. Захарова. Варшава, 1885; Aur. Vict. – Victor Sextus Aurelius. *Liber de Caesaribus*. F. Pichlmayr (Teubner). Leipzig, repr. 1970; Catull. – Catullus C. Valerius. URL: <https://thelatinlibrary.com/catullus.shtml> (дата обращения: 12.12.2023); CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, 1893–1936; Clem Alex. Paed. – Климент Александрийский. *Педагог* / пер. Н. Корсунского. Ярославль, 1890; Eutr. – Eutropius. *Breviarium ab Urbe condita*. F. Rühl (ed.). Lipsia, 1901; Gell. – Авл Геллий. *Аттические ночи*. М., 2008; Diogen. – Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / пер. с др.-греч. М.Л. Гаспарова. М., 1986; Herodian. – Геродиан. *История императорской власти после Марка* / пер. А.И. Доватура и др. М., 1996; Hor. – Horatius Q. Flaccus. *Sermones. Carmina. Epistulae*. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/horace.shtml> (дата обращения: 20.03.2022); Joh. Chrys. – Святой Иоанн Златоуст: *полн. собр. соч.* в 12 т. М., 2017; Juv. – Juvenalis Decimus Iunius. *Saturnae*. URL: <https://thelatinlibrary.com/juvenal.html> (дата обращения: 12.12.2023); Marcial. – Marcialis M. Valerius. *Epigrammaton libri*. URL: <https://thelatinlibrary.com/martial.html> (дата обращения: 12.12.2023); Petr. – Петроний. *Сатирикон* / пер. под ред. Б.И. Ярхо. М., 1924; Sen. – Seneca L. Anneus Minor. *De ira. Epistulae. Quaestiones Naturales. Dialogi*. URL: <https://thelatinlibrary.com/sen.html> (дата обращения: 01.10.2023); RE – Roman epitaphs. URL: <http://thelatinlibrary.com/epitaphs.html> (дата обращения: 22.11.2023); SHA – *Scriptores Historiae Augustae*. P. Magie (ed.). London, 1954; Suet. – Suetonius G. Tranquillus. *De vitis caesarum*. URL: <https://thelatinlibrary.com/suet.html> (дата обращения: 22.02.2024).

Юмор и смех были неотъемлемой частью жизни римлян, недаром жанр сатиры развивается и становится популярным именно у них. Римляне смеялись над собой при жизни и даже в надгробных эпитафиях после смерти, что четко выражает вопрос Горация: *Risum teneatis, amici?* (Удержитесь ли вы от смеха, друзья?) (Ног. Ars., 5), хотя порой смех римлян кажется нам весьма недобрый и язвительным. По их мнению, смех уместен практически в любой ситуации, но слишком часто все же смеяться, по мнению римлян, не стоило, как и веселиться без повода: *Risu inepto res ineptior nulla est* (Нет ничего глупее бессмысленного смеха) (Catull., XXXIX. 6). Почему же римляне так относились к смеху? Психологи утверждают, что смех – это реакция организма на стресс, сложные ситуации, недаром в особо тяжелых ситуациях человек порой впадает в истерический смех. Поэтому вероятно, что римляне выработали в себе некий ментальный механизм, позволяющий сохранять спокойствие, присутствие духа и рассудительность в сложные моменты жизни.

Для римлян юмор был всегда на грани: на грани смешного и грустного, порой даже печального, на грани лести и оскорбления, на грани этических принципов. То, что для римлян вполне допустимо было высмеивать, для современного общества, воспитанного на принципах гуманизма, христианской этики, совершенно неприемлемо. Так, в одной надписи насмешливо констатируется, что, когда ритор покупает себе раба, он делает из него человека, указывая, что это понятие можно отнести только к грамотным, ученым людям (CIL, IV, 1899).

Так неужели современные и римские представления о смешном настолько отличаются? Прежде всего, необходимо понимать, что римский юмор берет свое начало в мировоззрении, их собственном прагматическом отношении к жизни, в римской религии. Религиозные воззрения, особые традиции празднеств и, в частности, Сатурналий – государственного праздника, установленного еще шестым царем Рима Сервием Туллеем, стали сосредоточением юмора, пределы которого ограничивались только осознанием того, что праздник закончится, и слуги вновь станут прислуживать, а хозяева обретут полную власть и возможность наказывать за слишком дерзкие шутки. Однако, анализируя произведения античных авторов, мы сталкиваемся с одной порой неосознанной проблемой: а являлось ли в действительности смешным то, что современный исследователь оценивает как юмористические строки? Наша действительность разительным образом отличается от римской, наше воспитание, менталитет воспринимает порой сведения совершенно не так, как это понял бы римлянин. Порой высказывания и фразы могут быть лишь отражением горькой усмешки, печалью, скрытой ею, отражением озлобления, как это отмечено в произведениях Ювенала,

и поэтому его сатиры порой нарочито выпячивают пороки общества, делая их гипертрофированными. Немаловажным аспектом становится положение человека и его возраст. Богатые презрительно относились к бедным, отсюда и встречающиеся в надписях насмешки над теми, кто ищет или ждет чего-то бесплатного, дарового (CIL, IV, 9839b; 101526b). Интересны в этом плане надписи, в которых авторы указывают, что тот, кто пригласит его на обед – хороший, а все, кто не приглашает на обед, – варвары (CIL, IV, 1937; 1880). Точно так же молодые подсмеивались над старыми, хотя эти насмешки не были язвительными и злыми, скорее, осознание того, что и они будут такими же, поэтому этот смех относился к самому себе в будущем (CIL, XI, 841). Даже в сатирах Ювенала прослеживается уважение:

*Полуослепший отец среди сажу руды раскаленной
К ритору сына учиться послал – от клещей и от угля,
От наковальни дляковки мечей и от копоты черной.*

(Juv., 4, 10)

Анализируя письменные источники, мы в большей мере ориентируемся на общепринятые нормы морали, усредненное понятие этики, но исследователь всегда в этом отношении будет субъективен. Так, читая любовные надписи древних римлян, именно их эмоции вызывают у современных людей улыбку. Для них самих неразделенная любовь была страданием, но для нас эти любовные перипетии – отражение взаимоотношений и схожих с нашими эмоций (например, *Sarra, non belle facis solum me relinquis debilis* (Сарра, ты плохо делаешь, что оставляешь меня) (CIL, IV, 1951); или угрозы богине любви: *Quisquis amat veniat volo frangere costas fustibus et lumbos debilitare deae si potest illa mihi tenerum pertundere peatus quit ego non possum caput illae frangere fuste* (Пусть каждый влюбленный придет посмотреть. Я хочу дубинкой сломать Венере ребра и искалечить чресла ее. Если уж она смогла пробить мою слабую грудь, почему же я не могу (в ответ) разбить ей голову дубинкой) (CIL, IV, 1824; 1898; 2146; 6842).

Следует различать юмор бытовой от политической сатиры. Как отмечают ученые, последняя стала развиваться в Риме вместе с произведениями Луцилия и Горация [2, с. 9–10; 9, с. 69]. После нее появляются сатирические произведения с морально-дидактическими рассуждениями [2, с. 11], в которых высмеивались взаимоотношения и поведение римлян, и лишь следующим этапом стала те самые сатуры, которыми прославились Ювенал, Петроний и Марциал.

Смех подчас может скрывать под собой очень много чувств, совершенно противоположных смешному, и, в то же время, можно радоваться

«про себя», скрывая радость за другими эмоциями, как указал Публий Сир, *Heredis fletus sub persona risus est* (Плач наследника – замаскированный смех) (Gell., XVII, 14). Чувство юмора римлян проявляется в надписях, сделанных как бы от лица вещи: дома, предмета быта (CIL, I, 499; IV, 4429), но еще интересно отражение чувства юмора римлян в их юмористически-сочувственном обращении к этим же предметам (например, к стене, которой неизвестный автор надписи выразил сочувствие в том, что на ней пишут все подряд: *Admiror te paries non c(e) cidisse ruinis qui tot scriptorum taedia sustineas* (Удивляюсь тебе, стена, что ты до сих пор не превратилась в пыль от отвращения к тем мерзостям, что написаны на тебе) (CIL, IV, 2487).

Римляне чаще смеялись над глупостью и глупыми поступками, над поведением людей, оказавшихся в различных ситуациях, где собеседник порой совсем не обладает чувством юмора, такта и знаниями. Так, в сборнике на греческом языке «Φιλόγελος» приводятся такие ситуации: «Педант, желая посмотреть, пристойно ли он выглядит, когда спит, поставил перед собой зеркало и закрыл глаза»; «Некто, повстречав Педанта, сказал ему: “Раб, которого ты мне продал, умер”; “Клянись богами, – ответил Педант, – пока он был у меня, он никогда так не делал”»². А в третьей ситуации Педант продемонстрировал неграмотность, при этом совершенно искренне желая подбодрить атлета, который проиграл на состязаниях в Риме в честь тысячелетия основания города, празднование которого приходится на время правления императора Филиппа Араба (SHA, XX, 33; Aur. Vict., XXVIII; Eutr., IX, 3). Педант, утешая плачущего атлета, сказал ему: «Не горюй, на следующих тысячелетних играх ты наверняка победишь»³.

На римское понимание смешного, над чем можно и даже нужно смеяться, оказывало достаточно сильное влияние распространенное в Риме философское воззрение стоицизма. Как советовал Сенека: «Нужно, чтобы пороки толпы казались нам не ненавистными, но смешными; будем лучше подражать Демокриту, чем Гераклиту. Ведь один плакал, когда выходил к толпе, другой – смеялся; все, что мы делаем, казалось одному несчастьем, а другому – нелепостью. Нужно переносить все с легкой душой; человечнее осмеивать жизнь, чем оплакивать. Пусть каждый исследует отдельные причины, по которым мы веселы или печальны, и он признает, что все занятия людей подобны комедиям, и жизнь их не более почтенна или серьезна, чем черновые наброски.

² Φιλόγελος, ἐκ τῶν Ἱεροκλέους καὶ Φιλαργίου Γραμματικῶν. https://www.hs-augsburg.de/~harsch/graeca/Chronologia/S_post05/Philogelos/phg (дата обращения: 15.02.2024).

³ Там же.

Но лучше воспринимать общественные нравы и человеческие пороки спокойно, не раздражаясь ни смехом, ни слезами. Ведь мучиться чужими несчастьями – вечная мука, а наслаждаться ими – бесчеловечное наслаждение» (Sen., De Const., 15, 17; Ep., 63. 2).

Удивительно актуально звучат в современном мире слова римского философа, который осуждает людей, оттачивающих свое остроумие в порицании других: «Что за безумие, что за враждебная богам и людям страсть бесчестить добродетели и оскорблять злыми речами святых... Если вы хотите упражнять эту отвратительную свободу речи (*taetram istam licentiam*), нападайте друг на друга: ведь когда вы безумствуете против неба, вы, не говорю, кощунствуете, но даром тратите труд» (Sen., De Vit., 27). Характерно, что Сенека порицает свободу речи – *παρρησία*, которую так превозносили киники; они считали откровенную насмешку орудием исправления человеческого рода, уподобляя себя врачам, дающим больным горькое, но целительное лекарство [8, с. 239–248].

Становление новой системы управления в Риме сопровождалось изменениями во всех направлениях, затрагивая все стороны жизни, включая личные взаимоотношения. Люди всегда по-разному реагируют на изменения, происходящие вокруг и, тем более, касающиеся непосредственно личности самого человека. Наверное, по этой причине активно развивается сатирическое направление литературы в первое столетие, пока закон об оскорблении величия римского народа только набирал судебную практику. В немалой степени постепенное изменение в публичных высказываниях и трудах, приведшее к практическому исчезновению жанра сатиры, стало, с одной стороны, следствием ужесточения санкций со стороны императора, а с другой – изменения образа государственного лидера в восприятии римлян. Не нужно думать, что ослабление римской религии приводило к фактическому ее забвению, наоборот, сакрализация личности императора сакрализовала, в свою очередь, и наказания за оскорбление императора и его семьи. Наказание грозило не только самому виновнику⁴, но и его семье, его детям, и с течением времени меры наказания становятся все более суровыми. Как отмечает Геродиан, *свобода радуется не столь сильно, как угнетает рабство* (Herodian., II, 8).

⁴ Наблюдается дальнейшая тенденция к ужесточению санкций и методов расследования дел об оскорблении величия. По крайней мере, начиная с III в. наказанием здесь служит только смертная казнь, причем с IV в. лишь за одно намерение совершить преступление. И даже смерть обвиненного в оскорблении величия не освобождала его от ответственности. На рубеже II–III вв. нормой закона становится и применение пыток ко всем сословиям. Более суровые меры с IV в. применяются и в отношении детей, осужденных за оскорбление величия [10].

В произведении Петрония развращенность общества продемонстрирована во всей ее ужасающей обыденности. Именно поэтому смех у Петрония – это бытовой, обыденный смех, где в одной плоскости лежит смешное, связанное с едой, шутками на пиру, во время обычных ситуаций на улице и в таверне [9, с. 69], при этом в эту обыденность попадают и развратные действия, переходящие в извращения, жизнь и смерть: Хрисипп умер от смеха, есть ли более лучшая смерть⁵. *Все вещи вызывают или смех, или плач, а раз так, то для мужчины свойственной смеяться над жизнью, чем оплакивать ее*, утверждают стоики вместе с Сенекой, и о том, что не нужно впадать в уныние ни при каких обстоятельствах: *Насколько достойнее смеха то, из-за чего мы то и дело льем слезы!* (Sen. De ira, III, 33), поэтому даже стыд является поводом для насмешек (CIL, IV, 6626). При этом римляне охотно могли пошутить над именем человека, над его прозвищем, понимая, что оно не всегда отражает характер и жизнь его носителя, как, например, в надписи *Sulla Felix Infelix; Sulla Infelix Felix*⁶.

Здесь уместно поднять вопрос о том, как реагировали римляне на шутки? Сенека в своих трактатах и письмах часто пишет о том, что шутки порой могут очень сильно оскорбить, задеть, обидеть, вызвать в ответ ненависть, ведь они тоже бывают разными и произносятся в различных ситуациях, иногда необдуманно или пьяными собеседниками, поэтому он советует: *Заранее приучи свою душу к мысли, что тебе много чего придется терпеть* (Sen. De ira, 35–38).

Неестественность и все, что неестественно по природе, является предметом насмешек и язвительных замечаний. Например, когда старик молодится и пытается вскочить в седло, но у него не получается и он, кряхтя, с трудом заносит ногу в стремя: *Всему и во всем есть мера, всему есть свое время* (Sen. Ep., 26), – замечает философ. Отсюда и презрительное отношение к евнухам, ведь это противоречило самой природе, особенно когда вошедшие в жизнь Рима евнухи неожиданно стали занимать места, им не свойственные: *Трудно сатир не писать, когда женится евнух раскисший* (Juv., I, 23, 310). Но не менее презрительно и отношение к жрецам Кибелы, которые сами оскоплялись (Juv., 1, 6, 510; Marcial., II, 91). Все, что противоречит самой природе,

⁵ Увидев, как осел сожрал его смоквы, он крикнул старухе, что теперь надо дать ослу чисто вина промыть глотку, закатился смехом и испустил дух (Diogen, 7).

⁶ Игра слов «счастливый/несчастливый» от прозвища Суллы – Счастливый. Сулла, достигнув успехов в своей карьере, на самом пике уступил своему противнику Марию, а когда уже достиг, казалось бы, всего, получив неограниченные полномочия вечного диктатора, то тяжело заболел, вынужден был сложить полномочия и удалиться в имение, чтобы в мучениях умереть (CIL, IV, 9099–9100).

а особенно оскопление, Ювенал называет мерзостью Кибелы, принесенное с Востока, поскольку оно извращает всю природу человека. Евнухи высмеиваются еще в комедии Теренция с одноименным названием, презрение к евнухам звучит и в произведении Аммиана Марцелина (Амм. Марс., XVI, 5, 7; 5, 12; 7, 5; XVIII, 4, 4–5; XX, 8, 15).

Нравы меняются достаточно стремительно, женщины более активно занимают позиции в обществе, даже те, которые ранее и представить себе невозможно: они выходят на арену в роли гладиаторов, отважно сражаясь с оружием в руках (*Мевия тускского вепря разит и копьем потрясает, / Грудь обнажив* (Juv. I, 23–24)). И смех уже смешивается с ужасом и негодованием от происходящего, когда *богатыми стали те, кто ранее был рабом, заняв свое место в Риме и чувствуя свое превосходство* (Juv. I, 24–29), – язвительно замечает Ювенал, а женщины приравниваются по статусу к мужчинам, получая титул *светлейшей* и создавая собственный сенат (Herod., V. 6, 2; SHA. Elag. IV, 2).

Достоинным высмеивания считаются те, кто пытается равнять себя с известными людьми, достигшими в жизни определенных успехов, стремясь к любой славе (как это близко современному обществу!), и, помимо этого, еще и выпячивая свою спесь, что, впрочем, вполне понятно и нам, когда вместо вежливости и уважительного отношения пытаются равняться, кто достиг авторитета годами трудов, тогда как «новичкам» следует учиться у таких людей. *Школу прошли! Когда столько писак расплодилось повсюду...* (Juv. I, 17). Невежи пытаются обрести быструю славу на литературном поприще. Марциал указывает на тех, кто стремится к легкой славе:

*Не думай, скряга жадный, вор моих книжек,
Что стать поэтом так же дешево стоит,
Как переписка жалкого тебе тома.*

(Marcial., I, 66)

Одну из причин появления таких псевдописателей античные авторы видят в происходящих и совершенно невыносимых изменениях в жизни общества: *Как тут не писать?* (Juv. I, 30). Подобно тому, как сейчас можно обрести подобную славу блогерством, впору воскликнуть: «Как тут не блогерствовать!». Ведь Ювенал справедливо подмечает: *Что такое бесчестье – при деньгах-то?* (Juv. I, 48).

За смехом можно спрятать свои истинные чувства, и именно смех, как известно, помогает переживать наиболее трудные моменты собственной жизни: *Душа веселится, когда видит и наслаждается прекрасным* (Sen. Ep., 59). Чувство прекрасного у римлян было развито под влиянием греческой культуры, но при этом для них близким и понятным

являлись воинская доблесть, храбрость, поэтому гладиаторы, получившие в честных поединках травмы, пользовались уважением, которое кардинальным образом отличалось от греческого восхваления физического совершенства:

*Скоро уйдет на покой, потому что изранены руки,
А на лице у него уж немало следов безобразных:
Шлемом натертый желвак огромный по самому носу,
Вечно слезятся глаза, причиняя острые боли.
Все ж гладиатор он был и, стало быть, схож с Гуацинтом.*
(CIL, I, 1861)

В повседневной жизни римлян многое становилось предметом для шуток, а сами шутки звучали на улице, на пиру, в общении, как указывает Ювенал:

*Над кривоногим смеется прямой, и над неграми – белый;
щетина твоя на руках и косматые члены,
Разве можно назвать родовитым того, кто не стбит
Рода и только с собой несет знаменитое имя?
Правда, и карлика мы иногда называем Атлантом,
Лебедем негра зовем, хромую девочку – Европой.*
(Juv., I, 2, 11, 23; III, 8, 30–33)

Именно это демонстрировали мимы во время различных игр, заставляя смеяться над кривобокостью и неуклюжестью хромого, горбатого, над женоподобностью и угодливостью евнуха, о чем свидетельствуют зачастую надгробные эпитафии, посвященные мимам (CIL, I, 1861). С юмором могли быть сделаны различные мозаичные изображения, которые римляне создавали в общественных зданиях и частных домах (мышь, огрызки и мусор, и даже, думается, эффектные мозаичные изображения перекручивающихся спиралей, объемных геометрических форм⁷, которые могли поставить в сложное положение некоторых людей с нестабильным вестибулярным аппаратом). Видимо, шутки порой носили весьма продуманный психологический характер и были направлены на то, чтобы человек неожиданно оказался за рамками привычной «зоны комфорта». В этой связи только обладающий чувством юмора может достойно выйти из сложившейся ситуации и при этом еще и посмеяться над собой (Sen., De Const., 17). Обида на шутки скрывалась римлянами, ведь даже эта, казалось бы, такая характерная для человека реакция мгновенно подмечалась недоброжелателями

⁷ Обратим внимание на сложную мозаику на полу Исаакиевского собора в Петербурге, сделанной по образцу древнеримской и имеющей такой же эффект.

и недругами, как это было в случае с Юлием Цезарем, который начал рано лысеть и постоянные шутки над этой особенностью его сильно обижали (Suet. Jul., 49, 4).

Находилось и то, что не являлось предметом для насмешек или шуток. Так, по отношению к врачу, который либо несерьезно относится к делу, либо пытается отвлечь пациента: *Ты шутишь, а больным, поверь мне, страшно... Ты шутишь и не слышишь: Помогите!* (Sen. Ep., 48). Однако смерть все же была тем, над чем готовы были смеяться римляне, даже если это твоя собственная смерть. Знаменитое высказывание императора Августа ярко демонстрирует этот факт. По легенде, умирая, он произнес: «Как вам кажется, хорошо ли я сыграл комедию своей жизни?». В произведении Сенеки осмеивается смерть императора Клавдия и его апофеоз. Римляне понимали, что ты приходишь в этот мир по воле богов, тебе неведом их замысел, но *nudus natur(a) fueras a matre creatus, nudus eris, obitis gratia nulla datur* (обнаженным родился от матери ты, нищим ты жил и погиб, не принеся никакой радости) (RE, B1494), поэтому жить нужно ярко, смеяться над собой и своими друзьями, есть и пить, наслаждаться каждым мгновением (RE, B243, 1404, 1500), ведь даже прекрасные цветы на могиле, которыми стала умершая, должны дарить радость, напоминать о жизни (RE, B52, 53), что вполне укладывается в одну фразу эпитафии *Es, bibe, lude, veni* (Живи, пей, играй, уйди (т.е. умри)) (RE, B1500).

Важно понимать, что насмешки римлян могли быть добрыми, а могли быть жестокими, но это именно сатира, где грань между черным и белым не существует. Так, Марциал насмехается:

*Помнится, Элия, мне, у тебя было зуба четыре:
Кашель один выбил два, кашель другой — уже два.
Можешь спокойно теперь ты кашлять хоть целыми днями:
Третьему кашлю совсем нечего делать с тобой.*

(Marcial., I, 19, 1–4)

Или с язвительностью отметить мнимую привязанность к жене:

*Любит, по правде сказать, не жену он, а только наружность.
Стоит морщинкам пойти и коже сухой едва завянуть,
Стать темнее зубам, а глазам уменьшиться в размере,
Скажет ей вольный: «Бери-ка пожитки да вон убирайся!».*

(Juv., II, 6, 141–149)

Жестокие едкие насмешки могли относиться как к физическим недостаткам (как язвительно замечает Марциал, он не станет целовать возлюбленную, если она станет лысой или кривой (Marcial., II, 33)), так и нравственному облику человека, которые эти физические

недостатки лишь усугубляли, например, обжорство (*Скрытый какой-то порок в животе твоём, видно, таится* (Marcial., II, 77, 82)), пьянство, разнузданность, попытки скрывать эти недостатки, при том, что окружающим все известно и понятно. Так, Ювенал саркастически замечает в отношении горьких пьяниц: *Ясно, каким раздражён-ем пылает иссохшая печень*, ему вторит и Гораций (Juv., I, 45; Hor., Sat., I, 9, 66). У античных авторов постоянным язвительным оценкам подвергаются и невоздержанные в сексуальной жизни (Hor., Sat., I, 87–88; 96; 106), именно такие, по их мнению, достойны порицания и презрения (*Мы же, погрязшие в вине и разврате... мы учимся и учим только разврату* (Petg., 89)), как и легкомысленное отношение к институту брака:

*Тридцати-то еще не минуло полностью суток,
А Телесина пошла замуж в десятый уж раз.
Замуж идти столько раз не брак, а блуд по закону...*
(Marcial., VI, 7)

Вообще для политических оппонентов в эпоху Республики подобные обвинения и насмешки, которые становились достоянием общественности, позволяли создавать негативный образ противника. Так было и в отношении Юлия Цезаря⁸, подобный механизм использовался и в эпоху Империи.

Например, большое презрение в римском обществе вызывали доносчики. Для Ювенала это одно из самых гнусных занятий:

*Встретив юриста Матона на новой лектике⁹, что тушей
Всю заполняет своей, позади же – доносчик на друга
Близкого, быстро хватающий все, что осталось от крахов;*
(Juv., I, 33–34)

*Вот появился и толстый Матон с его медленным брюхом;
Вот и Криспин¹⁰, с утра источающий запах бальзама,
Будто воняет от двух мертвецов.*

(Juv., IV, 107–109)

⁸ Стихи Катутла достаточно грубо характеризуют Цезаря (Catull; L; XXIX; Suet. Jul., 49, 1).

⁹ Лектика – древнегреческие носилки, которые изначально использовались для женщин или для больных, затем ими стали пользоваться богатые люди, символ особой роскоши. Римляне охотно переняли их, но если человек не болен, то передвижение на лектике воспринималось как признак изнеженности и стремления продемонстрировать свое богатство. Лектика могла быть инкрустирована, иметь занавеси, даже застекленные окна, а также различные украшения по вкусу своего хозяина.

¹⁰ Доносчик эпохи Домициана.

Термы, которые в эпоху Империи стали возводиться в значительном количестве, являлись важной составляющей жизни римлян. Термы посещали и рабы, и солдаты, для малоимущих снижали стоимость. Насмешкам подвергалась нечистоплотность (*Ты умрешь, Оппиан, мытья не познав...* (Marcial., VI, 42)) или неухоженность тела:

*Только, где покупаешь
Этот бальзам ты, которым несет от твоей волосатой
Шеи?*

(Juv., I, 2, 23)

Античные авторы подчас смеются над попытками приукрасить себя либо над теми, кто не замечает явных недостатков в самом себе. Так, Марциал пишет:

*Ты не красotka,
Максимины, а все твои три зуба
Цвета черной смолы или самшита,*

и советует ей с ехидством: *поплачь, коль умна, поплачь, красotka* (Marcial., II, 41). Насмешки касаются не только женщин, но и мужчин: *Пряди поддельных волос ты, Феб, под помадою прячешь / И закрываешь ты плешь краскою цвета волос* (Marcial., VI, 57). Но это насмешка над глупостью, а не над физическими недостатками.

Безусловно, римляне использовали все возможные ресурсы, чтобы исправить недостатки внешности или скрыть их. Это тоже не являлось естественным и было предметом для шуток:

*Выбитый зуб показать не осмелится претору либо
Черную шишку, синяк, на лице его битом распухший,
Или подшибленный глаз, что, по мнению врача, безнадежен.*

(Juv., V, 10–16)

В Риме были распространены различные косметические процедуры, например, удаление бородавок, выщипывание и удаление волос с тела, использовались косметические средства, скрывавшие неровности или недостатки лица, краски для волос, а также парики, вставные зубы и т.п. Насмешки авторов над искусственной красотой словно соревнуются между собой, с язвительностью откровенно смеясь над существовавшей модой использовать белила (Hor. Sat., I, 2; Marcial., I, 72), менять парики и использовать излишне много косметики, так что красота превращалась в уродство:

*Хоть сидишь ты дома, но тебя наряжают в Субуре,
Косы пропавшие там, Галла, готовят тебе,
На ночь ты зубы свои вместе с шелками снимаешь
И отправляешься спать в сотне коробочек ты:
Лицо твое вместе с тобой спать не ложится, и только
Поданной утром тебе бровью и можешь мигать.*

(Marcial., IX, 37)

Однако юмор римлян проявлялся не только в высказываниях, письмах, произведениях, но, как было сказано выше, в изображениях (мозаика, фрески), предметах быта (лампы, дверные ручки) и даже, видимо, в надписях на стенах городов в виде резких оскорблений и скабрёзных шуток.

Вместе с глупостью римлянами высмеивалась ложь, которая проявлялась во всем, но страшнее всего – в готовности угождать и льстить, что римляне считали свойством выходцев с Востока, но не их самих:

*Тот же народ, умеющий льстить, наверно, похвалит
Неуча речь, кривое лицо покровителя друга
Или сравнит инвалида длинную шею с затылком
Хоть Геркулеса.*

(Juv., I, 3, 86–89)

Развлечения римлян были тоже своеобразными. Так, весьма известной была карлица Прокула (Juv., III, 204), но при этом шутами, презренными при дворе императора, были вполне здоровые, но весьма неприятные сами по себе личности (Ног., I, 5; Juv., V, 3–4).

Даже самые оскорбительные стихи порой были необходимы, чтобы напомнить о человеческой сущности, не давая возобладать гордости и зазнайству, напомнить, что важнее собственной славы – величие Рима, подобно тому, как во время триумфов солдаты имели право петь самые оскорбительные песенки о своем полководце (Suet. Jul., 49, 4), а ему самому раб постоянно шептал: «Помни, что ты всего лишь человек!».

Конечно, нельзя отрицать отсутствие неприятия к некоторым императорам, более того, в эпоху Ранней Империи сложно воспринималось стремление императоров к единоличной власти и связанные с этим все новые и новые традиции. Как язвительно указывает Марциал, не может не раздражать традиция приветствовать императора и *Как попугай кричать «Здравствуй, Цезарь!»* (Marcial., XIV, 73). С учетом действия закона об оскорблении величия римского народа, распространенного на личность и семью императора, оскорбление которых теперь ставилось в разряд государственных преступлений, любые эпиграммы

и насмешки над властью карались, для чего был задействован значительный штат доносчиков.

В то же время сами императоры обладали чувством юмора, например, можно вспомнить знаменитое высказывание императора Веспасиана после введения платы за посещение общественных туалетов: *Деньги не пахнут* (Suet. Vesp., 23). А над императором Марком Аврелием подсмеивались как по поводу его времяпрепровождения во время цирковых представлений, так и по поводу того, что уже в почтенном возрасте он все еще ходил на занятия к знаменитому ритору (SHA, IV, 15). Известный эллинофил император Адриан с выдержкой оценил эпиграмму на себя Флора:

*Цезарем быть не желаю:
по британцам всяким шататься,
(по германцам) укрываться,
от снегов страдая скифских,*

ответив аналогичным стихом:

*Флором быть не желаю:
По трактирам всяким шататься
По харчевням укрываться,
от клопов страдая круглых.*

(SHA, I, 16)

Один из «хороших»¹¹ императоров Антонин Пий также обладал весьма тонким чувством юмора, если исходить из сведений, предоставляемых его биографом (SHA, III, 10).

Однако усиление единоличной власти императора порой способствовало тому, что шутки превращались в откровенные издевательства, когда объект этой шутки не мог достойно ответить императору, не рискуя собственной жизнью, как это было в правление императора Элагабала (SHA, XVII). Большинство императоров обладали либо уязвленным самолюбием, либо не обладали сильно развитым чувством юмора, порой шутка могла стать роковой для шутника, недаром античные авторы часто подчеркивают в характере императора, что он не был жестоким или не был злопамятным.

Наступление беспокойного третьего века также, как можно предположить, многое изменило в восприятии смешного. Милитаризация

¹¹ Эпоха Ранней империи известна также правлением «хороших» и «плохих» императоров, по мнению античных авторов. «Хорошие» императоры особо почитались следующими властителями Рима, создавая мифологию идеального правителя, каким был Антонин Пий [4].

общества способствовала, как отмечают античные авторы, распространению грубых нравов и, соответственно, солдатского юмора. Из этой же среды выходили и императоры этого периода, поэтому о греческой утонченности речь уже не идет. В этот период порой шутка соседствовала с грубостью. Хотя, например, знаменитая шутка императора Галлиена над одним осужденным мошенником демонстрирует прекрасное чувство юмора¹².

Тем не менее, императорская власть должна была восприниматься как нечто незыблемое и неприкосновенное: «Никто не может быть невиновным без его воли» (Амм. Марс., XXVIII, 38). Императоры подчеркивали свою власть и волю, как это было в случае с императором Галлиеном, который сыграл шутку с приговоренным к смерти торговцем-обманщиком и вместо грозного льва выпустил на арену с провинившимся цыпленка.

В IV в. Римское государство опутала система заговоров, доносов и, по выражению Аммиана Марцеллина, «никому неизвестные люди были посланы, чтобы собирать слухи», «стали бояться даже стен», так что, когда муж говорил своей жене что-либо во внутренних покоях на ухо, то на следующий день об этом уже было известно (Амм. Марс., XIV, 1, 6–7). И сатиры сменили панегирики, восхваляющие происхождение и достоинства императора, его победы и деяния.

Что касается христианства, то Отцы Церкви в своих трудах обращаются к злободневности, но при этом в раннюю эпоху апологеты не имели четкого мнения по поводу смеха, который, тем более, был яркой характеристикой римского мира [1]. По их мнению, *людей, изображающих смешные, особенно же достойные осмеяния происшествия, следует изгнать из нашего государства* (Clem. Alex. Paed., II, 5, 45, 1). Христианская этика не допускает насмешек над страдающими какими-либо недостатками или недугами, а если человек хочет выразить радость, то допустима легкая улыбка, о чем пишет Василий Великий: *Душевную радость изъяснить светлою улыбкою не противно приличию... Но смеяться громко... свойственно человеку необузданному, не умеющему владеть собой...* (9, 116)¹³. Смех опасен, по мнению христианских авторов, он быстро становится безудержным, громким, он расслабляет душу, ведет к чувству превосходства и тщеславию, может привести к нарушению этических норм, может разрушить узы дружбы и брака и даже привести в итоге к нарушению законов, поэтому Отцы Церкви стараются

¹² Дмитрий Суханов написал прекрасные стихи на этот сюжет – «Шутка императора». URL: <https://stihi.ru/2020/01/20/1981> (дата обращения: 02.03.2024).

¹³ Святитель Василий Великий. Творения. М., 2012.

предостеречь верующих, указывая, что *смех – путеводитель блуда, шутовство – изобличение необузданного человека, смехотворство производит то, что мы впадаем в беспечность, смехотворство – повод к презрению* (Joh. Chrys., 45, 899).

Таким образом, идентичность римлян даже в контексте изучения психологических особенностей демонстрирует несколько важных факторов. Юмор римлян формировался в процессе становления государства в условиях смешения разных этносов, поэтому итальянский юмор будет отличаться от греческого значительной долей прямоты и грубости, что было характерно для римлян [6], заложено в их прагматическом и консервативном мышлении, агрессивности, которой способствовали постоянные войны, а также распространение в римском обществе стоического направления философии.

Именно через понимание категории смешного римляне воспринимали модели социального поведения, ценностные ориентиры [5; 7], смех позволял переживать стрессовые ситуации, справляться со своими страхами, в том числе и за счет унижения: слабого, чтобы почувствовать превосходство, или сильного (в том числе богов), чтобы ощутить себя не таким слабым, самоутвердиться.

По мере расширения Римского государства и превращения его в Империю в его состав вошли разные регионы на Западе и Востоке. Восточные провинции находились под сильным влиянием эллинизма, а юмор греков был более тонкий, наполненный иронией и самоиронией, в то время, как на Западе он был более язвительным, грубым, едким, подчас на грани оскорбления, способным затронуть чувства человека и нанести обиду, что было недопустимо для распространившегося в эпоху Империи христианства. Отцы Церкви видели в смехе таившееся зерно зла, способное поколебать спокойствие человека, затронуть его мысли и чувства, и, в то же время, предоставить самому насмешнику чувство превосходства, разрушающее душу.

В процессе развития Римского государства предметы и объекты для смеха римлян не менялись, но такие аспекты, как милитаризация общества, приводили к огрублению нравов, соответственно, распространению более грубого, солдатского юмора. В то же время политическая сатира в условиях стремления императоров к единоличной власти сменялась панегириками, сатирический жанр исчез под давлением цензуры, шутить дозволялось только облаченному в пурпур носителю верховной власти, а принятие христианства в качестве государственной религии способствовало выдвиганию на первый план иных ценностных ориентиров.

Библиографический список / References

1. Братухин А.Ю., Братухина Л.В. Юмор у ранних христианских авторов // Культурология. 2019. № 2. С. 7–16. [Bratukhin A. Yu., Bratukhina L.V. Humour among early Christian authors. *Kulturologiya*. 2019. No. 2. Pp. 7–16. (In Rus.)]
2. Дуров В.С. Жанр сатиры в римской литературе. Л., 1987. [Durov V.S. Zhanr satiry v rimskoy literature [The genre of satire in Roman literature]. Leningrad, 1987.]
3. Ершова Р.В., Шарапова Р.З. Представление о чувстве юмора в психологии // Вестник РУДН. Серия: Педагогика и психология. 2012. № 3. С. 16–22. [Ershova R.V., Sharapova R.Z. Conceptions of sense of humor in psychology. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2012. No. 3. Pp. 16–22. (In Rus.)]
4. Куликова Ю.В. Узурпатор и узурпация власти в представлении античной историографии // История государства и права. 2011. № 24. С. 2–4. [Kulikova Yu.V. The usurper and the usurpation of power in the representation of ancient historiography. *History of State and Law*. 2011. No. 24. Pp. 2–4. (In Rus.)]
5. Мусийчук М.В. Аксиологическая функция юмора // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 91–94. [Musiychuk M.V. The axiological function of humor. *Tomsk State University Journal*. 2007. No. 295. Pp. 91–94. (In Rus.)]
6. Николаева О. Лингвистические и культурно-исторические предпосылки этнонационального юмора // Этнодиалоги. 2018. № 1 (55). С. 159–168. [Nikolaeva O. Linguistic and cultural-historical prerequisites of ethnonational humor. *Etnodiologi*. 2018. No. 1 (55). Pp. 159–168. (In Rus.)]
7. Попов Я. Этнические стереотипы в национальном юморе как выражение социальных страхов // Вестник Московской международной академии. 2014. № 2. С. 100–108. [Popov Yar. Ethnic stereotypes in national humor as an expression of social fears. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy akademii*. 2014. No. 2. Pp. 100–108. (In Rus.)]
8. Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. [Problemy antichnoy kultury [Problems of Ancient culture]. Tbilisi, 1975.]
9. Римская сатира. Гораций, Персий, Сенека, Петроний, Ювенал, Сульпиция, Аноним / под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1957. [Rimskaya satira. Goratsiy, Persiy, Seneka, Petroniy, Yuvenal, Sulpitsiya, Anonim [Roman satire. Horace, Persius, Seneca, Petronius, Juvenal, Sulpice, Anonymous]. M.L. Gasparov (ed.). Moscow, 1957.]
10. Щеголев А.В. Закон об оскорблении величия в политической истории Рима: I в. до н. э. – I в. н. э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. [Shchegolev A.V. Zakon ob oskorblenii velichiya v politicheskoy istorii Rima: I v. do n. e. – I v. n. e. [The law on insulting greatness in the political history of Rome: I century BC – I century AD]. PhD dis. Moscow, 2000.]

Сведения об авторе / About the author

Куликова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Yulia V. Kulikova – PhD in History; associate professor at the Department of Ancient History and Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: yuv.kulikova@mpgu.su

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-101-118

УДК 327.56

С.В. Мельникова

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454 г. Москва, Российская Федерация

Затяжной конфликт: сущность и подходы к урегулированию

Предметом исследования является феномен затяжного конфликта в международных отношениях. Актуальность данной проблематики в научной и аналитической работе обусловлена тем, что на сегодняшний момент в мире наблюдаются радикальные системные трансформации, а также рост уровня насилия, эскалация застарелых конфликтов, изменение баланса сил и оформление новых полюсов силы. В статье уделяется особое внимание установлению отличительных характеристик затяжного конфликта и разработке определения такого вида конфликтов. Через изучение уже существующих теорий международных конфликтов автор восполняет некоторый пробел в современной конфликтологии, предпринимая попытку дать теоретическое оформление такому понятию, как затяжной конфликт. Автор приходит к выводу, что затяжной конфликт представляет собой форму взаимодействия двух или более акторов, осознающих несовместимость целей друг друга, возникающий, как правило, вокруг базовых потребностей и/или ценностных оснований в условиях общесистемной нестабильности, развивающийся циклично на фоне формирующегося особого общественного дискурса и особой коллективной идентичности. В качестве наиболее приемлемого подхода к урегулированию конфликтов такого рода предлагается не просто построение новой архитектуры отношений между

© Мельникова С.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

сторонами, но и трансформация самих сторон через формирование особого алгоритма, который мог бы применяться третьей стороной в переговорах. Такой алгоритм должен быть разработан с опорой на политологические, конфликтологические, а также психологические исследования.

Ключевые слова: затяжной межгосударственный конфликт, мирное урегулирование, переговоры, военное противостояние

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мельникова С.В. Затяжной конфликт: сущность и подходы к урегулированию // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 101–118. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-101-118

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-101-118

S.V. Melnikova

MGIMO University,
Moscow, 119454, Russian Federation

Protracted conflicts: Essence and approaches to settlement

The subject of the study is the phenomenon of protracted conflict in modern international relations. The relevance of this issue in scientific work is due to the fact that at the moment there are radical systemic transformations in the world, as well as an increase in the level of violence, escalation of long-standing conflicts, a change in the balance of power and the formation of new poles of power. Within the framework of the article, the author pays special attention to establishing the distinctive characteristics of a protracted conflict and developing a clear definition of this type of conflict. Through the study of already existing theories of international conflicts, the author fills in a gap in modern conflictology, attempting to give a theoretical formalization to such a concept as a protracted conflict. The author concludes that protracted conflict is a form of interaction between two or more actors who are aware of the incompatibility of each other's goals, arising around basic needs and/or value bases in conditions of system-wide instability, developing cyclically against the background of an emerging special public discourse and a special collective identity. As the most acceptable approach to resolving conflicts of this kind, it is proposed not only to build a new architecture of relations

between the parties, but also to transform the parties themselves through the formation of a special algorithm that could be used by a third party in negotiations. Such an algorithm should be developed based on political science, conflict studies, as well as psychological research.

Key words: protracted interstate conflict, peaceful settlement, negotiations, military confrontation

FOR CITATION: Melnikova S.V. Protracted conflicts: Essence and approaches to settlement. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 101–118. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-101-118

Введение

Научная работа по исследованию конфликта как важного проявления человеческих отношений на основе междисциплинарного подхода и многофакторного анализа активно развивается лишь с недавнего времени – со второй половины XX в. [19, р. 24–26]. Это, безусловно, указывает на необходимость продолжать работу по исследованию различных аспектов конфликта, а также развивать уже существующие алгоритмы по мирному урегулированию и предлагать новые.

Международно-политический ландшафт претерпевает значительные изменения, динамично преобразующаяся реальность диктует необходимость понимания природы, генезиса и динамики международных конфликтов. При этом современной конфликтологии до сих пор свойственна некоторая терминологическая неопределенность. Некоторые понятия так и не получили единого определения, что, безусловно, осложняет исследовательскую работу в этом направлении [4].

Серьезной научной и правовой проблемой является отсутствие закрепленного определения и устоявшихся характеристик «застарелого» или «затяжного» конфликта. При этом в 2017 г. Университетский центр политических исследований Организации Объединенных Наций (ООН) опубликовал доклад, в котором говорилось, что 60% конфликтов, которые были приостановлены в начале 2000-х гг., возобновились в течение следующих пяти лет [15]. Это говорит о высокой актуальности научной работы по формированию концептуальной базы для изучения затяжных конфликтов.

В данной статье автор рассматривает межгосударственные «затяжные» конфликты на примере палестино-израильского и кашмирского конфликтов. Целью данной статьи является выявление ряда отличительных характеристик затяжного противостояния с тем, чтобы дать определение этой категории межгосударственных конфликтов.

Теоретическая база исследования и методы

Через изучение конфликтов исключительной продолжительности (кашмирского и палестино-израильского) автор приходит к пониманию необходимости теоретического обоснования и определения затяжных или застарелых конфликтов, т.к. данная проблема не представляется разработанной в достаточной степени.

Базовыми теориями, на которых строится исследование, являются теория неразрешимых конфликтов П.Т. Колемана, теория конструктивных конфликтов Л. Крисберга, а также теория позитивного мира Й. Галтунга.

Сущность затяжного конфликта

С одной стороны, очевидно, что «застарелым», «затяжным» или «исключительно продолжительным» конфликт можно назвать в случае, если он длится на протяжении нескольких десятилетий. С другой, не совсем понятно, в какой момент обычный вооруженный конфликт приобретает статус «застарелого/затяжного», сколько лет для этого он должен продлиться, какие отличительные черты получить. Такого юридического понятия как «затяжной вооруженный конфликт» не существует, что во многом обусловлено сложным характером такого противостояния [8].

Конфликты исключительной продолжительности в литературе называют по-разному: «застарелыми», «замороженными», «затяжными», «тлеющими».

При изучении академических статей, посвященным конфликтам в Абхазии, Нагорном Карабахе, Приднестровье, Южной Осетии, Косово, можно увидеть, что их определяют как «замороженные». Можно сказать, что «замороженные конфликты» – это конфликты, которые уже вышли из горячей фазы, но политическое урегулирование так и не было достигнуто [1]. Кажется, что здесь нет противоречия, однако представляется, что термин «замороженный конфликт» не отражает истинной сущности изучаемого феномена, т.к. указывает на статичность и отсутствие какой-либо динамики, что не соответствует реальности.

В рамках данной работы автор будет придерживаться термина «затяжной конфликт». В отечественной литературе существует ряд исследований, в которых успешно обосновывается правомерность употребления термина «затяжной» для характеристики такого рода противостояния. Представляется, что понятие «затяжной конфликт» наиболее точное, в достаточной степени нейтральное и указывающее на процесс, а не на статику [5].

В англоязычной литературе существуют как минимум два термина, в высокой степени отражающих понятие «затяжной конфликт»: *protracted* (англ. 'затянувшийся, длящийся дольше, чем обычно') и *intractable* (англ. 'трудноразрешимый').

Классический межгосударственный конфликт всегда проходит несколько стадий. Началом всегда будет точка столкновения интересов, и в случае, если не удастся найти взаимоприемлемого выхода с помощью переговоров, наступает точка военной эскалации, перетекающая в горячую фазу конфликта. Как писал П. Сорокин, «усиление конфликта означает, что скрытый антагонизм приобретает открытую форму – форму явного насилия, чинимого одной стороной над другой» [7, с. 122].

За горячей фазой, как правило, следует этап прекращения огня и фаза мирных переговоров. Классический межгосударственный конфликт завершается подписанием мирных соглашений, в рамках которых стороны разрешают установившиеся противоречия с учетом своих переговорных позиций, сформированных, среди прочего, результатами военных действий.

Л. Крисберг, например, предлагал еще более сложное разделение конфликтного цикла на фазы: 1) оформление конфликтной ситуации; 2) осознание стороной А того, что ее цели несовместимы с целями стороны Б и, наоборот, что представляет собой формирование субъективной составляющей конфликта; 3) определение сторонами способов достижения цели, утверждение стратегии и тактики; 4) фаза прямого столкновения сторон (горячая фаза); 5) завершение конфликта [19, р. 122–124].

В затяжном же конфликте после прекращения огня не наступают мирные переговоры, либо в их ходе не достигается взаимоприемлемых соглашений. Также возможна ситуация, когда соглашения все-таки подписываются, однако всех противоречий, легших в основу конфликта, они не разрешают. В таком случае спустя некоторое время конфликт вновь вступает в фазу столкновения интересов, замыкая тем самым один конфликтный цикл и начиная другой.

Так, одним из основных отличий разрешимого конфликта от затяжного (трудноразрешимого) является то, что затяжной конфликт – это всегда череда конфликтных циклов (столкновение интересов – эскалация – деэскалация). В нем конфликтные циклы сменяют друг друга, и эта смена может растянуться на несколько десятилетий, в течение которых во враждующих обществах формируется особая коллективная идентичность. Именно она со временем ложится в основу застарелого

конфликта. И даже когда области столкновения интересов размываются и, возможно, изначальные противоречия становятся менее острыми, конфликт не разрешается, т.к. сохраняется конфликт идентичностей.

То есть важной характеристикой, которая отличает затяжной конфликт от обычного, должна быть, как ни парадоксально, не характеристика времени («долгий»), а характеристика цикличности. Затяжные конфликты развиваются не линейно, а циклично: с каждым циклом они проходят одни и те же фазы, но фазы мирного и постконфликтного урегулирования не достигаются. Каждый новый цикл отличается от предыдущего только уровнем человеческих, экономических и имиджевых потерь для каждой из сторон.

Однако описанное выше – это только механизм функционирования застарелого конфликта, но не объяснение его природы и не ответ на вопрос, почему конфликтные циклы повторяются, а не завершаются мирными договоренностями.

Так, например, в рамках индо-пакистанского противостояния конфликтные циклы повторяют друг друга, развиваясь по одинаковому сценарию: деятельность кашмирских фундаменталистов и сепаратистов, поддерживаемых Пакистаном, и осуществляемые ими террористические акции приводят к тому, что индийское руководство широко применяет карательные меры в подконтрольных частях Кашмира, а также иногда осуществляет точечные авиаудары по территории Пакистана, объясняя это тем, что там находятся лагеря боевиков. После этого Пакистан как внутри, так и на различных международных площадках говорит об индийской агрессии и о беспрецедентном нарушении прав кашмирцев индийским руководством [2].

По такому сценарию протекали события и 1990-х, и 2000-х гг. В рамках недавнего эпизода эскалации в 2019 г. после подрыва индийской армейской колонны в Джамму и Кашмире последовал жесткий ответ Индии и упразднение особого статуса для бывшего штата Джамму и Кашмир. Более того, в Индии прошли протесты, участники которых призывали привлечь виновных к ответственности, а индийские власти обещали дать максимально жесткий ответ на действия Пакистана, вину которого не подвергали сомнению. Затем ВВС Индии нанесли массированный удар по находящемуся на пакистанской территории лагерю «Армии Мухаммеда».

При этом данные акции, которые в большей степени являются действиями демонстративными, никак не влияют на динамику конфликта. Вероятнее всего, к обозначенному и другим похожим терактам причастны радикальные группы, связанные с Пакистаном, но не непосредственно

пакистанские власти. Благоприятно на разрешении индо-пакистанской конфликтной ситуации сказалось бы совместное расследование с привлечением международных экспертов. В то время как отзыв дипломатов и ответные военные акции только замыкают один конфликтный цикл и начинают другой.

Модель течения палестино-израильского конфликта также циклична. В ответ на регулярные эпизоды нарушения перемирия «Исламским движением сопротивления» (ХАМАС), в частности, ракетные обстрелы Израиля или теракты, израильское руководство объявляет о начале военной операции, призванной «уничтожить лидеров ХАМАС или его военную» инфраструктуру, которое через некоторое время заканчивается установлением режима прекращения огня. Примерами таких операций являются операции «Литой свинец» (2009 г.), «Облачный столп» (2012 г.), «Нерушимая скала» (2014 г.) и др. Одной из самых масштабных операций стала операция «Железные мячи», которая была начата в ответ на вторжение боевиков ХАМАС в Израиль в октябре 2023 г.

Важными для исследования затяжных конфликтов являются работы П.Т. Колемана – известного специалиста в области конфликтного и постконфликтного урегулирования. В своей работе «Неразрешимый конфликт» он предлагает ясную точку зрения на особенности и характеристики затяжного конфликта [14, р. 533–559].

Он считает, что базовым контекстом развития конфликтных отношений затяжного противостояния (*intractable conflict*) является *фоновое обостренное ощущение несправедливости* у сторон-участников, длительная история ущемления прав местного населения, эпизодов насилия и давления, оказанного одной из сторон на другую. В то время как в конфликте, который поддается урегулированию (*tractable*) и не является затяжным, вопросы несправедливости стоят не так остро, отсутствует фундамент многолетнего давления на одну из сторон или ущемления политических и гражданских прав. Другими словами, стороны относительно равны.

Достаточно распространенным проявлением этого феномена «обостренного ощущения несправедливости» является общественно-политический дискурс сторон-участниц конфликта. Так, травмирующее прошлое оказывается «вплетено» в текущую реальность.

В палестинских источниках часто встречается утверждение, что палестинская национальная идентичность имеет давнюю историю, восходящую к ханаанским городам-государствам, которые находились на территории современного Израиля еще во второй половине II тыс. до н. э. [9]. Аналогичным образом, евреи обосновывают свои притязания

на территорию историческими событиями, которые имели место более 4 тыс. лет назад, а также мифами и легендами, изложенным в Библии и различных других религиозных текстах. Обе группы «встраивают» текущий конфликт в национальную историю, вместе с глубоким чувством несправедливости, не всегда признаваемым адекватным другой стороной, которая озабочена своим собственным трагическим национальным опытом. Также история самого конфликта интерпретируется сторонами по-разному, в частности, причины конфликта, значение событий и роль, которую играют внутренние и внешняя политика сторон на различных этапах противостояния.

Кроме того, терминология играет важную роль в формировании восприятия противоречивых нарративов. Терминология стала базовой для построения модели мышления, через которую воспринимается конфликтная ситуация. Например, палестинцы называют события 1948 г. *al-nakba/al-karithah* ‘бедствие, катастрофа, стихийное бедствие’ в знак признания национальной трагедии, вызванной их изгнанием со своей родины в Палестине. Израильяне же называют эти события «войной 1948 года», «войной за независимость/освобождение» [21].

Подобные застывшие репрезентации прошлого могут выступать в качестве барьеров для мирного разрешения. Примирение требует формирования нового общего взгляда на прошлое, по крайней мере, признания того, что существуют два нарратива, что пострадали обе стороны и что есть жертвы с обеих сторон.

В целом, с Колеманом солидарен другой исследователь, Э. Азар, который пишет о том, что корни застарелых конфликтов уходят в историю колониализма, имеют в своем ядре проблему расизма, сексизма или нарушений прав человека. Этот исторический фон определяет как внешнюю политику государств, так и внутренний дискурс. Сохранение несправедливой, например, иерархической структуры взаимоотношений (по восприятию сторон) увековечивает конфликт [10].

Распространенной практикой можно назвать то, что обозначенное чувство несправедливости укрепляется через внутреннюю политику государств. Например, в политике Индийской народной партии (Bharatiya Janata Party), правящей партии Индии, кашмирской проблеме уделяется особое место. Очевидно, стоит задача легитимизации притязаний Индии на Кашмир через выстраивание особого исторического нарратива, на формирование общественной убежденности в том, что в центре конфликтной ситуации – гонения и ущемления прав индусов, проживавших и проживающих на территории Кашмира. За последние 5 лет (с 2019 г.) в индийском академическом и научном пространстве было опубликовано существенное количество работ по истории

Кашмира, о жизни индусов в Кашмире, о гонениях и дискриминации, с которыми они сталкивались.

Так, в рамках таких неправительственных организаций, как, например, Индийский совет по историческим исследованиям (The Indian Council of Historical Research), созданный Министерством образования Индии, среди прочего, был организован не один цикл лекций по обозначенным выше темам на разных площадках страны. В годовых отчетах совета в большом количестве встречаются такие темы, как «Борьба за правое дело: пандиты и борьба за свободу в княжеском штате Джамму и Кашмир», «Влияние борьбы за свободу индусов на государственное устройство Джамму и Кашмира (1857–1947)», «Раджиндер Сингх – спаситель Кашмира», «Определяющая роль индийской культуры в истории Кашмира»¹ и аналогичные.

Отличительной чертой затяжного конфликта можно считать и то, что его международно-политическим контекстом, как правило, является *нестабильность*: политические, экономические потрясения и изменение архитектуры международных отношений в целом усугубляют течение конфликта, повышая вероятность его перехода в состояние «хронического» – затяжного. Так, два хрестоматийных затяжных конфликта – арабо-израильский и кашмирский (или индо-пакистанский), если и не начались (многие специалисты находят их корни еще в XIX в.), то получили свое развитие, перешли в горячую фазу сразу после Второй мировой войны, т.е. на фоне серьезной нестабильности и реорганизации всех международных связей.

И, напротив, в случае если конфликт формируется в более предсказуемых стабильных условиях (прослеживается более или менее эффективная работа международных институтов, присутствует баланс сил в регионе и/или мире), вероятность того, что его можно будет разрешить, намного выше.

Чтобы увидеть отличие затяжного конфликта от обычного, необходимо изучить, что именно лежит в основе этих конфликтов, т.е. что является *предметом спора*. В основе любого конфликта лежит столкновение интересов вокруг некоего ограниченного ресурса, другими словами, противоречие вокруг чего-либо. Так, в случае если ресурс так или иначе делим, его принадлежность обсуждаема, и это обсуждение может обеспечить относительную удовлетворенность всех сторон, можно говорить о «разрешимом» конфликте. Существуют исследования, которые

¹ Indian Council of Historical Research. Annual Report. 2020–2021. URL: http://ichr.ac.in/upload/uploadfiles/files/Annual_Report_2020-2021.pdf (assessed 02.06.2024); Indian Council of Historical Research. Annual Report 2021–2022. URL: http://ichr.ac.in/upload/uploadfiles/files/Annual_Report_2021-2022.pdf (assessed 02.06.2024).

выделяют базовые предметы конфликта, среди которых: территориальные претензии, недовольство внутренним политическим режимом, социальное и политическое неравенство, стремление к национальному суверенитету, экономические проблемы [18].

В затяжном же конфликте, напротив, его *предмет* состоит из множества проблемных пластов. То есть ресурс неделим, споры возникают вокруг наиболее важных дилемм человеческого и социального существования. Это полярности (структурированные противоречия), противоположные потребности и принципы. Попытки разрешить эти противоречия, как правило, вызывают у сторон отторжение и, в некоторых случаях, еще большую агрессию. Среди таких проблем – вопросы идеологии, ценностей, религии, сакральных аспектов общественной культуры, безопасности и базовых потребностей.

Правда, важно отметить, что обозначенные выше ценностные основания противоречий часто бывают скрыты под слоем противоречий материальных (территория, полезные ископаемые и др.). Иногда кажется, что конфликт разгорелся из-за материального ресурса, но это может быть лишь поводом для эскалации или лишь декларируемой причиной. В затяжных конфликтах сами по себе территория или финансовый ресурс не являются истинными основаниями противостояния. Истинными будут обозначенные выше более глубокие, нематериальные противоречия, которые на протяжении конфликта будут сообщать сакральные символические оттенки и материальным аспектам спора.

Другими словами, если изначально предметом конфликта было столкновение интересов по вполне материальному вопросу, с течением времени основание меняется. Опыт конфликтного противостояния, приобретенный обществом и правительством по прошествии ряда конфликтных циклов, влияет на их восприятие конфликтной ситуации. Формируется слой ценностных противоречий. Территория Кашмира, несмотря на всю его стратегическую важность, давно не является для Индии вопросом исключительным. Однако эта территория уже приобрела некий сакральный статус, и теперь отказаться от притязаний на нее просто невозможно.

Психологический фактор играет важнейшую роль в формировании затяжного конфликта. Во многих трудноразрешимых конфликтах отношения между сторонами развиваются в условиях, когда социальные контакты между представителями враждующих групп ограничены. Отсутствие контактов приводит к тому, что в обществах формируются абстрактные, стереотипные образы «Другого», усиливается чувство враждебности к представителям аут-группы, происходит демонизация и дегуманизация противника. Негативное отношение дополнительно

усиливается под влиянием пропагандистского аппарата, который, как правило, работает особенно эффективно в государствах, вовлеченных в конфликт.

В обществах, вовлеченных в затяжной конфликт, формируются оппозиционные друг другу коллективные идентичности, т.е. идентичности, основанные на отрицании идентичности противника. События (военные столкновения, убийства гражданских лиц, террористические акты, акты вандализма и пр.), происходящие в ходе очередного конфликтного цикла, формируют определенный внутригрупповой дискурс и обостряют коллективное чувство ненависти, желание возмездия и отмщения, что порождает идею о невозможности мирного сосуществования («либо мы, либо они») [21].

Более того, самоидентификация таких обществ происходит на основании отрицательной установки: «мы – не они» [22, р. 31–64.]. Таким образом, начало мирного процесса осложняется еще и тем, что его успешное окончание будет означать для государства и общества необходимость искать новые основания своей коллективной идентичности.

Затяжные конфликты отличаются от обычных тем, что они повсеместны, т.е. проявляются во всех сферах общественной жизни. Сферы науки и образования в государствах-участниках застарелых конфликтах работают на обеспечение обоснованности государственных претензий в рамках конфликта и обеспечение общественной консолидации вокруг официальной позиции страны. Из государственного бюджета выделяются средства на исторические, социологические, политические исследования, имеющие целью объяснить правомерность государственных притязаний в рамках конфликта. Школьные, университетские программы, кинематограф и даже спорт служат этой цели.

Тут надо сказать, что на фоне любого конфликта происходит процесс легитимации войны. В каждом обществе насилие осуждается, поэтому необходимы веские политические, исторические, экономические обоснования его применения, в частности, через культуру, науку и СМИ [24, р. 161]. Однако в застарелых конфликтах, в силу длительности противостояния, меры по легитимации войны приобретают системный характер и, в долгосрочной перспективе, оказывают большее влияние на общественное сознание. В литературе даже встречается такое понятие, как «продолжительное насилие». Под ним подразумеваются такие проявления давления, как, например, строительство поселений на спорных территориях, медленное присвоение земли, осушение ее водных ресурсов, что является смертельным для местного населения, но эффект достигается не сразу, а в течение многих лет.

Следует отметить, что вышеперечисленные факторы лишь увеличивают вероятность перетекания обычного военного конфликта в затяжной. Всегда сохраняется возможность разрешить конфликт, даже в ситуации высокой неопределенности или в случае наличия истории принуждения одной стороны другой стороной, обостренного чувства несправедливости и т.д. Однако если все указанные факторы одновременно влияют на развитие ситуации или лишь некоторые, но особенно интенсивно, можно с высокой долей вероятности утверждать, что конфликт окажется затяжным, а достижение мирного урегулирования крайне маловероятно в ближайшем будущем.

Даже наиболее хрестоматийные примеры затяжных конфликтов – палестино-израильский и кашмирский – не были изначально «неразрешимыми», а приобрели этот статус значительно позже, по прошествии нескольких конфликтных циклов.

Подходы к урегулированию

Существует целый ряд теорий конфликтного урегулирования. Среди недавно разработанных – модель разрешения конфликтов, которая определяет шесть независимых переменных как основных предпосылок прекращения межгосударственных конфликтов: физическое и/или психологическое истощение одной стороны или обеих; изменение в балансе целей и возможностей; внешнее давление на одного или нескольких противников с целью мирного урегулирования; внутреннее давление на одного или нескольких противников; сокращение числа несогласованных целей; уменьшение количества факторов, способствующих поддержанию конфликта. Ни одно из этих условий не считается необходимым для разрешения конфликта. Основной постулат этой модели заключается в том, что наличие любого из шести условий существенно повышает вероятность разрешения конфликта: чем большее их число соблюдается, тем больше вероятность того, что конфликт будет разрешен. И, конечно, когда все шесть условий соблюдены, разрешение конфликта практически гарантировано [11, р. 131–146]. Однако модель работает иначе в затяжных конфликтах, в которых, как правило, лица, принимающие решения, воспринимают позитивные изменения (соблюдение одного из этих условий) как враждебные. Степень угрозы, исходящей от противника, его реальные возможности, как правило, существенно преувеличены, и чем дольше длится конфликт, тем серьезнее эти искажения.

Классики теории социальных конфликтов Б. Боулдинг, Й. Галтунг, Р. Дарендорф, Л. Дозер, Р. Коллинз рассматривают конфликт как позитивно-функциональный процесс преобразования общественной жизни

(международно-политической, если речь идет о конфликтах межгосударственных), как средство разрешения возникающих противоречий [3, с. 15]. Из этого следует, что в случае затяжного конфликта конфликт является неэффективным средством для разрешения противоречий, и необходимо искать иной способ.

Оставаясь неразрешенными в течение долгого времени, затяжные конфликты развиваются циклами большей и меньшей интенсивности. В их центре оказываются потребности или ценности, имеющие фундаментальное значение для сторон. Конфликт затрагивает все аспекты жизни, и стороны не видят иного способа прекратить борьбу как деструктивную модель кооперации, кроме как полностью уничтожив другую сторону. Такие конфликты не поддаются обычным методам разрешения, таким как переговоры или дипломатия.

Насилие практически во всех культурах воспринимается как неприемлемое средство достижения целей. Одной из особенностей затяжных вооруженных конфликтов является то, что насилие постепенно становится видом нормы [13, р. 332–334].

Представляется, что для разрешения застарелого конфликта необходимо не просто построение новой архитектуры отношений между сторонами, но и трансформация самих сторон [16]. В этой связи особенно интересен подход Л. Крисберга к изучению трансформации конфликта от деструктивного к конструктивному, от насильственных действий к прекращению огня и затем к устранению причин противостояния [6]. С его точки зрения, для трансформации необходимо изменить поведение участников конфликта: заставить их отказаться от практики навязывания собственной позиции и начать движение в сторону кооперации.

Теоретически такая работа должна проходить в рамках концепции «позитивного мира» на всех стадиях конфликтного цикла. Теория конфликта подразумевает разделение на «негативный» и «позитивный» мир. «Негативный мир» – это отсутствие прямых всплешек контроля через силовое их подавление и жесткий контроль неудовлетворенных слоев общества. «Позитивный мир» – относительно гармоничные социальные отношения, которые обуславливают отсутствие насилия. Представляется, что такая работа возможна только через посредничество.

Й. Галтунг предлагает выстраивать работу по урегулированию комплексного противостояния в рамках ряда этапов: начинать с определения сторон конфликта и их интересов (*mapping*), затем переходить к анализу того, насколько выявленные цели сторон легитимны (*legitimizing*). Это можно делать, рассматривая цели через призму международного права, прав человека и базовых человеческих потребностей. Однако задача не является тривиальной: если категория международного

права наиболее институализирована и соответствие или несоответствие ей очевидно, то определить соответствие цели общему пониманию прав человека сложнее, т.к. это понятие не так четко оформлено. Вопрос о базовых потребностях человека самый сложный, поскольку это наиболее размытая категория, понимаемая по-разному [17, р. 131–145].

В самом общем виде, вне зависимости от того, какая теория взята за основу, универсальными потребностями считаются: безопасность, экономическое благосостояние, принадлежность группе и оформленная идентичность, признание и независимость. Целый ряд конфликтологов уделяет особое внимание неудовлетворенности базовых потребностей как фундаменту, на котором стоит конфликт.

Так, американский исследователь Д. Бертон подчеркивает важность анализа базовых человеческих потребностей и степени их удовлетворенности в рамках работы по изучению и, тем более, разрешению затяжного конфликта. Он также отмечает, что выявленная неудовлетворенность всегда существует в определенных социальных рамках, т.е. подкреплена политической и экономической организацией жизни общества, которую в ряде случаев необходимо перестраивать для разрешения конфликтной ситуации [12].

Безусловно, на практике это трудновыполнимо, однако единственной альтернативой обозначенного подхода является продолжение циклического развития затяжного конфликта, который будет тлеть до тех пор, пока одна из сторон не прекратит свое существование физически.

Как показывает практика, посреднические усилия в затяжных конфликтах часто приводят к ухудшению обстановки, росту напряженности, а порой и к очередному витку эскалации. Это происходит, потому что в процессе работы посредников часто еще ярче высвечивается разница между обещаниями и ожиданиями, с одной стороны, и суровой реальностью – с другой.

Посредническая деятельность эффективна, только если она нацелена на изменение отношений между сторонами и на достижение долгосрочного «позитивного» мира. Другими словами, третьи стороны, которые хотя бы вывести конфликт за рамки деструктивной динамики, должны способствовать не только урегулированию конфликта, но и созданию «позитивного мира». Для этого нужно «заставить» стороны не только демобилизовать вооруженные силы, но и «демобилизовать умы» [23].

«Демобилизация умов» подразумевает достижение примирения на каждом общественном уровне: государственном, местном и личном. Надо понимать, что в межгосударственном конфликте стороны не гомогенны. Они образованы различными социальными группами, каждая

из которых имеет свои интересы, ценности, потребности, цели. Дополнительным аспектом является внешнее влияние, которому в серьезной степени подвергается конфликт.

Таким образом, посредник в лице третьего государства или надгосударственной организации должен работать в сепеке с аналитиками, экспертами по региону и исследователями конфликтов как таковых, чтобы разрабатывать стратегию работы с каждой отдельной группой внутри сторон конфликта.

Только так, после выявления целей сторон, интересов и степени удовлетворенности их базовых потребностей, можно начинать работу над мирной инициативой.

Если оставить за скобками распространенную практику предвзятого посредничества в затяжных конфликтах и рассматривать исключительно нейтральное, то его самой распространенной проблемой будут максимально общие формулировки, стандартизация подходов, а также работа исключительно с материальным предметом конфликта и далеко не со всеми группами интересов.

Затяжной конфликт развивается на протяжении десятилетий. Как уже было отмечено, материальный предмет спора трансформируется в нематериальный, меняются цели сторон, идентичность и нарратив. Более того, в затяжных конфликтах всегда больше двух противоборствующих сторон. Это означает, что для его разрешения необходимо учесть интересы всех сторон, а также обеспечить реализацию их целей в случае, если эти цели легитимны.

Дж. Галтунг в своей лекции по урегулированию сложных конфликтов иллюстрирует положение о многосоставности сторон конфликта предположением о том, что договоренности Осло, достигнутые в рамках палестино-израильского мирного процесса в 1990-х гг., не привели к разрешению конфликта, т.к. в процессе обсуждения были представлены далеко не все стороны противостояния. По его словам, «норвежские договоренности были заключены между левыми израильтянами и правыми палестинцами. Включение в работу правых израильтян и левых палестинцев увеличило бы шансы на достижение позитивного мира. В реальности же исключенность важных групп интересов из процесса привело как минимум к убийству И. Рабина и росту популярности ХАМАС»².

Дополнительно подход к разрешению затяжного противостояния должен основываться на укреплении доверия между сторонами через работу

² Galtung J. Breaking the cycle of violent conflict. University of California Television. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=16YiLqftppo&t=2843s> (assessed: 02.06.2024).

над когнитивными предубеждениями. Также особую важность представляет историческая исследовательская работа по утверждению более объективного взгляда общества и элит на прошлое.

Отдельным и важным аспектом является крайне бережное отношение к опыту жертв конфликта. Как уже было отмечено, в рамках посреднической работы третья сторона часто прибегает к общим формулировкам, суть которых сводится к утверждению важности мира, преодолению противоречий, которые закономерно будут вызывать сопротивление у наиболее травмированной части общества. Эти формулировки ложатся в основу инициатив, делают документы по мирному процессу неконкретными и, как следствие, неэффективными.

Заключение

Исходя из всего вышесказанного, можно предложить следующее определение застарелого (затяжного) конфликта: застарелый или затяжной конфликт представляет собой форму взаимодействия двух или более акторов, осознающих несовместимость целей друг друга, возникающий, как правило, вокруг базовых потребностей или ценностных оснований в условиях общесистемной нестабильности, развивающийся циклично на фоне формирующегося особого общественного дискурса и особой коллективной идентичности.

Распад биполярности, однополярный момент и современное формирование новых центров силы в системе международных отношений привели к тому, что в мире не просто возникает все больше конфликтов, а происходит обострение старых противоречий. Эта объективная реальность диктует необходимость анализа текущих процессов и разработки подходов к урегулированию застарелых, затяжных конфликтов.

Безусловно, проблемой является то, что проверить теории конфликтного урегулирования не всегда возможно. Проверить их практическую эффективность достаточно сложно, т.к. конфликт всегда часть системы и их взаимное влияние настолько велико, что воссоздать лабораторные условия, т.е. вынести за скобки, например, внешнее влияние, практически невозможно.

Как показывает практика, посреднические усилия и дипломатические инструменты не всегда эффективны. Однако на сегодняшний момент международное сообщество обладает только таким набором инструментов и представляется важным продолжать попытки его применять. Хотя бы для того, чтобы минимизировать количество жертв очередного конфликтного цикла.

Возможно, необходимо рассматривать каждый конфликтный цикл отдельно, т.к. конфликт динамичен и разные его этапы более или менее

конструктивны в зависимости от действий сторон или событий в социальной среде. Вероятно, имеет смысл сфокусироваться на том, чтобы снизить интенсивность следующего конфликтного цикла, если избежать очередной эскалации невозможно.

Библиографический список / References

1. Арбатова Н.К. Три измерения постсоветских «замороженных» конфликтов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 5. С. 88–100. [Arbatova N.K. Three dimensions of the post-soviet “frozen” conflicts. *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63. No. 5. Pp. 88–100. (In Rus.)]
2. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. [Belokrenitsky V.Ya., Moscalenko V.N., Shaumian T.L. *Yuzhnaya Aziya v mirovoy politike* [South Asia in the world politics]. Moscow, 2003.]
3. Дериглазова Л.В. Конфликты в международных отношениях. Томск, 2013. [Deriglazova L.V. *Konflikty v mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Conflict in international relations]. Tomsk, 2013.]
4. Кременюк В.А. Современный международный конфликт: проблемы управления // *Международные процессы*. 2003. Т. 1. № 1. С. 63–73. [Kremenjuk V.A. Managing contemporary international conflict. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2003. Vol. 1 (1). Pp. 63–73. (In Rus.)]
5. Растольцев С.В. Три мифа о «замороженных» конфликтах на постсоветском пространстве в Европе: критический анализ // *Международные отношения*. 2018. № 4. С. 82–94. [Rastoltsev S.V. Three myths about “frozen” conflicts in the post-Soviet region in Europe: A critical analysis. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018. No. 4. Pp. 82–94. (In Rus.)]
6. Соломатина Е.Н., Игнатчук Я.Д. Концепция трансформации современных социальных конфликтов Льюиса Крисберга // *Теория и практика общественного развития*. 2016. № 7. С. 28–32. [Solomatina E.N., Ignatchuk Ya.D. The concept of transformation of modern social conflicts by Lewis Krisberg. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2016. No. 7. Pp. 28–32. (In Rus.)]
7. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. [Sorokin P. *Sotsialnaya i kulturnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. St. Petersburg, 2000.]
8. Худайкулова А.В. Международная конфликтология как наука и образовательная программа // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 61–73. [Khudaykulova A.V. International conflict studies as a research and teaching area. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2015. No. 3. Pp. 61–73. (In Rus.)]
9. Al-Hout B.N. *Filastin: The cause, the people, and the civilization*. Beirut, 2002.
10. Azar E.E. *The management of protracted social conflict*. Dartmouth, U.K., 1990.
11. Brecher M. *Theory III: Interstate conflicts*. Cham, 2018.
12. Burton J. *Conflict: Resolution and prevention*. N.-Y., 1990.

13. Brooks R. How everything became war and the military became everything. N.-Y., 2016.
14. Coleman P.T. Intractable conflict. Handbook of intractable conflicts: Theory and practice. Jossey-Bass, 2006.
15. Einsiedel S. Civil war trends and the changing nature of armed conflict. *United Nations University Centre for Policy Research*. 2017. No. 10. Pp. 1–10.
16. Galtung J. Peace by peaceful means. Peace and conflict, Development and civilization. Peace Research Institute Oslo. L., 1996.
17. Galtung J., Fischer D. Pioneer of peace research. Springer, 2013.
18. Holsti K.J. The state, war, and the state of war. N.-Y., 1997.
19. Kriesberg L. Constructive conflicts: From escalation to resolution. Lanham, Maryland, 1998.
20. Lyall J. Divided armies: Inequality and battlefield performance in modern war. Princeton, 2020.
21. Rouhana N.N., Bar-Tal D. Psychological dynamics of intractable ethnonational conflicts: The Israeli-Palestinian Case. *American Psychologist*. 1998. Vol. 53. No. 7. Pp. 761–770.
22. Ricarte J. The impact of protracted peace process on identities in conflict. *Rethinking peace and conflict studies*. L., 2023.
23. Rosoux V. How to mediate a conflict. *International Affairs*. 2022. No. 98. (5). Pp. 1718–1735.
24. Wright Q. A study of war. Chicago, 1964.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024, принята к публикации 16.08.2024

The article was received on 02.07.2024, accepted for publication 16.08.2024

Сведения об авторе / About the author

Мельникова Софья Владимировна – кандидат исторических наук; преподаватель кафедры дипломатии факультета международных отношений, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Sofya V. Melnikova – PhD in History; Lecturer at the Department of Diplomacy of the Faculty of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: sophiazavodnik@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-119-137

УДК 930.22:(281+327.54)

А.М. Новоторцева

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Визит Константинопольского Патриарха Афинагора I (Спиру) в Дамаск в отражении личных записей церковного дипломата епископа Подольского Иоанна (Вендланда) за 1959 г.

Статья является продолжением и развитием темы, связанной с описанием разворачивавшейся напряженной ситуации в православном христианском мире в середине XX в., подогреваемой политикой Константинопольского патриархата. Она была направлена, главным образом, на объединение под своим началом всех христианских православных церквей, а также целенаправленное сдерживание влияния Русской православной церкви в православном мире. В условиях разворачивавшейся «холодной» войны в конце 1950-х гг. важную роль в выстраивании долгосрочных продуктивных международных отношений и расширения круга дружественных стран стала играть церковная дипломатия и институт Русской православной церкви. Исследование преимущественно основано на уникальном историческом источнике личного происхождения – ежедневнике за 1959 г. первого в советское время представителя Московского патриархата при Патриархе Антиохийском в Дамаске, выдающегося церковного дипломата епископа

© Новоторцева А.М., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Подольского, будущего митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда). В ежедневнике содержатся записи о беспрецедентном визите Константинопольского Патриарха Афинагора I (Спиру) в Дамаск (Сирия) в конце ноября 1959 г.

Ключевые слова: Константинопольский Патриарх Афинагор I (Спиру), епископ Подольский Иоанн (Вендланд), исторический источник личного происхождения, ежедневник епископа Иоанна (Вендланда), церковная дипломатия в XX в., Русская православная церковь, Антиохийский Патриархат, Ближний Восток

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Новоторцева А.М. Визит Константинопольского Патриарха Афинагора I (Спиру) в Дамаск в отражении личных записей церковного дипломата епископа Подольского Иоанна (Вендланда) за 1959 г. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 119–137. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-119-137

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-119-137

A.M. Novotortseva

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The visit of the Patriarch of Constantinople Athenagoras I (Spyrou) to Damascus as reflected in the personal notes of the church diplomat Bishop of Podolsk John (Wendland) for 1959

The article is a continuation and development of the topic related to the description of the unfolding tense external church situation in the Orthodox Christian world in the middle of the twentieth century, fueled by the policy of Fanar, which was aimed mainly at uniting all Christian Orthodox churches under its leadership, as well as purposefully restraining the growth and importance of the influence of the Russian Church in the Orthodox world. In the context of the unfolding cold war, church diplomacy and the institution of the Russian Orthodox Church began to play

an important and very important role in building long-term productive international relations and expanding the circle of friendly countries in the late 1950s. The content of the article is mainly based on a historical source of personal origin introduced into scientific circulation for the first time – the diary of the first representative of the Moscow Patriarchate to the Patriarch of Antioch in Damascus in Soviet times, an outstanding church diplomat Bishop of Podolsk, the future Metropolitan of Yaroslavl and Rostov John (Wendland) in 1959. It contains interesting records of the unprecedented visit of Patriarch Athenagoras I of Constantinople (Spyrou) to Syria, Damascus, at the end of November 1959.

Key words: Ecumenical Patriarch of Constantinople Athenagoras I (Spyrou), Bishop of Podolsk John (Wendland), historical source of personal origin, Bishop John's (Wendland) daily diary, church diplomacy in the twentieth century, the Russian Orthodox Church, the Patriarchate of Antioch, the Middle East

FOR CITATION: Novotortseva A.M. The visit of the Patriarch of Constantinople Athenagoras I (Spyrou) to Damascus as reflected in the personal notes of the church diplomat Bishop of Podolsk John (Wendland) for 1959. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 119–137. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-119-137

В послевоенное время и, особенно, к концу 1950-х гг., в религиозном мире и на международной арене в целом складывалась напряженная ситуация, связанная с тем, что Константинопольский Патриарх Афинагор I (Спиру) под влиянием американских политиков и экуменических тенденций поставил скрытую и, в то же время, многим очевидную цель – объединить под своим началом, прежде всего, все христианские православные церкви. Для Русской православной церкви впоследствии это могло означать откат на несколько веков назад к тем внешнецерковным отношениям, которые сложились между православной средневековой Русью и Константинополем до установления автокефалии РПЦ и утверждения независимого от греков статуса Московской митрополии, а затем возникновения Патриаршества. При этом еще одной главной скрытой целью Вселенского Патриарха, несмотря на тяжелейшее положение РПЦ внутри своего государства во главе с атеистической властью, было целенаправленное сдерживание ее влияния в православном мире и, как крайняя мера, в случае уклонения от участия в активно разворачивавшемся международном экуменическом движении, – полная внешнецерковная изоляция [12, с. 83–95].

В этих условиях начинала складываться деятельность выдающегося церковного дипломата, с 1958 г. епископа Подольского Иоанна

(Вендланда), первого в советское время официального представителя РПЦ при Патриархе Антиохийском в Дамаске, не обладавшего в силу объективных причин обширным церковно-дипломатическим опытом, но отличавшегося уникальными личностными и коммуникативными качествами. Будучи направлен на Ближний Восток в 1958 г. открывать Представительство РПЦ в Сирии и Ливане, архимандрит Иоанн, в скором времени епископ. Выполнял целый спектр сложных, во многом секретных и тонких внешнецерковных задач, решение которых по своим итогам и оценкам имело непосредственно государственное значение. Главное содержание этих задач сводилось к укреплению позиции и авторитета РПЦ в арабских странах Ближнего Востока и Африки как важного инструмента общего усиления внешнеполитического влияния Советского Союза в данном регионе.

В 1959–1960 гг. советские дипломаты были озабочены активизацией деятельности «Греческой вселенской патриархии». Причиной было то, что в ноябре 1959 г. Константинопольский Патриарх Афинагор I (Спиру) совершил беспрецедентную в истории Вселенского Патриархата поездку в Сирию, Ливан, а также Египет.

Многим современникам было тогда очевидно, что данная поездка была инициирована не столько самим Константинопольским Патриархом, сколько, главным образом, США и Ватиканом, и имела целью разорвать канонические связи Восточных патриархатов с РПЦ. Это шло вразрез не только с выстроенными веками приоритетами внешнецерковной политики Русской Церкви, но и с интересами и задачами внешней политики советского государства в середине XX в.

Константинопольский Патриарх стремился восстановить в буквальном смысле свой «вселенский» статус и объединить под своим началом все православные церкви, а затем, в русле глобалистского экуменического вектора, продолжить выстраивание взаимоотношений между Константинопольским Патриархатом и Ватиканом [12, с. 83–95].

Основными источниками по теме являются неопубликованные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), однако в качестве перспективы исследования можно обозначить работу с неопубликованными источниками из архива Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС), такими, как ежемесячные отчеты (первоначально сложилось впечатление, что данные отчеты были ежеквартальными) епископа Иоанна (Вендланда) за 1958–1960 гг. и письма с анализом проделанной им дипломатической работы с рекомендациями и замечаниями его руководителя в те годы – митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича). Два из таких писем, за № 163

от 20 марта 1959 г. на 5 листах с анализом отчета № 1 за тот же год владыки Иоанна, и от 1 июня 1959 г. на 4 листах с анализом отчетов № 3 и 4, имеются в фонде Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР ГА РФ¹.

Источниками личного происхождения, впервые вводимыми в научный оборот, являются письма и два ежедневника (за 1958 и 1959 гг.) епископа Подольского Иоанна (Вендланда), содержащие личные впечатления автора, в частности, о событиях конца ноября 1959 г., связанных с прибытием Патриарха Афинагора в Дамаск.

Один из ежедневников, за 1959 г., был предоставлен для научной работы и написания данной статьи духовной дочерью владыки Иоанна писателем Э.Л. Меженной из сохраненного ею частично изученного и опубликованного, личного архива Иоанна (Вендланда).

В настоящее время Э.Л. Меженной было осуществлено полное издание писем владыки его духовному отцу митрополиту Гурию (Егорову) 1954–1965 гг. с комментариями составителя². Однако, по словам самой Э.Л. Меженной, как минимум два письма были опубликованы в книге с небольшими изъятиями из текста по личным субъективным причинам составителя. В связи с этим обращение к первоисточнику остается актуальным, но пока мало доступным.

Материал одного из ежедневников впервые был представлен в статье, вышедшей в марте 2024 г. [10, с. 28–39]. В научном контексте письма 1959 г. епископа Подольского Иоанна (Вендланда) были уже использованы в ряде статей до их полной публикации Э.Л. Меженной в 2024 г. [11, с. 111–129; 12, с. 83–95]. Свой опыт публикации делопроизводственного источника с авторскими комментариями представил смоленский историк М.В. Каиль [5, с. 474–490].

С результатами исторического анализа зарубежных источников по теме можно познакомиться в книге, посвященной взаимоотношениям Русской, а в интересующий нас период – исключительно Русской Православной Зарубежной Церкви, и Константинопольского Патриархата в XX в. [7]. Отдельную группу источников по теме составляет советская церковная («Журнал Московской Патриархии») периодическая печать.

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836.

² Дорогой и горячо любимый Владыка! Письма митрополита Иоанна (Вендланда) своему духовному отцу митрополиту Гурию (Егорову) 1954–1965 гг. / сост. Э.Л. Меженная. Ярославль, 2024.

Кроме этого, следует отметить, что история церковной дипломатии в XX в. в целом и в советский период в частности мало изучена в современной отечественной историографии, особенно это касается отношений Московской Патриархии и Восточных Патриархатов в 1958–1960 гг., т.е. в период открытия и в самом начале деятельности Представительства РПЦ в Дамаске. В названиях статей можно, правда, встретить такие словосочетания, как «религиозный фактор в международных отношениях и дипломатической работе», «православный фактор в советской дипломатии» и пр. При этом наиболее близкими по проблематике статьи исследованиями являются работы Т.А. Чумаченко, Ц.М. Чикаидзе и Б.Г. Койбаева, Н.А. Беляковой и Н.Ю. Пивоварова [1, с. 130–132; 16; 17, с. 46–54; 18, с. 117–122].

Известен также представленный в виде статьи отзыв А.А. Корнилова на книгу «Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке», написанную А. Мазыриным и А.А. Кострюковым [6, с. 205–210]. Известный церковный историк, профессор М.В. Шкаровский в главе «Московская патриархия на международной арене» своей книги «Православие при социализме» дает общий обзор важных внешнецерковных событий в XX в. [20, с. 42–58].

В статье «Вхождение Константинопольского патриархата в русло внешней политики США в первые годы “холодной войны”» свящ. П. Ермилов, основываясь, в основном, на англоязычных источниках, отмечал, что послевоенное противостояние США с Советским Союзом шло практически по всем направлениям и исключало даже малейшие точки соприкосновения. По мнению автора, уделяя большое внимание религиозному фактору, США стремились придать «холодной войне» еще и религиозное измерение [4, с. 217–233].

В книге профессора О.-М. Клемана «Беседы с патриархом Афинагором» для нас наиболее важны рассказы Константинопольского патриарха о его служении, здесь же мы можем узнать, как выстраивались взаимоотношения Константинопольского патриархата с католической церковью, о переговорах с протестантами и подготовке Всеправославного Собора [2].

Единственным целенаправленным историческим исследованием по теме является авторская статья о поездке Константинопольского Патриарха Афинагора I (Спиру) по арабским странам Ближнего Востока и Африки в конце 1959 г. [12, с. 83–95]. М.В. Шкаровский в своей книге, наиболее близкой по проблематике и хронологии к теме статьи и посвященной истории Константинопольской Православной Церкви в XX в. (1910–1950-е гг.), отметил, что этот период стал не только очень

важным, но и наименее исследованным в истории Константинопольского Патриархата, когда, с одной стороны, само его существование оказалось под угрозой, а с другой – он начал распространять свою юрисдикцию на различные страны, где проживала православная диаспора, порой вступая в острые конфликты с другими Поместными Православными Церквями [19, с. 135–179]. Однако события, связанные непосредственно с визитом Константинопольского Патриарха Афинагора I (Спиру) в арабские страны Ближнего Востока и Египет в 1959 г., в одном из пунктов первой главы, посвященном борьбе за лидерство в православном мире в 1945–1950-х гг., никак не упоминались.

Возвращаясь к письмам и ежедневнику владыки Иоанна, хотелось бы вспомнить, что с конца XVII в. и до настоящего времени наличие ежедневника свидетельствовало о значимости особы, которая им пользовалась, а также подразумевало: в ежедневнике было что записывать. Важно отметить, что ежедневник епископа Иоанна (Вендланда) за 1959 г. имел, несомненно, явные черты другого исторического источника личного происхождения – личного дневника, в котором отчасти представлены повседневные записи мыслей и наблюдений автора о том, что он видел и переживал. Перспективу исследования ежедневника, мини-дневника владыки, представляет, главным образом, применение разных методов работы с данным видом источником, включая возможности метода контент-анализа и программных методов оптического распознавания символов.

Другим уникальным источником по данной теме, в настоящее время уже опубликованным, но впервые вводимым в научный оборот, является одно из писем владыки Иоанна от 25 ноября 1959 г. своему духовному отцу, в то время митрополиту Минскому и Белорусскому Гурию (Егорову) с Ближнего Востока с описанием его участия во встрече Константинопольского Патриарха в Дамаске в ноябре 1959 г. Вот его фрагмент: «...Последнее мое письмо было о моих ближайших проектах: участие во встрече Патриарха и о предполагаемой поездке в Иерусалим. Теперь первое уже исполнено, и я надеюсь, что через некоторое время будет сделано также и второе»³. В связи с пребыванием Константинопольского Патриарха с 19 по 24 ноября 1959 г. в Дамаске (Сирия) были организованы торжественные встречи и проводы, предполагавшие великолепные приемы с постным угощением. Поскольку Антиохийская Православная Церковь до сих пор придерживается новоюлианского

³ Письмо епископа Иоанна (Вендланда) из Дамаска за 1959 г. Из личного архива Э.Л. Меженной.

календаря, Рождественский пост в ее приходах начинается раньше на две недели. Для Константинопольского Патриарха были организованы также официальные приемы в правительстве, у Патриарха Антиохийский и всего Востока Феодосия VI (Абурджели), в православной общине. Во всем этом принимал активное участие владыка Иоанн.

Анализируя его записи за ноябрь 1959 г., следует отметить вербальную активность в первую декаду месяца, особенно 3 ноября, описанию событий которого оказалось недостаточно одной полной страницы («прибавление к 3-му ноября» было продолжено автором на странице за 5 ноября). 10–11 ноября 1959 г. записей нет; 12 ноября – только одна краткая запись: «Послал письмо Владыке Гурию». С 13 по 18 ноября (6 дней) – записей также нет и, наконец, 19 ноября появляется запись о встрече Святейшего Патриарха Константинопольского Афинагора в пригороде Дамаска; далее были молебны, речи и ужин в Патриархии. Во встрече участвовали представители всех религий, но не все были приглашены на ужин. Дальше на странице заголовок «Константинопольская Патриархия» с краткой справкой о ней: «имеет в Турции только 100.000 православных, но зато США – 1.500.000! В США 6 епископов и 1 архиепископ Константинопольского Престола!»⁴.

В письме владыке Гурию, незадолго до этого возведенному в сан митрополита Минского и Белорусского, епископ Иоанн подробно описывал торжественную литургию в кафедральном соборе Дамаска, совершенную двумя Патриархами⁵ 22 ноября 1959 г. в сослужении 8 архиереев (4 греков, 3 арабов и епископа Иоанна), 6 священников (архимандритов, протоиереев и иереев) и 4 диаконов⁶. Как отмечает в ежедневнике церковный дипломат, сослужить в этой службе было для него честью, необходимостью и большим утешением⁷.

Перед этим событием, 20 ноября 1959 г., в ежедневнике владыки Иоанна была сделана следующая запись: «Ранняя Литургия у нас»⁸

⁴ Ежедневник епископа Иоанна (Вендланда) за 1959 г. Из личного архива Э.Л. Меженной.

⁵ Имеются в виду Константинопольский Патриарх Афинагор I (Спиру) и Антиохийский Патриарх Феодосий VI (Абурджели).

⁶ Письмо епископа Иоанна (Вендланда) из Дамаска за 1959 г. Из личного архива Э.Л. Меженной.

⁷ Участие в службе владыки Иоанна было для него, как он сам пишет, «большим утешением», вероятнее всего потому, что служба совершалась не на арабском, а на греческом языке (более близком русскому человеку в плане церковных песнопений и др.). Из писем владыки на родину нам известно, что он очень скучал по своей духовной семье и русской церковной службе.

⁸ Скорее всего, имеется в виду ранняя Литургия в домовом храме в честь Святого Иоанна Златоуста в здании Представительства Московского Патриархата в Дамаске

и поездка в Сейднайский м[онасты]рь. Состав делегации: Патриарх⁹ – 1, Митрополиты – 3, Архимандриты – 2, Диякон – 2, Кавас – 1, Профессор Фотиадис – 1. Всего – 10 человек». Приписка мелким (сложно разборчивым) почерком рядом справа от записи «Митрополиты» в круглых скобках «(среди них [Мелетий Филадельфийский], который просил передать особый привет о. Виталию Боровому¹⁰)»¹¹.

21 ноября 1959 г. была отслужена ранняя Божественная литургия, по всей видимости, в домовом храме Представительства Московского Патриархата в Дамаске, поскольку владыка Иоанн сделал в ежедневнике запись «ранняя Литургия у нас». Далее последовал Правительственный прием в гостинице «Ориент», на котором присутствовало много мусульман, но не было католиков. Один из присутствовавших на приеме, Нурреддин Кохали, сказал, что он был рад приветствовать Патриарха Афинагора персонально, как главу Церкви (высокая личность этого заслуживала). Община православных, по словам Н. Кохали, составляла известную часть нации и отличалась высоким патриотическим духом, борясь против империалистов. В этой борьбе она дала своих мучеников¹².

Далее владыка Иоанн сделал небольшую запись о своем личном разговоре с Константинопольским Патриархом. В беседе с ним Патриарх Афинагор высказал желание увидеть Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, что являлось якобы его давней мечтой, о которой он уже написал Святейшему в письме. По словам Патриарха Афинагора, до сих пор у него не было возможности совершить такую поездку, но ситуация изменилась. При этом Патриарх Афинагор заверил владыку Иоанна, что ни один из вопросов, касающихся православия, не мог быть решен без участия РПЦ и без предварительного совещания с ней¹³. На деле же представители Патриархий капиталистических стран

⁹ Вероятнее всего, раз речь идет о делегации, то здесь упомянут Константинопольский патриарх Афинагор, а не Антиохийский – Феодосий.

¹⁰ Виталий Михайлович Боровой (1916–2008) – протопресвитер, почетный настоятель Московского храма Воскресения Словущего на Успенском Вражке. С 5 июня 1959 г. являлся сотрудником ОВЦС Московского Патриархата, занимая в нем ответственные должности. 28 августа 1960 г. вошел, как постоянный член, в состав учрежденной патриархом Алексием I Комиссии по межхристианским связям РПЦ, с 1963 г. преобразованной в Комиссию Священного Синода по вопросам христианского единства, а затем – в Синодальную богословскую комиссию. Был активным участником подготовки вступления РПЦ во Всемирный Совет Церквей. 10 октября 1962 г. назначен членом делегации наблюдателей Московского Патриархата на II Ватиканском Соборе.

¹¹ Ежедневник епископа Иоанна (Вендланда) за 1959 г. Из личного архива Э.Л. Меженной.

¹² Там же.

¹³ Там же.

при самом активном участии Константинопольского Патриарха Афинагора были намерены без участия представителей Православных церквей социалистических стран обсудить некоторые религиозные вопросы [11, с. 119].

Епископа Иоанна как человека любознательного и творческого в его новом церковно-дипломатическом статусе не могла не привлечь личность самого Константинопольского Патриарха, описанию которого было уделено внимание в его письме владыке Гурию от 25 ноября 1959 г. (он писал ему исключительно часто). Так, он описывает Вселенского владыку, возглавлявшего Божественную Литургию 22 ноября 1959 г.: «человек огромного роста, мощного телосложения, хорошо сохранившихся физических сил при возрасте 74 года, с длинной бородой»¹⁴. Однако добродушный вид и видимая доступность в общении (с Константинопольским Патриархом владыка Иоанн беседовал, как он пишет, не один раз), были по отношению к церковному дипломату лишь внешними, неискренними. При этом во всех этих беседах Патриарх выражал свое расположение к РПЦ и любовь к Святейшему Патриарху Алексию¹⁵.

Не осталось без описания и великолепное облачение Константинопольского Патриарха, поскольку оно было таких же цветов, как и хиротонисанное облачение его духовного отца митрополита Гурия (Егорова), но только наоборот: саккос у Патриарха Афинагора был пурпуровый, а омофор белый. На следующий день, 26 ноября, в память святителя Иоанна Златоуста епископ Иоанн должен был праздновать свой день Ангела. В письме владыке Гурию он не без грусти предположил, что его именины¹⁶ в этом году пройдут скромнее, чем когда бы то ни было, не будучи отмечены ничем ни церковным, ни гражданским¹⁷.

В ежедневнике владыка Иоанн также сделал запись о памятной торжественной службе 22 ноября 1959 г., совершенной двумя Патриархами¹⁸. На Патриархе Афинагоре было тяжелое трехсотлетнее пурпуровое

¹⁴ Ежедневник епископа Иоанна (Вендланда) за 1959 г. Из личного архива Э.Л. Меженной.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ежегодно 26 ноября РПЦ чтит память святителя Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в честь которого был пострижен в монашество епископ Иоанн (в миру К.Н. Вендланд). Но поскольку Антиохийская православная церковь придерживается новоюлианского календаря, память святителя Иоанна Златоуста ею празднуется в другой день.

¹⁷ Письмо епископа Иоанна (Вендланда) из Дамаска за 1959 г. Из личного архива Э.Л. Меженной.

¹⁸ Литургия, совершенная двумя Патриархами – Константинопольским Патриархом Афинагором I (Спиру) и Антиохийским Патриархом Феодосием VI (Абурджели).

облачение, расшитое золотыми выпуклыми орнаментами и шелком шитыми иконами, с белым поверх омофором. Служили два Патриарха, 8 архиереев (три грека): Яков Дерконский, Максимос Сардийский, Яков митрополит Филадельфийский, Яков Аттикийский (из Афинской Церкви), [митрополит Захлейский и Илипольский] Нифон Саба, [митрополит Эмесский (Хомский)] Александр Жеха, [митрополит Гор Ливанских] Илия Карам, Иоанн епископ Подольский; 4 архимандрита (два грека, два араба); протоиерей и иерей. Патриарх Афинагор на Великом входе поминал Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского). Владыке Иоанну было приятно слышать имя Патриарха Алексия, дважды произнесенное на этой исторической службе. Но Патриарх Афинагор помянул также Дионисия Варшавского¹⁹ и совсем не помянул Болгарского Патриарха²⁰. Один из сослуживших Патриарху архиереев не причащался, сказав, что он обиделся за болгар. Владыка Иоанн был недоволен «нелепым греческим переводом» речи патриарха Феодосия, задержавшим Причастие²¹.

Работая с текстом данной записи владыки Иоанна от 22 ноября 1959 г., мы встретили в нем много сокращений, часть которых пока не расшифрована и была понятна только автору ежедневника, например, «стычка К. с патриархом из-за Мураитакиса»²². Вне дополнительного контекста и без привлечения круга других источников это сделать весьма затруднительно, но важно и, как оказалось, возможно, поскольку имя Мураитакис фигурирует в записях владыки Иоанна как минимум дважды. Некоторый ответ относительно личности указанного в ежедневнике человека обнаружился в книге М.В. Шкаровского, вероятнее всего, речь идет о протопресвитере Константине Маройтакисе (а не Мураитакисе, как это в записи владыки), который по благословению Константинопольского Патриарха Максима в 1948 г. был в составе делегации его экзарха в Центральной и Западной Европе митрополита Фиатирского Германа вместе с митрополитом Родосским Тимофеем,

¹⁹ Митрополит Варшавский Дионисий (Валединский) (1876–1960) – ведущий деятель Польской автокефалии. 23 мая 1924 г. Патриарх Московский и всея России Тихон (Белавин) направил письмо митрополиту Дионисию с резким осуждением самочинного перехода Польской Церкви под Константинопольский омофор.

²⁰ Болгарский Патриарх Кирилл (Константинов) (1901–1971) поддерживал тесные связи с РПЦ, неоднократно посещал СССР: впервые – в июле 1948 г. в составе делегации Болгарской Православной Церкви по случаю 500-летия автокефалии РПЦ. Причина непоминовения заключалась и в сложном вопросе о предоставлении автокефалии Болгарской Православной Церкви, которая в 1953 г. стала Патриархатом.

²¹ Ежедневник епископа Иоанна (Вендланда) за 1959 г. Из личного архива Э.Л. Меньшой.

²² Там же.

отправленной на празднование 500-летия автокефалии Русской Церкви [19, с. 153].

Из записей епископа Иоанна мы также узнаем, что для прояснения позиции Константинопольского Патриархата в отношении РПЦ епископ Иоанн искал менее формальной и, по возможности, личной встречи и разговора с прибывшим в Дамаск Константинопольским Патриархом. Единственного и наверняка краткого разговора, вероятнее всего, на правительственном приеме в «Ориенте» 21 ноября после ранней Божественной литургии, было недостаточно. При этом Константинопольский Патриарх явно уклонялся от прямого общения, о чем свидетельствует запись в ежедневнике владыки Иоанна от 23 ноября 1959 г. (понедельник): «В ответ на мое неоднократное приглашение посетить наше Представительство Патриарх Афинагор прислал вечером митрополита Филадельфийского Иакова и Патриаршего Архидиакона, вместе с митрополитом И[лией] Карамом (также включенным в состав делегации), помолвившихся в храме»²³. «Взволнованный и очень сосредоточенный» митрополит Иаков, по впечатлению, произведенному на владыку Иоанна, произнес заранее подготовленную речь. Объясняя сложившуюся в плане церковного этикета ситуацию, он сказал, что Его святейшество Патриарх Афинагор прислал его, чтобы ответить на визит владыки, который тот сделал в честь его Святейшества, а также чтобы передать ему Патриаршее благословение. При этом он добавил, что «сейчас начинается новая эпоха, эпоха, когда все двери начинают одна за другой открываться, обстановка улучшается, и вместо напряженности мы приходим к сотрудничеству»²⁴.

Далее епископ Иоанн в своей записи отметил, что в дальнейшей беседе митрополит Иаков высказал надежду на то, что со временем все трудности, которые имелись между русскими за границей и Московским Патриаршим престолом, устроятся. О коммунизме он сказал, что как социальный строй – это идеал, но в идеологическом отношении имеет недостаток – антирелигиозность. Он высказал надежду, что в будущем коммунизм возьмет форму, лишённую этого недостатка. По его мнению, все революции порождали крайности, но впоследствии история находила средний и более правильный путь²⁵.

Одной страницы ежедневника за 23 ноября для завершения начатого текста не хватило, поэтому его окончание с заголовком «Продолжение понедельника 23 ноября» было сделано на следующей странице

²³ Ежедневник епископа Иоанна (Вендланда) за 1959 г. Из личного архива Э.Л. Меньшой.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

за 24 ноября (вторник). Из записи мы узнаем, что вечером состоялся прием Православной общины в гостинице «Семирамис», на котором, по всей видимости, должен был присутствовать, но не присутствовал Константинопольский Патриарх. В связи с чем епископу Иоанну вновь были высказаны извинения²⁶.

После окончания записи за 23 ноября епископ Иоанн перешел к хронике церковных событий следующего дня (вторник 24 ноября) и записал, что утром, за час до отъезда, Патриарх Афинагор собрал всех наличных членов Синода Антиохийской Церкви и сказал им речь, пересказ которой владыка Иоанн слышал от митрополитов Афанасия и Александра (Жеха), а те, в свою очередь, в переводе Антиохийского Патриарха Феодосия. Основное содержание сводилось к тому, что «мы имеем врагов – католиков и протестантов. Против них мы должны объединиться, укрепляя Православие. Есть вопросы внутрицерковные, и есть междуцерковные. Мы должны прежде всего устранить все имеющиеся между церквями недоразумения, и мы должны быть все вместе»²⁷.

Перед тем как начать столь большую и важную работу, направленную на объединение всех православных церквей под своим началом, Вселенский Патриарх решил помолиться у Гроба Господня и получить благословение от его святыни. Для этого, по мнению Патриарха Афинагора, главы Православных Церквей должны были собираться ежегодно. РПЦ должна была также участвовать в этих собраниях: «я намерен на первый раз пригласить Московского Патриарха на Родос, и в следующем году с удовольствием поеду в любое другое место, безразлично какое, хоть в Софию, хоть в Москву – куда угодно»²⁸.

Завершение последнего предложения процитированного текста (слова «хоть в Софию, хоть в Москву – куда угодно») было помещено на страницу за 25 ноября, на которой владыкой Иоанном была продолжена запись со следующим комментарием к подобного рода высказываниям Патриарха Афинагора: «В этой речи кажется странным заявление “Мы имеем двух врагов – католиков и протестантов”, т.к. это противоречит всей активнейшей экуменической работе Константинопольского престола, в которой он себя показывает как друг протестантов. Учтывая, что митрополиты, передавшие нам речь, не понимали по-гречески, а фраза “Мы имеем двух врагов – католиков и протестантов” – очень типична для Феодосия»²⁹. Поэтому епископ Иоанн предположил, что

²⁶ Ежедневник епископа Иоанна (Вендланда) за 1959 г. Из личного архива Э.Л. Меньшой.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

слово *протестанты* было внесено в контекст передаваемой речи первым переводчиком (вероятно, с определенным умыслом).

Из записей владыки мы также узнаем, что вечер того же дня завершился просмотром советского фильма «Братья Карамазовы». Для церковного дипломата была важна еще и такая информация, которую он, вероятнее всего, включил в один из своих отчетов: Патриарх Афинагор давал деньги: 500 долларов приюту – в Хаме; 1 тыс. долларов – Сейд-найскому монастырю; 2500 долларов – православной гимназии Дамаска; 500 долларов – школе [Кассаи]; 10 тыс. сирийских лир греческой школе в Дамаске. Отдельно (в квадратике очень мелким почерком слева) выделена информация: «Наши друзья, с которыми мы можем соединиться – это Церкви, отделившиеся в V столетии. К ним направлены наши... [далее два слова написаны неразборчиво]»³⁰.

Запись «Звонок из Бейрута» в среду 25 ноября подчеркнута, что свидетельствует о важности данного звонка. И еще одна краткая запись: «Послал письмо Владыке Гурию и Еремеевой»³¹.

26 ноября 1959 г. (в четверг) в день памяти святителя Иоанна Златоуста владыка Иоанн отмечал свой день ангела. В самом начале страницы ежедневника за этот день был сделан заголовок «Мои именины» (сверху подклеены два листа с текстом, написанном от руки на французском языке). На утро 26 ноября у епископа Иоанна был намечен визит к Антиохийскому Патриарху Феодосию. Во время общения Патриарх Феодосий поделился с владыкой Иоанном конфиденциальной информацией, сказав, что Патриарх Константинопольский имел намерение (по его, Феодосия, настоянию) направить не письмо, а целую делегацию к Патриарху Алексию, с приглашением посетить Константинополь. К тому времени он рассчитывал убедить турецкое правительство разрешить этот приезд. Предполагалось, что два патриарха, Афинагор и Алексей, подготовят почву для будущего Всеправославного (Pan-Orthodox) предсоборного совещания. Патриарх Феодосий дал епископу Иоанну предполагаемую программу вопросов. На вопрос владыки об экуменических намерениях Патриарха Афинагора Антиохийский Патриарх ответил очень неохотно, что это «несбываемая мечта», что соединение с «восточной» церковью якобы потребует слишком много денег.

В связи с днем ангела в ежедневнике епископа Иоанна под этой датой мы видим и такую запись; «обед с Ив[аном] Петр[овичем], Ив[аном]

³⁰ Ежедневник епископа Иоанна (Вендланда) за 1959 г. Из личного архива Э.Л. Меженной.

³¹ Там же.

Ем[...], Влад[имиром] Ив[ановичем]», а также информацию о полученных поздравительных телеграммах: от Святейшего Патриарха Алексия, митрополита Николая (Ярушевича), митрополита Иоанна (Соколова), архимандрита Никодима (Ротова) и др.³²

С 27 по 29 ноября 1959 г. записей нет. Завершается ноябрь записью «Бедный холодный сапожник Авдиша Закария и жена дочка [Линда] муж у нее[донской] из России в 30 году...». От имени Линда стрелочка вниз на цифру 3, рядом слово написано неразборчиво, возможно три мальчика, имеются в виду дети. Наконец, перескакивая через краткие записи первых декабрьских дней, 6 декабря 1959 г. епископ Иоанн (Вендланд) внизу очередной страницы отметил, что ноябрьский отчет будет за № 9 и в прибавление к нему в нем будет говориться о неудавшейся попытке проехать в Иерусалим³³.

Общий итог пребывания в качестве церковного дипломата на Ближнем Востоке в течение почти двух лет, свои чувства и переживания владыка Иоанн выразил в конце письма от 25 ноября 1959 г. духовному отцу владыке Гурию: «На Ваш вопрос – привык ли я к окружающей обстановке – я отвечу, что привыкнуть невозможно, а терпеть можно. Как голод можно терпеть, но никак нельзя находить его приятным. Так и я, духовно голодаю по церковной службе на родном языке, такой содержательной и трогательной, и по оставшимся на Отчизне родным людям. Конечно, и здесь много разнообразных утешений, которые помогают тому, что время идет быстрее»³⁴.

Таким образом, изучение темы церковной дипломатии на Ближнем Востоке в середине XX в. является актуальной и важной, поскольку на Западе и в современной диссидентской среде продолжают активно продвигать мысль, что СССР в свое время завоевал мир т.н. «мягкой силой» во время холодной войны. Под понятием «мягкой силы» понимался Институт РПЦ как инструмент во внешней политике Кремля. Усилив в послевоенное время свою военную и политическую силу и воспитав действительно сильных и духом, и телом людей, СССР, тем самым, сумел на определенном этапе «победить самодовольные Штаты». Об этом говорил и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «наши политические противники, противники нашего государства размышляли о причинах влияния Советского Союза, а затем и России на арабский мир, на Восточное Средиземноморье,

³² Ежедневник епископа Иоанна (Вендланда) за 1959 г. Из личного архива Э.Л. Меженной.

³³ Там же.

³⁴ Из личного архива Э.Л. Меженной.

на православный мир. И вот какое суждение вынесли: главной и основной “мягкой силой”, которая якобы осуществляет политику государства в отношении этих регионов, является Русская Православная Церковь. Они, конечно, ошиблись, потому что Русская Православная Церковь никогда не оказывала политического влияния. Но в чем-то они не ошиблись...”³⁵.

Привлечение нового круга источников по теме, в частности, впервые вводимых в научный оборот ежедневника и писем церковного дипломата епископа Подольского Иоанна (Вендланда) за 1959 г., позволяет по крупицам воссоздать детали и изучить некоторые тонкости внешне-церковной деятельности РПЦ в хрущевское время, а также более подробно узнать об истинных целях беспрецедентного за последние столетия визита Константинопольского Патриарха Афинагора I (Спиру) в Дамаск. Наметившийся к середине XX в. вектор в развитии межхристианского взаимодействия в мире продолжает усиливаться в гипертрофированном виде и в настоящее время благодаря опасной, развивающейся в соответствии с «теорией восточного папизма», деятельности нынешнего Константинопольского Патриарха Варфоломея I. В результате с первой половины XX в. духовная власть Константинопольской Церкви, часто называемой по традиции Фанаром, стала испытывать сильное тяготение к Западу и, в итоге, к началу XXI в. стремительно терять свою самостоятельность.

Библиографический список / References

1. Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 11. № 4. С. 130–132. [Belyakova N.A., Pivovarov N.Yu. Religious diplomacy in the service of the Soviet state during the Cold War (during the period of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev). *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 2019. Vol. 11. No. 4. Pp. 130–132. (In Rus.)]
2. Беседы с патриархом Афинагором / Оливье Клеман; пер. с фр. Вл. Зелинского. Брюссель, 1993. [Besedy s patriarhom Afinagorom Conversations with Patriarch Athenagoras]. O. Clement; transl. from French. Brussels, 1993.]
3. Бурганова Н.И. Компаративный анализ внешней политики Советского Союза после II Мировой войны на Ближнем Востоке // *В мире научных открытий*. 2015. № 7-2 (67). С. 691–700. [Burganova N.I. Comparative

³⁵ Рождественское интервью Святейшего Патриарха Кирилла телеканалу «Россия-1» // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6091171.html?ysclid=lr6aqnalfv62804830> (дата обращения: 09.01.2024).

- analysis of the foreign policy of the Soviet Union after World War II in the Middle East. *V mire nauchnyh otkrytij*. 2015. No. 7-2 (67). Pp. 691–700. (In Rus.)]
4. Ермилов П.В. Вхождение Константинопольского патриархата в русло внешней политики США в первые годы «холодной войны» // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 3 (36). С. 217–233. [Ermilov P.V. The entry of the Patriarchate of Constantinople into the mainstream of US foreign policy in the first years of the Cold War. *Problemy nacionalnoj strategii*. 2016. No. 3 (36). Pp. 217–233 (In Rus.)]
 5. Каиль М.В. Церковная дипломатия в СССР 1960-х гг. в частном рапорте епископа Питирима (Нечаева) митрополиту Никодиму (Ротову) о паломничестве в Святую Землю // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 474–490. [Kail M.V. Church diplomacy in the USSR of the 1960s in the private report of Bishop Pitirim (Nechaev) to Metropolitan Nikodim (Rotov) on pilgrimage to the Holy Land. *Vestnik arhivista*. 2023. No. 2. Pp. 474–490. (In Rus.)]
 6. Корнилов А.А. Своеобразие дипломатии Константинопольской церкви в отношениях с Русской православной церковью в XX столетии // Христианское чтение. 2019. № 2. С. 205–210. [Kornilov A.A. The originality of the diplomacy of the Constantinople Church in relations with the Russian Orthodox Church in XX century. *Hristianskoe chtenie*. 2019. No. 2. Pp. 205–210. (In Rus.)]
 7. Мазырин А., свящ., Кострюков А.А. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017. [Mazyrin A., Kostryukov A.A. Iz istorii vzaimootnoshenij Russkoj i Konstantinopolskoj Cerkvej v XX veke [From the history of the relationship between the Russian and Constantinople Churches in XX century]. Moscow, 2017.]
 8. Матвеев И.А. Национальная и общерабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке (1946–2003). М., 2004. [Matveev I.A. Nacionalnaya i obshchearabskaya sлагаемые politiki Sirii na BlizhnemVostoke (1946–2003) [National and pan-Arab components of Syria's policy in the Middle East (1946–2003)]. Moscow, 2004.]
 9. Нелюбов Б.А. Афинагор I // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 85–87. [Nelyubov B.A. Afinagor I. *Pravoslavnaya enciklopediya*. Moscow, 2002. Vol. 4. Pp. 85–87. (In Rus.)]
 10. Новоторцева А.М. Ежедневник митрополита Иоанна (Вендланда) как пример источника личного происхождения в изучении истории внешних связей Русской православной церкви // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. С. 28–39. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-28-39 [Novotortseva A.M. The daily diary of Metropolitan John (Wendland) as an example of a source of personal origin in the study of the history of external relations of the Russian Orthodox Church. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 28–39. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-28-39]
 11. Новоторцева А.М. Институт Русской православной церкви как инструмент усиления внешнеполитического влияния Советского Союза в арабских странах Ближнего Востока в 1958–1960 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 2. С. 111–129. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-111-129 [Novotortseva A.M. The Institute of the Russian

- Orthodox Church as an instrument of strengthening the foreign policy influence of the Soviet Union in the Arab countries of the Middle East in 1958–1960. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 111–129. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-111-129]
12. Новоторцева А.М. Поездка Константинопольского патриарха Афинагора I (Спиру) по арабским странам Ближнего Востока и Африки в конце 1959 г. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 83–95. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-83-95 [Novotortseva A.M. The trip of Patriarch Athenagoras I of Constantinople (Spiru) to the Arab countries of the Middle East and Africa at the end of 1959. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 83–95. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-83-95]
 13. Пелипась М.Я. Скované одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003. [Pelipas M. Ya. Skovannye odnoj seruu: SShA i Velikobritaniya na Blizhnem i Srednem Vostoke v 1945–1956 gg. [Chained together: The United States and Great Britain in the Near and Middle East in 1945–1956]. Tomsk, 2003.]
 14. Пивоваров Н.Ю. Кого приглашали в СССР и кого отправляли за границу по религиозной линии (1943–1985 гг.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2017. Т. 35. № 1. С. 185–188. [Pivovarov N.Yu. Who was invited to the USSR and who was sent abroad along the religious line (1943–1985). *Gosudarstvo, religiya, Cerkov v Rossii i za rubezhom*. 2017. Vol. 35. No. 1. Pp. 185–188. (In Rus.)]
 15. Стоун Н. Краткая история Турции. М., 2014. [Stone N. *Kratkaya istoriya Turcii* [A brief history of Turkey]. Moscow, 2014.]
 16. Чикаидзе Ц.М. Ближний Восток в 1920–1950-е гг.: политический ракурс. Владикавказ, 2018. [Chikaidze C.M. *Blizhnij Vostok v 1920–1950-e gg.: politicheskij rakurs* [The Middle East in the 1920s–1950s: A political perspective]. Vladikavkaz, 2018.]
 17. Чикаидзе Ц.М., Койбаев Б.Г. Ближний Восток: политическая составляющая (1920–1950-е) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1. С. 46–54. [Chikaidze Ts.M., Koibayev B.G. The Middle East: A political component (1920–1950-e). *Nauchnaya mysl Kavkaza*. 2017. No. 1. Pp. 46–54. (In Rus.)]
 18. Чумаченко Т.А. Отношения Московской Патриархии и Восточных Патриархатов в контексте эволюции ближневосточной политики советского руководства. 1953–1964 годы // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2015. № 2. (357). Вып. 62. С. 117–122. [Chumachenko T.A. Relations of the Moscow Patriarchate and the Eastern Patriarchates in the context of the evolution of the Middle East policy of the Soviet leadership. 1953–1964 years. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2015. No. 2 (357). Issue 62. Pp. 117–122. (In Rus.)]
 19. Шкаровский М.В. Константинопольская и Русская Церкви в период великих потрясений (1910–1950-е гг.). М., 2019. [Shkarovskij M.V. *Konstantinopolskaya i Russkaya Cerkvi v period velikih potryasenij* (1910–1950-e gg.) [Constantinople and the Russian Churches in the period of great upheavals (1910–1950s)]. Moscow, 2019.]

20. Шкаровский М.В. Православие при социализме // Православный портал «Азбука веры». URL: (дата обращения: 25.09.2023). [Shkarovsky M.V. Orthodoxy under socialism. Orthodox portal “Azbuka very”. URL: (date of address: 25.09.2023)]
21. Шкаровский М.В. Русская православная церковь в 1958–1964 годах // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 42–58. [Shkarovsky M.V. The Russian Orthodox Church in 1958–1964. *Voprosy istorii*. 1999. No. 2. Pp. 42–58. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 14.06.2024, принята к публикации 18.07.2024
The article was received on 14.06.2024, accepted for publication 18.07.2024

Сведения об авторе / About the author

Новоторцева Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Anna M. Novotortseva – PhD in History; associate professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: annov1@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-138-142

УДК 327

Л.Я. Прокопенко

Институт Африки РАН,
123001, г. Москва, Российская Федерация

Рецензия на книгу:

Филиппов В.Р. Африканская политика
президента Франции Э. Макрона:
хроника действий и эволюция идей
(2017–2022 гг.). М., 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Прокопенко Л.Я. Рецензия на книгу: Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей (2017–2022 гг.). М.: Институт Африки РАН, 2023. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 138–142. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-138-142

FOR CITATION: Prokopenko L.Ya. Book Review: V.R. Filippov. African policy of the President of France E. Macron: Chronicle of actions and evolution of ideas (2017–2022). Moscow, 2023. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 138–142. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-138-142

Новая монография В.Р. Филиппова – итог многолетнего исследования автором темы африканской политики Франции. Фактически она является продолжением его книги «Франсафрик: тень Елисейского дворца над Черным континентом», изданной в 2016 г. С 2018 по 2022 гг. автор

© Прокопенко Л.Я., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

опубликовал в научных журналах 22 статьи, посвященные африканской политике Французской Республики в период президентского правления Э. Макрона. Основные положения, сформулированные в них, изложены на страницах рецензируемой монографии.

Актуальность и новизна исследования В.Р. Филиппова не вызывает сомнений. Следует отметить, что эти годы стали временем серьезных геополитических трансформаций в мире, которые не могли не сказаться на африканской политике Франции. В годы правления Э. Макрона явственно обозначились кризис и быстрая деградация французской модели неокOLONиализма. Автор показал проявления кризиса во французско-африканских отношениях. Он справедливо отметил, что «Франция стремительно теряет свои позиции в Африке» (с. 188). В работе В.Р. Филиппова четко обозначены объективные и субъективные причины этого процесса.

На базе обширного круга источников и научной литературы (в т.ч. более 100 наименований на французском языке) В.Р. Филиппов детально проанализировал и на теоретическом уровне осмыслил тесную взаимосвязь исторических, экономических и политических оснований африканской политики президента Франции Э. Макрона. Детально анализируя калейдоскоп политических событий, произошедших в последние годы в ряде стран Африки (Буркина-Фасо, Габоне, Джибути, Мали, Того, Тунисе, Центральноафриканской Республике (ЦАР) и др.), автор аргументировано показал влияние на их развитие политики французского неокOLONиализма.

Во введении В.Р. Филиппов дает представление о сложном военно-политическом феномене «Франсафрик» – специфической французской модели неокOLONиализма, получившей это название в 1960-е гг. По мнению автора, «Франсафрик» представляет собой одновременно и идеологическое обоснование французского неокOLONиализма, и совокупность политических практик, которые позволяют до настоящего времени контролировать (в той или иной степени) страны, бывшие до середины 1960-х гг. французскими колониями, и совокупность лоббистских сетей, которые позволяют (или позволяли до недавнего времени) контролировать политические, военные и экономические элиты ряда африканских государств. Автор показывает, что «Франсафрик» фактически стал объективацией особой агрессивной модели французского неокOLONиализма. Во введении также дан историографический обзор трудов на французском и русском языках, посвященных рассмотрению эволюции африканской политики Франции в период с начала учреждения Пятой республики (фактически с момента распада колониальной империи) до окончания первого срока (в 2022 г.) президентского правления Э. Макрона.

В первой главе дан обстоятельный критический анализ первых шагов африканской политики Э. Макрона. Показано, как в самом начале своей президентской карьеры амбициозный и самонадеянный политик намеревался следовать курсу своих предшественников и строить отношения со странами Черного континента «сильной военной рукой», что обещал сразу после своей инаугурации в 2017 г. (с. 186). Об этом свидетельствовали его визит на военные базы Франции в Сахеле и твердое намерение продолжить операцию «Бархан».

Во второй главе анализируются ход и результаты первого африканского турне Макрона. Оно убедило французского президента в невозможности дальнейшего продолжения жесткой военной политики в африканских странах.

Автор отмечает, что молодой президент Франции осознал необходимость изменения тональности общения с африканцами и обращения к риторике «мягкой силы». Эта тема развита в третьей главе книги.

В четвертой главе говорится о том, что в сложившейся геополитической ситуации Макрон очень мало может предложить своим африканским партнерам. Автор констатирует тот факт, что Франция быстро уступает свои экономические и, соответственно, политические позиции Китаю как в тех странах, которые прежде находились в сфере французской политики, так и в англоязычных странах Африки, которые Макрон надеется склонить к сотрудничеству.

В пятой главе отдельный параграф посвящен отношениям России с рядом бывших колоний Франции. Детально описан процесс интенсификации отношений ЦАР с Россией – от совместной разработки природных ресурсов африканской республики до сближения в сфере военного сотрудничества (с. 135–154). Автор анализирует оценки западных исследователей данного вопроса, подчеркивая поверхностность некоторых из них.

В.Р. Филиппов справедливо отмечает, что Елисейский дворец «практически полновластно использовал ресурсы франкоязычных стран Тропической Африки» (с. 153–154). Действительно, энергобаланс Франции в большой степени базируется на атомной энергетике (около 75%), поэтому она крайне заинтересована в закупках стратегического сырья в Нигере, ЦАР, Мали и других странах Африки. В пятой главе автор показывает, как государственные перевороты в ЦАР, Мали и Буркина-Фасо привели в итоге к изгнанию французских военных из этих стран и к бесславному завершению военной операции «Бархан».

Необходимо отметить, что Э. Макрон родился в 1977 г. и принадлежит к т.н. «поколению X» французской элиты, пришедшему после выборов 2017 г. на смену поколению «бэби-бумеров» (Н. Саркози,

Ф. Олланд, Ф. Фийон, Ж.-М. Эйро, Ж.-П. Раффарен). Ключевое слово Макрона – «эффективность». Как политический лидер нового типа президент Франции «руководствуется принципами рациональности и ориентирован на скорость в проведении преобразований»¹. В.Р. Филиппову удалось показать это на примере африканской политики Макрона. Он отмечает, что французский президент «попытался убедить молодых африканцев в том, что он политик нового поколения, что теперь отношения Пятой республики с суверенными африканскими странами будут строиться на основах равноправия и взаимовыгодного сотрудничества» (с. 192).

В заключении В.Р. Филиппов обосновывает фундаментальный вывод о том, что «Франсафрик» и как политическая доктрина, и как военно-политическая практика претерпевает жесткий системный кризис. Указывается, что новые геополитические трансформации «обусловили начало конца доминирования Франции в Западной и Центральной Африке» (с. 183). Автор отмечает, что в африканской политике Макрона произошла трансформация в сторону «мягкой силы» (с. 192). Развитие событий 2023–2024 гг. подтверждает правильность выводов В.Р. Филиппова. В феврале 2023 г. президент Франции заявил о намерении значительно сократить французский военный контингент в Африке. А в феврале 2024 г. представитель Макрона по Африке Жан-Мари Бокель отметил, что задача его миссии – «пересмотреть форматы и способы действий будущей французской военной системы на континенте, серьезно подорванной после 2022 года и государственных переворотов в Мали, Буркина-Фасо и Нигере, ставших причиной вывода французских войск из Сахеля»².

Архитектоника монографии не вызывает возражений. Структура работы логична, соответствует поставленным целям и исследовательским задачам, выводы автора аргументированы. Логичная подача материала дает возможность проследить эволюцию концептуальных подходов в контексте изменений геополитической ситуации на континенте, военных акций Елисейского дворца и дипломатических усилий Э. Макрона. Книга написана хорошим русским литературным языком. При этом текст отличается живостью языка, что свидетельствует в т.ч. об эмоциональной вовлеченности автора в тему исследования.

¹ Лапина Н.Ю. Эммануэль Макрон: время перемен // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 2. С. 92.

² Jean-Marie Bockel, envoyé spécial d'Emmanuel Macron en Afrique : il faut «faire évoluer les dispositifs militaires dans l'intérêt de tous». URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2024/02/12/jean-marie-bockel-envoye-special-d-emmanuel-macron-en-afrique-il-faut-faire-evoluer-les-dispositifs-militaires-dans-l-interet-de-tous_6216139_3212.html (дата обращения: 04.06.2024).

Наряду с достоинствами необходимо отметить некоторые недостатки. Прежде всего, в названии книги следовало бы указать полное имя президента Франции. Возможно, в работе дана излишне критическая оценка африканской политики Э. Макрона. По сравнению с его предшественниками, он все-таки не отличился крупными военными авантюрами на Африканском континенте. Более того, он положил конец операции «Бархан» в Сахеле и вывел французские войска из ЦАР, Мали и Буркина-Фасо. Не стоит также недооценивать и роль французского экспедиционного корпуса в борьбе с террористами из Аль-Каиды Магриба. Возможно, в библиографию стоило бы добавить статьи о внешнеполитическом курсе Э. Макрона, написанные В.Н. Чернегой. Некоторые приведенные в монографии ссылки не сразу удастся открыть, но так иногда происходит, когда с течением времени они попадают в разряд архивированных.

Монография представляет интерес для дипломатов, ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся изучением Африки, а также для широкого круга читателей, интересующихся современной историей стран континента.

Монография В.Р. Филиппова «Африканская политика Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей (2017–2022 гг.)» – целостное, завершенное исследование. Работа обладает несомненной научной ценностью и вносит значительный вклад в изучение африканской политики Франции, а также актуальных проблем и особенностей развития франкофонных стран Африки. Она достойно продолжила исследование темы политики стран Запада в Африке, которые проводятся в Институте Африки РАН³.

Сведения об авторе / About the author

Прокопенко Любовь Ярославовна – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки, Институт Африки Российской академии наук, г. Москва

Liubov Ya. Prokopenko – PhD (History); Senior Researcher at the Center for the Study of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

E-mail: skole60@mail.ru

³ См.: Кулькова О.С. Африканская политика Великобритании (1997–2012 гг.). М., 2012; Урнов А.Ю. США – Африка: политика администрации президента Д. Трампа. 2017–2019 годы. М., 2020; Он же. Политика администрации Дж. Байдена в Африке. Конец 2021 г. – начало 2023 г. М., 2023.

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-143-155

УДК 327

А.В. Островский

Институт востоковедения Российской академии наук,

107131 г. Москва, Российская Федерация;

Московский педагогический государственный университет,

119435 г. Москва, Российская Федерация

Рецензия на книгу:

Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток.
Восточноазиатский вектор России (2014–2024).
М., 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Островский А.В. Рецензия на книгу: Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России (2014–2024). М., 2024. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 143–155. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-143-155

FOR CITATION: Ostrovskii A.V. Book Review: K.V. Babaev, S.G. Luzyanin. Pivot to the East. East Asian Vector of Russia (2014–2024). Moscow, 2024. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 143–155. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-143-155

Вышла из печати книга двух директоров Института Дальнего Востока Российской академии наук – бывшего (с 2017 по 2020 гг.) С.Г. Лузянина и нынешнего – К.В. Бабаева (с 2021 г. по настоящее время). Данная работа написана на весьма актуальную сегодня для России тему. В условиях западных санкций она могла бы обосновать сделанную заявку на лидерство в российском востоковедении с учетом занимаемых ими должностей.

Книга состоит из предисловия ответственного редактора С.А. Карганова, трех глав: «Россия и Большая Евразия», «Россия и Северо-Восточная Азия» и «Россия и Юго-Восточная Азия», заключения, списка источников и литературы и сведений об авторах.

© Островский А.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Вызывает сомнения название книги «Поворот на Восток» и точность перевода этого названия на английский язык. В нем справедливо не используются привычные для нас эквиваленты *turn*, который употребляется при переводе русского слова «поворот (направо или налево)», или *U-turn*, который употребляется при переводе определения «разворот на 180 градусов». В данном варианте перевода заголовка книги используется французское слово *pivot*, которое предполагает полный отказ от прежнего направления и разворот на 180 градусов. В марте 1999 г. председатель Правительства РФ Е.М. Примаков, после того, как узнал о бомбардировке Белграда, развернул самолет с правительственной делегацией над Атлантическим океаном на 180 градусов, и этот маневр во всей англоязычной прессе в заголовках и текстах так и назывался французским словом *pivot*. Вызывает сомнения, что в 2014–2024 гг. изменения российской политики в отношении восточных стран в целом и Китая в частности можно назвать разворотом с запада на восток.

Также после внимательного прочтения работы возник большой вопрос, насколько ее название отвечает ее содержанию. Судя по содержанию книги, был проведен анализ политики России в отношении стран Дальнего Востока, Северо-Востока и Юго-Востока Азии. Но к понятию «восток» относятся все страны Азии и Африки – от Турции и Египта до Сингапура и Филиппин, а также страны Центральной Азии. При этом при анализе экономических показателей ясно, что «поворот на Восток» в 2014–2023 гг. состоял не только в увеличении объемов торговли с КНР, что играет большое значение для дальнейшего исследования этой темы, но, в основном, в увеличении объемов торговли с такими странами, как Турция, Индия и Казахстан. Эти вопросы, как и изменение отношений России с арабскими и африканскими странами, в данной работе вообще не затрагивались.

Следует отметить, что структура работы выстроена логично. Первая глава посвящена описанию общей ситуации в России в 2014–2023 гг. В ней раскрывается историческая ретроспектива баланса восточного и западного вектора в российской политике на протяжении веков. Особое внимание уделено исследованию китайского фактора российской политики в Восточной Азии, его влияния и развитию дальнейших перспектив. В первой главе авторы также попытались проанализировать перспективы потенциального развития Большого Евразийского партнерства (БЕП), для этого противопоставили продвижение БЕП через Фонд развития Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Банк развития, с одной стороны, и развитие торгово-экономического сотрудничества в Евразии через Новый банк развития БРИКС, инициативу

«Пояс и Путь» и фонд Шелкового пути – с другой. К сожалению, следует признать, что сравнительный анализ двух путей развития Евразии у авторов не получился из-за отсутствия необходимого для этого статистического анализа. Также авторы работы так и не смогли объяснить, почему в 2015 г. Россия отказалась от прямого вовлечения в китайскую инициативу «Пояс и Путь» в 2015–2018 гг., а пошла на сопряжение этих двух инициатив на равноправной основе.

Во второй главе рассматривается сложившаяся в связи с поворотом на Восток ситуация на российском Дальнем Востоке, перспективы его развития и возможности расширения внешнеторговых связей со странами Северо-Восточной Азии – КНР, Монголией, КНДР, Республикой Корея, Японией. В главе говорится о перспективах территорий опережающего развития (ТОР) на Дальнем Востоке, инвестиционных проектах со странами Северо-Восточной Азии. Однако авторы признают, что отдача от этих проектов, включая важнейшие для России и Китая инфраструктурные проекты, такие как «Приморье-1» и «Приморье-2», способствующие решению китайских транспортных проблем двух северо-восточных провинций, Хэйлунцзян и Цзилинь, одновременно с расширением инфраструктуры в трех портах на Дальнем Востоке – Владивосток, Находка и Зарубино, строительством мостов через реки Амур и Уссури и модернизацией железнодорожных путей на дальневосточном участке, пока невелика. В главе 2 сделано самое главное признание: «Китай продолжает оставаться основным фокусом российского поворота на Восток как минимум на ближайшее десятилетие. Его доля в российском товарообороте растет, импортные поставки и китайский рынок будут оставаться важнейшим элементом обеспечения экономической и технологической безопасности России, его политическая поддержка российской дипломатии будет продолжать играть важную роль в системе международных отношений России»¹.

Третья глава, в основном, посвящена анализу торгово-экономических отношений России со странами Юго-Восточной Азии. Как показывают приводимые в главе статистические данные, пока не происходит быстрого развития торговых связей с этими странами. По состоянию на 2021 г. объем внешней торговли со всеми 10 странами Юго-Восточной Азии составил около 20 млрд долл. Пока основными партнерами этих стран является либо КНР, которая существенно увеличила за последние годы рост торгово-экономических связей в результате развития инициативы «Морской Шелковый путь XXI века», и США,

¹ Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России (2014–2024). М., 2024. С. 90.

которые пытаются бороться с усилившимся там влиянием Китая и активизацией китайских хуацяо² в этих странах. Единственный серьезный аргумент, который может предложить Россия для развития сотрудничества, – это работа по добыче нефти и природного газа на океанском шельфе на примере успешно работающей российско-вьетнамской компании «Вьетсовпетро».

В заключении работы были сделаны важные выводы о том, что поворот на Восток вошел в активную фазу с 2022 г. (начало СВО), Россия и Китай выбрали развитие стратегического партнерства, и сближение России и Китая стало стратегическим поражением США, которые со времени подписания «Шанхайского коммюнике» в феврале 1972 г. делали все возможное, чтобы такое сближение России и Китая не состоялось. В итоге авторы приходят к важному выводу о том, что «рост сотрудничества со странами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии дает шанс привлечь в дальневосточные регионы, остававшиеся в течение десятилетий депрессивными, новую динамику, масштабные инвестиции, транспортно-логистические проекты, развитие промышленности, сельского хозяйства, туризма и инфраструктуры»³.

Однако работа не свободна от недостатков. Трудно согласиться с выводами авторов о благотворном воздействии монголо-татарского ига на развитие российской экономики в XIII–XV вв. Как считают авторы работы, «торговые отношения с Монгольской державой и через нее с другими государствами Востока существенно обогащали Русь, во многом способствуя расцвету крупнейшего торгового центра страны – Новгорода и выводя на первый план новые растущие города на Волге и Оке – Тверь, Рязань, Москву»⁴. Конечно, с одной стороны, можно сказать, что на протяжении почти 200 лет после захвата монголо-татарами Китая, падения Сунской династии и формирования династии Юань при правлении захватившего Китай хана Хубилая Россия вошла в состав этой империи, платила дань, но взамен получала порох и артиллерию, почтовое сообщение и денежную систему, но не от монголо-татар, а от Китая, где все это было изобретено задолго до этого. С другой стороны, большинство российских и не только российских историков считают, что существовавшее на территории Руси монголо-татарское иго в XIII–XV вв. отбросило Россию на много лет назад в своем

² Выходцы из Китая, проживающие в других странах. К ним относятся как граждане КНР, временно проживающие за границей, так и потомки китайских эмигрантов более ранних волн, являющиеся гражданами стран, в которых они проживают.

³ Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России (2014-2024). М., 2024. С. 235.

⁴ Там же. С. 15.

социально-экономическом развитии, и только в конце XV в. России удалось освободиться от ослабевших к тому времени монголо-татар и вернуться к естественному пути развития. На мой взгляд, вторая точка зрения более объективно отражает ситуацию в средневековой России, у которой оказались заблокированными все связи с Западом. После уплаты непосильной дани завоевателям на протяжении более двух веков у России оставалось не так много в казне и у населения для развития экономики на Руси, и с большим трудом удавалось обеспечивать воспроизводство производительных сил.

Другое заявление авторов работы, с которым также трудно согласиться, – это то, что «с петровских времен до конца XIX века Сибирь и Дальний Восток, содержащие в себе бесконечные возможности для освоения не развивались, и азиатский вектор оставался для российской внешней политики и внешнеэкономической деятельности целиком периферийным, если не маргинальным»⁵. Конечно, в начале XVIII в. в условиях Северной войны со шведами, чтобы, говоря словами А.С. Пушкина, «ногою твердой встать при море», у Петра I не было возможностей заниматься восточными границами с Цинской империей. Эти границы были очень приблизительно определены Нерчинским договором 1689 г., подписанным после походов российских казаков по освоению Дальнего Востока (походы В. Пояркова и Е. Хабарова в середине XVII в. на Амур).

Сразу после подписания Ништадского договора в 1721 г. со Швецией, по итогам которого России за уплаченные два миллиона ефимков достались территории Прибалтики – нынешние Латвия и Эстония, Петром I был сразу направлен в Цинскую империю послом для ведения переговоров Л. Измайлов. В Пекине он удостоился личной аудиенции у императора Канси, в ходе которой была достигнута устная договоренность об отказе от ведения военных действий между двумя империями – Российской и Цинской.

К сожалению, Л. Измайлов вернулся в Россию уже после смерти российского императора. Но его вдова Екатерина I отправила для ведения переговоров и подтверждения линии границ по Нерчинскому договору делегацию во главе с Саввой Рагузинским. В результате этой миссии были приведены в должный порядок все крепости на границах с Цинской империей. Савва Рагузинский добился не только подтверждения прохождения линии границы по Нерчинскому договору 1689 г., но и подписания в 1727 г. серии договоров о развитии российско-китайской торговли через Кяхту и об открытии действовавшей свыше 250 лет,

⁵ Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России (2014–2024). М., 2024. С. 18.

до 1956 г., Российской духовной миссии в Пекине. Именно Российская духовная миссия с того момента вплоть до Опиумных войн середины XIX в. была единственной миссией европейской страны на территории Китая. Российская духовная миссия своей деятельностью заложила основу для развития китаеведения в России. В ней проходили профессиональную подготовку и получали основательные знания о Китае все ведущие китаисты того времени – Бичурин, Леонтьев, Рассохин, Захаров. Там был подготовлен отцом Палладием Кафаровым в конце XIX в. самый полный 4-томный китайско-русский словарь, ставший образцом для многих поколений китаеведов.

В XVIII–XIX вв. Россия продолжала осуществлять свою восточную политику. Землепроходцы продолжали идти на Восток, на край Земли. Если в XVII в. они шли, в основном, к югу, на Амур, где был хороший климат, можно было выращивать большие урожаи, водилась крупная рыба и пушные звери, то после подписания Нерчинского договора 1689 г., Кяхтинского и Буреинского трактатов 1727 г. российские землепроходцы направлялись на восток – на Камчатку и Чукотку, переправились через Берингов пролив и стали осваивать Аляску. В дальнейшем русские землепроходцы достигли Калифорнии, и на географических картах середины XIX в. территория Аляски и побережье штата Калифорния были указаны как территории Российской империи, граница испанских владений у города Сан-Франциско была общая с российскими владениями. Не случайно в нынешних названиях американских городков и поселков в Калифорнии в округе Сан-Матео – Сан-Франциско до сих пор сохранились до боли знакомые русские названия: Севастополь, Московка, Полтавка и даже Форт-Росс и гора Шастя (т.е. Счастья). В годы Крымской войны в середине XIX в. для обороны весьма отдаленного от Москвы и Санкт-Петербурга полуострова Камчатка был направлен отряд под командованием генерал-майора флота В.С. Завойко, который дал отпор англо-французским агрессорам.

Таким образом, восточная политика у России всегда была, но не всегда цели и задачи восточной политики можно было реализовать в полном объеме из-за недостатка ресурсов, как материальных, так и людских. В частности, продажа Аляски США в 1867 г. была связана с тем, что Российско-американская компания (РАК), одна из богатейших в России, уже не могла поддерживать т.н. «северный завоз» и обеспечение всем необходимым российских колонистов на Аляске и Калифорнии в тяжелых северных условиях.

С учетом этих исторических соображений более правильно было бы назвать книгу «Восточная политика России (2014–2024 гг.)».

На наш взгляд, данная книга должна была дать ответ на ряд вопросов, которые позволили бы определить основные проблемы, которые стоят в настоящее время перед Россией в ее пути на восток. Исходя из введения и заключения рецензируемой работы, в ней должны быть определены цели и задачи, которые ставит перед собой «восточный поворот». По каким новым направлениям развивается и будет развиваться Китай как основной российский партнер для «поворота на Восток»? Какие препятствия и вызовы стоят в настоящее время перед российским «поворотом на Восток»? Какие необходимы инструменты и механизмы, чтобы эти препятствия преодолеть?

К сожалению, в книге нет ответов на поставленные вопросы. В ней очень много рассуждений о концепции внешней политики России, принятой 31 марта 2023 г., говорится не только об отношениях с ближним зарубежьем и развитии Арктики, но и о создании БЕП, включая развитие отношений с Китаем, Индией, странами АТР и АСЕАН. Казалось бы, что для авторов работы открыто широкое поле деятельности по формированию путей развития БЕП, сотрудничества со странами АТР, в первую очередь КНР, где у российского и китайского руководства сложились теплые отношения на самом высоком уровне, действует Договор о добрососедстве, мире и дружбе от 16 июля 2001 г. В этой ситуации для России открываются благоприятные возможности для сопряжения БЕП и китайской инициативы «Пояс и Путь», подключение к новой действующей в АТР региональной структуре «Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство» (ВРЭП). Однако, к сожалению, в книге так и не дана характеристика ни БЕП, ни АТЭС, членом которого Россия стала в 1998 г. для выхода российской экономики на страны Азиатско-тихоокеанского региона. Также из книги почти ничего нельзя узнать о работе таких экономических структур, как выдвинутая в 2013 г. китайская инициатива «Пояс и Путь» и созданная в 2022 г. ВРЭП. Эти две новые структуры уже сегодня показывают значимые результаты экономического сотрудничества, в котором на равных работают такие разные по уровню экономического развития страны, как, с одной стороны, КНР, Республика Корея и Япония, а с другой – Лаос и Кампучия.

В работе не был проведен экономический анализ «поворота на Восток», по итогам которого можно определить, что потеряла или приобрела Россия. Результатом этого анализа должна была стать сравнительная характеристика изменения товарной и страновой структуры товарооборота, внешней торговли и инвестиций. Изменения в инвестиционной политике за 10 лет – с 2014 по 2023 гг. – обсуждать действительно нет смысла. По данным Центрального банка России, до 2022 г. по объему иностранных инвестиций в Россию первые пять мест занимали отнюдь

не страны Востока, а Кипр, Бермуды, Великобритания, Нидерланды, Люксембург. После объявления СВО в феврале 2022 г. Центробанк перестал публиковать данные о прямых иностранных инвестициях, но в изданном в 2023 г. статистическом сборнике «Инвестиции в России» была информация о выводе с российской территории за границу в 2022 г. 381,5 млрд дол.⁶

Более интересные результаты показал анализ изменений во внешней торговле России за период с 2014 по 2023 гг., т.е. за хронологический период рецензируемого исследования. Собственно говоря, авторы работы такого статистического анализа изменений во внешней торговле РФ за 10 лет не провели. В работе имеются отдельные статистические показатели по объемам внешней торговли РФ с разными странами и регионами Востока – от КНР до Лаоса и Сингапура. К сожалению, они так и не были сведены в единые статистические таблицы и, как уже говорилось, не был проведен анализ полученных статистических данных, в результате которого можно было бы получить выводы о результатах «восточного поворота» за 10 лет с 2014 по 2023 гг.

Проведенный нами беглый анализ структуры внешней торговли России по странам показал, что за 10 лет произошли определенные изменения. Выяснилось, что за 10 лет сократился объем внешней торговли – с 784,4 млрд долл. в 2014 г. до 710,2 млрд долл. в 2023 г.⁷ Хотя первое место по-прежнему сохраняет за собой Китай с заметным увеличением объема торговли – более чем в 2 раза – с 95 млрд долл. в 2014 г. до 240 млрд долл. в 2023 г.⁸ В 2014 г. со второго по четвертое место занимали три европейские страны – Нидерланды, Германия и Италия, а пятое место занимала Белоруссия. В 2023 г. на второе место переместилась Индия с 19-го места, на 3-е место – Турция с 16-го места, на 4-е место – Белоруссия с 5-го места и на 5-е место – Казахстан с 12-го места⁹. Так что поворот на Восток, как справедливо было отмечено в работе, в основном, оказался связан именно с расширением торгово-экономических связей России, прежде всего с КНР, а также с Индией и Турцией, а не со всеми странами к востоку и юго-востоку от России.

⁶ Инвестиции в России. 2023: статистический сборник / Росстат. М., 2023. С. 221. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Invest_2023 (дата обращения: 22.09.2024).

⁷ Внешняя торговля России: 1994–2024. URL: <https://www.global-finances.ru/vneshnyaya-torgovlya-rossii-2023> (дата обращения: 22.09.2024).

⁸ 中国统计摘要 – 2016, 北京, 2016. [Статистический справочник Китая – 2016. Пекин, 2016. С. 105]; 中国统计摘要 – 2024, 北京, 2024. [Статистический справочник Китая – 2024. Пекин, 2024. С. 101.]

⁹ Внешняя торговля России: 1994–2024. URL: <https://www.global-finances.ru/vneshnyaya-torgovlya-rossii-2023> (дата обращения: 22.09.2024).

В этой связи возникают два вопроса: почему так получилось и что нужно делать для исправления ситуации? Такие результаты «поворота на Восток» получились по двум причинам – объективным и субъективным. К объективным причинам следует отнести неразвитую инфраструктуру на восточных границах России. В настоящее время на всем протяжении рек Амур и Уссури имеются всего два моста – автомобильный мост Хэйхэ–Благовещенск и железнодорожный мост Нижнеленинское–Тунцзян, три железнодорожных перехода Забайкальск–Маньчжурия, Суйфэньхэ–Гродеково и Краскино–Хунчунь, а также несколько автомобильных переходов в Забайкальском крае, Амурской области, Еврейской АО, Хабаровском и Приморском краях и несколько морских портов, в т.ч. Владивосток, Находка, Зарубино, Магадан и др. Очевидно, что при увеличении объема международных перевозок будет трудно справиться с их растущим объемом. В свое время для реализации восточной политики при Николае II было подписано соглашение с Цинским правительством в 1896 г. о передаче России в аренду Ляодунского п-ова, была построена Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), которая через территорию Китая напрямую связывала Иркутск с Владивостоком и местом базирования 1-й Тихоокеанской эскадры Порт-Артуром (Люйшунь) и Дальним (Далянь) на Ляодунском п-ове. Для реализации таких крупномасштабных проектов был создан банк в Иркутске, который осуществлял финансирование поставленных задач по реализации восточной политики России в те годы.

Вторая причина – не менее важная, субъективная. Большая часть российского чиновничества и бизнесменов с 1990-х гг. были ориентированы на Запад. Но уже с 2007 г., после Мюнхенской речи В.В. Путина, стало ясно, что постепенно надо начать двигаться на Восток, но этого не произошло. Тем не менее, все-таки было принято решение о строительстве нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» с ответвлением на Китай от Сковородино, который в настоящее время в условиях санкций обеспечивает поставки нефти на восток. Другое решение, которое было принято в мае 2014 г. о строительстве газопровода «Сила Сибири – 1» с Дальнего Востока в Китай принималось уже во многом по результатам «Крымской весны» 2014 г. и начавшихся западных санкций. При всем этом объемы торговли России со странами востока росли медленно, с некоторыми странами вообще не росли, и вряд ли можно сегодня серьезно воспринимать показатели объема внешней торговли с Японией (20 млрд долл.) и Республикой Корея (40 млрд долл.) на фоне огромных объемов торговли Китая и США с этими странами. Складывается ощущение, что все ждут возвращения к временам конца 1990-х гг. – первому десятилетию XXI в., когда восстановятся

налаженные ранее торгово-экономические связи с традиционными партнерами на Западе и поворот на Восток прекратится.

Одним из основных и серьезных недостатков рецензируемой книги является игнорирование работ по проблемам восточной политики России своих предшественников. В Институте Дальнего Востока РАН под руководством академика М.Л. Титаренко с 1990-х гг. велась работа по проблемам развития торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эта работа велась в сотрудничестве с Дальневосточным и Сибирскими отделениями РАН, учеными из КНР и Республики Корея. В 1995 г. было проведено совместное обследование ситуации в Хабаровском и Приморском краях совместно с учеными из Ханьянского университета с выездом на места, проведением совместной конференции в Сеуле и публикацией коллективной монографии¹⁰.

В дальнейшем эта тема всесторонне обсуждалась на Байкальском экономическом форуме в сентябре 2000 г., в организации которого принял активное участие тогдашний председатель Совета Федерации С.М. Миронов. В этом форуме принимали участие большое количество ученых РАН и университетов, в дискуссиях участвовали большое число зарубежных ученых не только из КНР, Японии и Республики Кореи, но и США и стран ЕС. По итогам обсуждения восточной политики России была принята резолюция о развитии международного торгово-экономического сотрудничества с целью развития российского Дальнего Востока и Сибири.

Проблемы восточной политики России обсуждались на конференциях в МИДе в начале 2000-х гг., и по их итогам издавались сборники докладов¹¹. В последующем дискуссии на эту тему регулярно проходили с учеными из Академии общественных наук Китая, Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян и ведущих вузов КНР – университетом Цинхуа, Пекинским педагогическим университетом, по итогам этих исследований выпускались сборники материалов конференций и отдельные статьи на русском и китайском языках. В такой работе активно принимал участие и МГИМО МИД РФ, по итогам совместной работы с Педагогическим университетом Пекина профессор из КНР Ли Син и из России А.Д. Воскресенский опубликовали на китайском языке монографию «Исследование механизма развития регионов

¹⁰ Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества / отв. ред. А.В. Островский, М.Л. Титаренко. М., 1998.

¹¹ Например, см.: Россия в АТЭС и в АТР: Материалы Третьей научно-практической конференции «Россия в АТЭС и в АТР», Москва, 25 апреля 2001 г. / отв. ред. И.Д. Иванов, М.Л. Титаренко. М., 2001.

сопряжения Азии и Европы», рецензия на которую была опубликована в журнале «Проблемы Дальнего Востока»¹².

Одно из последних обсуждений на эту тему состоялось на заседании Президиума РАН в марте 2017 г., на котором в качестве основного докладчика выступил автор данной рецензии и, в качестве одного из выступающих, тогдашний директор Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянин, соавтор рецензируемой работы. В основном докладе был поставлен вопрос о необходимости усилить исследования развивавшихся с 2013 г. после избрания Си Цзиньпина на пост Председателя КНР китайских инициатив в сфере международного экономического сотрудничества, таких как «Пояс и Путь», «Экономический пояс Шелкового пути», «Морской Шелковый путь XXI века». На тот момент члены Президиума РАН не сочли достаточно серьезными китайские инициативы и не приняли решений по дальнейшему исследованию этой тематики. Тем не менее, текст выступления на заседании Президиума РАН по принятой традиции был полностью опубликован в «Вестнике Президиума РАН»¹³.

В работе также есть много мелких недочетов, которые имеют большое значение для анализа поднятой проблемы. В частности, на с. 24 говорится о том, что «Россия и Китай к концу 2023 года довели долю рубля и юаня в своих расчетах до 95%», но позже, на с. 83, говорится, что «90% платежей между двумя странами осуществляется в иностранных валютах»¹⁴. Судя по всему, верно второе утверждение, т.к., в случае проведения платежей в рублях и юанях через российские и китайские банки напрямую, вряд ли можно подвергнуть санкциям китайские банки, принимающие платежи от российского бизнеса за поставленные товары и услуги. Но если проведение платежей идет в иностранной валюте, то это можно легко проверить через американские банки и подвергнуть нарушителя наказанию, так называемым вторичным санкциям.

Работа оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, можно согласиться с мнением ответственного редактора С.А. Караганова,

¹² 李幸, Воскресенский А.Д. 亚欧中心跨地区发展体制机制研究 (Исследование механизма развития регионов сопряжения Азии и Европы), 北京九州出版, 2016; Островский А.В. Исследование механизма развития регионов сопряжения Азии и Европы // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 177–181 (рецензия на совместную монографию Д.А. Воскресенского и Ли Сина); Перспективы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. В 2-х т. / отв. ред. А.В. Островский и Чжу Юй. М., 2019.

¹³ Островский А.В. Перспективы сопряжения проектов «Экономический пояс Шелкового пути» и «Евразийского экономического союза» // Вестник Президиума Российской Академии наук. 2017. Т. 87. № 11. С. 974–985.

¹⁴ Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России (2014–2024). М., 2024. С. 24, 83.

высказанным во введении к данной работе, о том, что «она является ценным учебным пособием для студентов и аспирантов, занимающихся мировой экономикой и политикой, на ее основе будет написано немало курсовых, магистерских и даже диссертационных работ»¹⁵. С другой стороны, с научной точки зрения работа не представляет собой особой ценности, т.к. в ней отсутствует научная новизна. Все основные идеи по «повороту на Восток» и восточной политике России уже были высказаны ранее. Указанные в сносках к данной рецензии работы на эту тему – только малая часть того, что было опубликовано за последние двадцать лет.

К сожалению, авторы работы так и не подвели экономические и политические итоги поворота России на Восток, не предложили мер по дальнейшему развитию России в целом и Дальнего Востока в частности, и много рассуждали о развитии БЕП, о котором после начала СВО можно только мечтать.

На наш взгляд, с учетом сохраняющегося российско-китайского партнерства, авторам следовало уделить в работе больше внимания китайским проектам экономической интеграции, таким как «Пояс и Путь», Всестороннее региональное экономическое партнерство. Результаты этих инициатив в значительной мере способствуют не только использованию внешнего фактора для развития китайской экономики, но и развитию экономики тех стран, которые смогли подключиться к этим китайским инициативам. В этой связи так и осталась за кадром оценка китайских экономических реформ в целом и китайских внешнеэкономических инициатив в частности. Судя по мнению авторов работы, «поворот на Восток» – это сегодня, в основном, работа с китайскими партнерами, и отсутствие научной новизны в работе связано именно с недостаточной проработкой китайских инициатив и проектов в рамках мировой экономики.

В целом, можно отметить, что по большому счету работа не получилась, т.к. в ней не определен предмет исследования – поворот на Восток, и авторы труда во введении и в первой главе так и не дали определения понятия «восток». Суля по тексту, получилось так, что туда входит Китай, страны АТЭС, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, но из этого понятия были исключены такие страны Востока, как Индия, Турция, Иран, все арабские страны и страны Африки, которые, в научном понимании этого термина, являются странами Востока. В работе также не был проведен анализ изменения страновой и товарной

¹⁵ Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России (2014–2024). М.: РАН, 2024. С. 6.

структуры российской внешней торговли, которые дают понять сущность российского поворота на восток. Опыт написания такого рода работы трудно признать удачным.

Сведения об авторе / About the author

Островский Андрей Владимирович – доктор экономических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра исследований современного Китая, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Andrei V. Ostrovskii – Dr. Hab. (Economics); Chief Research Scholar at the Centre for Chinese Contemporary Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Asian and African Countries of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: ostrovskii.ifes@gmail.com

Памяти Георгия Владимировича Ляпишева (1935–2024)

9 апреля 2024 г. ушел из жизни историк-энтузиаст Георгий Владимирович Ляпишев, один из старейших членов Историко-патриотического объединения «Багратион», потомок участника Бородинского сражения 1812 года, Кульмского боя 1813 года и взятия Парижа в 1814 году унтер-офицера Василия Лапышева.

Ниже мы приводим с небольшими изменениями текст некролога, опубликованный на сайте Союза потомков участников Бородинского боя и Историко-патриотического объединения «Багратион»¹.

* * *

Судьба словно определила Георгию Владимировичу его предназначение: он родился в 1935 г. в Смоленске, там, где в 1812 году кипело ожесточенное сражение. В начале Великой Отечественной войны семья оказалась в Ленинграде, пережила блокаду и тяготы эвакуации.

Георгий Владимирович Ляпишев закончил Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана (ныне – Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана), долгие годы с успехом работал в системе Роскосмоса, пользовался огромным уважением и авторитетом среди коллег. Но главным делом его жизни стало увековечивание памяти героев Отечественной войны 1812 года. На этой ниве он сделал очень многое: скрупулезно изучал многочисленные архивные документы, выступал на многих научных конференциях, принимал участие в различных мероприятиях – в школах, библиотеках, домах

¹ О Георгии Владимировиче Ляпишеве (некролог). 9 апреля [2024 г.] // Союз потомков участников Бородинского боя. Историко-патриотическое объединение «Багратион». URL: <http://soyuz1812.ru/chronicle/2024.html> (дата обращения: 13.09.2024).

культуры, охотно делился своими глубокими знаниями с коллегами. В 2012 г. Г.В. Ляпишев был награжден памятным крестом Общественного совета по содействию Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года. Заслуга Георгия Владимировича – подготовка и издание фундаментального труда «Воспоминания русских офицеров эпохи наполеоновских войн», в том числе написание вступительной статьи, составление комментариев и примечаний².

Много лет Георгий Владимирович Ляпишев вместе с Игорем Сергеевичем Тихоновым³ был главной движущей силой Историко-патриотического объединения «Багратион», принимал активное участие во всех делах сообщества, многократно представлял багратионовцев на научных конференциях в Бородино, Малоярославце, Больших Вязёмах, в родном Смоленске. Особенно любил приезжать в Бородино, где доблестно сражался его предок.

При участии Г.В. Ляпишева были торжественно открыты памятники Лейб-гвардии Егерскому полку на Бородинском поле, памятник М.И. Кутузову в тверской усадьбе Прямухино, памятник ополченцам 1812 года в подмосковном Куркино.

Георгий Владимирович был необыкновенно отзывчивым, добрым и талантливым человеком, сочинял стихи и эпиграммы⁴, обладал замечательным чувством юмора.

Мы скорбим о его уходе из жизни.

Память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

² Российские мемуары эпохи наполеоновских войн / сост., авт. вступ. ст., биогр., примеч. и имен. указ. Г.В. Ляпишев. М.: Русский Мирь, 2013. 616 с., ил. (Серия: Большая Московская библиотека. О доблестях, о подвигах, о славе...). На издание этой книги составитель получил грант Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства.

³ Его некролог см.: Игорь Сергеевич Тихонов (1956–2016) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. С. 133–135.

⁴ Даря изданную им книгу мемуаров одному из членов редколлегии нашего журнала, Георгий Владимирович написал на титульном листе:

Покинув море эпиграмм,
Я вышел в книжный океан,
Преодолев и шквал, и мели,
Сумел добраться я до цели.
Путь указала мне звезда,
Семь ветров дули в паруса,
И вот уж книга у причала –
К тебе, читатель мой, попала!

* * *

Редколлегия журнала «Локус: люди, общество, культуры, смыслы» присоединяется к этим словам и, в свою очередь, выражает искренние соболезнования родным и близким покойного, который был в том числе автором нашего журнала¹.

¹ Ляпишев Г.В. Генерал-майор Карл Антонович де-Бальмен и его братья на русской службе // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2014. № 2. С. 39–44.

Памяти Александра Юрьевича Донского (1949–2024)

11 июля 2024 г. скоропостижно скончался историк-архивист, сотрудник Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) Александр Юрьевич Донской.

Он родился 11 декабря 1949 г. в г. Баку. Его отец, известный советский хозяйственный работник, директор завода, мама – врач. Вскоре после рождения сына они переехали в Москву.

После окончания школы в 1967 г. поступил в Московский государственный историко-архивный институт (ныне – Российский государственный гуманитарный университет). С 23 августа 1967 г. Александр Юрьевич Донской начал работать в Центральном государственном военно-историческом архиве (ныне – РГВИА). В 1973 г. без отрыва от производства окончил институт. Всю свою жизнь он отдал работе в этом архиве, в котором прошел путь от архивно-технического сотрудника до ведущего специалиста архивохранилища № 2 «Фонды высших и центральных военных учреждений второй половины XIX – начала XX в., органов управления и учреждений военных округов и военно-учебных заведений».

Также он являлся многолетним членом кружка выдающегося советского историка, академика Российской академии образования Сигурда Отговича Шмидта. Помогал другому выдающемуся историку Петру Андреевичу Зайончковскому в 1980–1983 гг. (до его смерти) работать в архиве. Поскольку Зайончковский был почти слепым, Александр Донской читал ему дела, был фактически его глазами.

За время своей архивной и научной деятельности Александр Юрьевич опубликовал несколько десятков работ на разные темы². Особенно

² Донской А.Ю. Переписка о детях-подкидышах на московских старообрядческих кладбищах в 1830-е гг. // Археографический ежегодник за 1998 г. М., 1999. С. 274; Он же. Французский военный врач – кавалер российского ордена // Россия и Франция XVIII–XX вв. Ежегодник Института всеобщей истории РАН. Вып. 4. М., 2001. С. 205–217; Он же. Французскому врачу А. Лафору российский орден за лечение русских раненых военнопленных в период Крымской войны. Обзор документов РГВИА // Материалы XXXV Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2003. С. 74–76; Он же. Генерал-майор Н.А. Ухач-Огорович под следствием // Материалы XXXII Всероссийской заочной научной конференции «Классы и социальные группы в судьбах России». СПб., 2003. С. 191–192; Он же. Неосуществленный проект французского музыканта // Россия и Франция XVIII–XX вв. Ежегодник Института всеобщей истории РАН. Вып. 5. М., 2003. С. 191–204; Он же. Неосуществившийся проект французского капельмейстера (30-е гг.

его интересовала тема греческих военных формирований русской армии и, в частности, история греческого Балаклавского батальона³. Для того, чтобы читать документы в подлиннике, он окончил двухгодичные курсы греческого языка при Министерстве иностранных дел. У историков вызвали большой интерес его публикации о том, как во время Первой мировой войны подозревали в шпионаже великую русскую актрису Веру Васильевну Холодную⁴.

Александр Юрьевич обладал огромной энергией и объехал весь Советский Союз, от Одессы до Владивостока, постоянно посещая различные экскурсии. Коллеги запомнили его как прекрасного хозяина, который с любовью и искусством готовил борщи, салаты, делал различные домашние заготовки, великолепно солил капусту и пек оладьи. «Если бы я не был архивистом, я был бы поваром», – говорил он сам о себе.

В 2011 г. он осуществил свою давнюю мечту, съездил в Грецию, где смог на практике применить знание греческого языка и был этому очень рад. В прошлом году Александр Юрьевич вышел на пенсию и стал активным участником программы «Московское долголетие», начал

XIX в.) // Археографический ежегодник за 2002 г. М., 2004. С. 99–102; Он же. Спасение батальонного знамени // Вестник архивиста. 2004. № 1 (79). С. 202–204; Он же. Страницы истории русско-японской войны 1904–1905 гг. (следственное дело об отставном генерал-майоре Н.А. Ухач-Огоровиче) // Там же. № 2 (80). С. 253–264; Он же. Французские военнопленные медики на работе в русских военных госпиталях (1813–1814) // Россия и Франция XVIII–XX вв. Ежегодник Института всеобщей истории РАН. Вып. 6. М., 2005. С. 143–163; Он же. Капельмейстеру Национальной гвардии Франции в открытии (учреждении) военно-музыкальной гимназии в России отказано («...Благодарить г. Луи за предлагаемые услуги...») // Материалы XXXVII Всероссийской заочной научной конференции «Архивные документы как источник формирования представлений об истории отечества». СПб., 2005. С. 27–30; Он же. Представительство России на Международном конгрессе автомобильистов в Париже. 1909 г. // Россия и Франция XVIII–XX вв. Ежегодник Института всеобщей истории РАН. Вып. 7. М., 2006. С. 382–392.

³ Донской А.Ю. Греческие военные формирования в России в середине XVIII – первой половине XIX в. // Материалы XXIII Всероссийской заочной научной конференции «Актуальные вопросы российской военной истории». СПб., 2001. С. 28–30; Он же. Источники по истории греческих военных формирований в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Доклады и тезисы XIV Научной конференции ИАИ РГУ. М., 2002. С. 199–201; Он же. Граф Иоанн Каподистрия в судьбе грека Кацаро. Обзор документов РГВИА // Материалы XXXVII Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2005. С. 46–48; Он же. Греки на военной службе. Материалы Военно-ученого архива о греческих формированиях в российской армии 2-й половины XVIII – 1-й половины XIX в. // Вестник архивиста. 2008. № 1 (101). С. 34–39.

⁴ Донской А.Ю. Вера Холодная подозревается в шпионаже! Обзор документов РГВИА // Материалы XXXII Всероссийской заочной научной конференции «Классы и социальные группы в судьбах России». СПб., 2003. С. 205–206; Он же. Актриса кино Вера Холодная в шпионаже не замешана // Исторический вестник. 2016. Т. 17. № 164. С. 154–169.

учиться играть на гитаре. Кроме того, он был заядлым театралом, постоянно посещал концерты в Центральном доме работников искусств. Был активным участником встреч московской интеллигенции в культурном центре при греческом посольстве.

А.Ю. Донской не имел семьи и не оставил после себя наследников. Вся его жизнь без остатка была посвящена любимой работе. Друзья и коллеги Александра Юрьевича Донского глубоко скорбят по поводу его скоропостижной кончины.

Памяти профессора Александра Ивановича Юрьева (1948–2024)

В прошлом году наш журнал поздравлял профессора, доктора исторических наук Александра Ивановича Юрьева с 75-летием со дня рождения¹. И вот пришло трагическое известие. 17 августа 2024 г. Александр Иванович скончался после тяжелой продолжительной болезни.

Александр Иванович Юрьев родился 13 марта 1948 г. в Новосибирске, в семье военнослужащего, уроженца тульского села Деделово. Он был наследником традиций дедиловских казаков, известных с XVI в. Став известным ученым, принимал активное участие в исследованиях и распространении знаний по истории села Деделово, а также в издании книг на эту тему.

В Туле закончил среднюю школу № 54. Был чемпионом Тульской области по волейболу. В одиннадцатом классе стал победителем Всесоюзной исторической олимпиады для юношества. После окончания школы поступил в 1966 г. на историко-филологический факультет Тульского государственного педагогического института им. Л.Н. Толстого (ТГПИУ им. Л.Н. Толстого), который с отличием закончил в 1970 г. В 1967 г. выступил инициатором первой поездки группы студентов на археологические раскопки в Восточный Крым. Археология с тех пор стала еще одним его многолетним увлечением. После окончания института работал заместителем директора по воспитательной работе Шварцевской средней школы Киреевского района Тульской области. Служил в армии в Азербайджане в войсках ПВО.

После службы в армии был на комсомольской работе в Тульской областной комсомольской организации: инструктор обкома, первый секретарь Донского горкома, заведующий орготделом и член бюро Тульского обкома ВЛКСМ.

С 1976 г. Александр Иванович находился на ответственной работе в аппарате ЦК ВЛКСМ. В 1978–1980 гг. руководил агитпоездом ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда» на строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, являлся членом штаба ВЛКСМ на БАМЕ. В 1984–1986 гг. – советник ЦК ВЛКСМ в Афганистане в провинции Кандагар зоны «Юг», советник военного отдела ЦК Демократической

¹ 75-летие профессора А.И. Юрьева: некоторые штрихи к портрету ученого и преподавателя // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 11–13.

организации молодежи Афганистана. После возвращения из Афганистана преподавал в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ. В 1990–1991 гг. – консультант Секретариата Верховного Совета СССР, Комитета Верховного Совета СССР по делам воинов-интернационалистов.

С сентября 1991 г. А.И. Юрьев работал в ТГПУ им. Л.Н. Толстого: старший преподаватель, старший научный сотрудник, профессор, проректор университета. С 1997 г. – заведующий кафедрой отечественной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова (МГГУ им. М.А. Шолохова). После присоединения МГГУ им. М.А. Шолохова к Московскому педагогическому государственному университету (МПГУ) Александр Иванович в 2016–2022 гг. работал в должности профессора кафедры новейшей отечественной истории МПГУ. Эти годы стали для него временем плодотворной работы с целеустремленными и благодарными студентами, успехов в преподавательской и научной деятельности. За этот в целом небольшой период времени он оставил яркий след в истории кафедры новейшей отечественной истории, исторического факультета и всего Института истории и политики МПГУ.

А.И. Юрьев пришел в МПГУ уже полностью состоявшимся ученым – историком и опытным преподавателем. За его плечами была работа в ТГПУ им. Л.Н. Толстого, где он прошел путь от старшего преподавателя до профессора и проректора вуза, в МГГУ им. М.А. Шолохова, где он, защитив докторскую диссертацию, проявил себя как преподаватель и как руководитель кафедры отечественной истории. Работая на кафедре новейшей отечественной истории МПГУ, А.И. Юрьев показал себя авторитетным ученым и блестящим, креативным преподавателем.

Для А.И. Юрьева в научно-исследовательском труде главными историческими источниками всегда были архивные документы и материалы. По его мнению, только на основе тщательного изучения, прежде всего, архивных источников по выбранной теме, их перекрестного сопоставления, критического анализа и т.д. можно делать обоснованные выводы.

А.И. Юрьев выступал противником чрезмерных обобщений, выступая за предельно взвешенный анализ исторических фактов, основанных на конкретных источниках, требуя этого же от своих учеников. Кроме того, А.И. Юрьев был последовательным приверженцем тщательной проверки информации, полученной из работ других историков.

А.И. Юрьев был убежденным сторонником «старого» академического стиля в научных публикациях, не допускающего витиеватостей, пристрастного освещения исторических событий, чрезмерных вольностей

и эмоций. Его научные работы отличаются четкими формулировками, немногословностью, использованием кратких предложений. При отсутствии внешней эмоциональности, даже в какой-то степени, сухости стиля, каждая его фраза несет в себе четкий смысл и исключает двусмысленность в понимании.

Важным качеством научного творчества А.И. Юрьева было корректное и уважительное отношение к трудам своих предшественников, даже если он и не был согласен с какими-то сторонами их концепций. Эту черту он всегда пытался привить и своим ученикам. При этом корректность у него соседствовала с принципиальностью. А.И. Юрьев никогда не подстраивался под конъюнктуру, не называл черное белым и наоборот, всегда высказывал собственное мнение. В общей сложности А.И. Юрьев – автор более 150 научных публикаций, среди которых монографии и статьи.

Особым научным и учебно-методическим увлечением А.И. Юрьева являлось издание учебной литературы. Преподавателям и студентам хорошо известны его учебники и учебные пособия: «История России (IX – начало XX вв.)», «Новейшая история России: февраль 1917 – начало XXI века», «История отечественной культуры» и др.

При этом А.И. Юрьев никогда не гнался за чрезмерным приумножением своих трудов, издавал их по мере «созревания», поэтому в каждом из них отражена частичка накопленного опыта и знаний ученого.

Как преподаватель А.И. Юрьев снискал искреннее уважение студентов. Их увлекала его манера чтения лекций. Студенты отмечали, что благодаря хорошо поставленному голосу и ясной, четкой речи, произносимой спокойным, ровным тоном, Александр Иванович по праву мог быть уверен, что его услышит даже в большой аудитории каждый студент на лекции. Поражало студентов его умение находить правильные слова в любой ситуации, выражаться кратко, но емко. Если говорить о его умении создавать в своих лекциях некую «разрядку» на лекционных и практических занятиях, в напряженном студенческом труде, то здесь Александр Иванович был вне конкуренции – он производил обезоруживающее впечатление своими оригинальными и остроумными, всегда уместными шутками.

Студенты относились к А.И. Юрьеву с истинным почтением, едва скрываемым восхищением, таким образом, признавая его неоспоримый авторитет и бесспорное лидерство. Они отмечали высокие профессиональные качества Александра Ивановича, благодаря которым он умел вызвать стойкий интерес и стремление к освоению преподаваемых им дисциплин.

Заслуги А.И. Юрьева как ученого и вузовского преподавателя не остались без внимания властей. За многолетнюю и плодотворную учебную и научную деятельность ему было присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». А.И. Юрьев был награжден советскими и афганскими правительственными наградами. Был кавалером высшей награды комсомола – Почетного знака ВЛКСМ.

Александр Иванович стоял у истоков издания нашего журнала, став в 2010 г. заместителем главного редактора (в то время журнал назывался «Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология»). Эти обязанности он исполнял до середины 2013 г., после чего, вплоть до выхода на пенсию в 2022 г., был членом редколлегии журнала «Локус: люди, общество, культуры, смыслы».

Александр Иванович похоронен в своем родном городе Тула. Тульская общественность откликнулась на его смерть некрологом, опубликованном в газете «Маяк» Киреевского района Тульской области².

Редколлегия журнал «Локус: люди, общество, культуры, смыслы», коллеги, ученики и друзья А.И. Юрьева выражают глубокие соболезнования его родным и близким.

² Юрьев Александр Иванович. 13.03.1948–17.08.2024 // Маяк. Общественно-политическая газета Киреевского района Тульской области. URL: <https://kirmayak.ru/n711466.html?ysclid=m11wfnqw5h904670344> (дата обращения: 14.09.2024).

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2024.3

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 26.09.2024 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 10,38 п. л. Тираж 1000 экз.